

Н.Б. ПАТРИКЕЕВ

30 лет
СО СПАНИЕЛЕМ

Питер а ну рно - кра в е д е с т о д е у
ц е к т р у с с е р д е з н о й
б л а г о д а т н о с т ю з а в н е с е н и е
в а н к а л ы и с т о р и и м о и х
л ю б и м ы х с т а н и л е й .

~~У ф р о н т а н е т~~

24.05.15

Новомир Патрикеев

**30 лет
со СПАНИЕЛЕМ**

*из записок охотника
Северо-Западной
Сибири*

Издательство «Вектор Бук»
Тюмень, 1998 г.

ББК 47.1
П-20

Печатается по рекомендации секции прозы Международной конференции писателей народов Севера (г. Салехард, 1996 г.)

Патрикеев Н. Б.

30 лет со спаниелем: из записок охотника Северо-Западной Сибири. Тюмень, 1998, 184 с.— Издательство «Вектор Бук».

В основу издания положена документальная повесть с одноименным названием, опубликованная в сокращенном варианте в альманахе «Охотничьи просторы», журнале «Югра». Частично использованы отдельные фрагменты и эпизоды из книг «Планета любви» и «Болотно-луговая охота со спаниелем», органически вплетенные в повествование.

В фактически новом цельном произведении автор увлекательно рассказывает об охотничьих собаках, окружавших его с детства, и с особой любовью — о своей тридцатилетней охоте с русскими спаниелями на водоплавающую, болотно-луговую и боровую дичь, предлагает краткую историко-кинологическую справку о спаниелях, размышляет о высшем смысле охоты как части русской культуры. В библиографическом указателе книжно-журнальных публикаций Н.Б.Патрикеева о природе и охоте представлено около ста источников.

ISBN 5-88131-063-2 © Патрикеев Н. Б. (текст), 1998
© Романов В. А. (оформление), 1998.

ОБ АВТОРЕ

Новомир Борисович Патрикеев родился в 1932 году в Салехарде (Обдорске) – единственном в мире городе, расположенном на черте Полярного Круга. Его отец, первый агроном Ямала и страстный охотник, с раннего детства привил сыну любовь к природе и охоте. Охотниками были оба его деда, все дядья и даже одна тетка. Мальчик рос в обстановке постоянных разговоров об охоте и охотничьих книгах, о ружьях, о породистых собаках, которые всегда жили в доме. С детства видел как готовятся к охоте – льют самодельную дробь, рубят войлочные и картонные пыжи, снаряжают патроны, красят утиные манщики, ремонтируют лодки, бродни, патронташи. С шести лет он начал стрелять в цель из малокалиберной винтовки, в семь лет впервые побывал на охоте и выстрелил из дробовика, а в девять – взял первый ружейный трофей – кулика-турухтана.

Уходя на фронт, отец подарил ему двуствольный “Зауэр-Аист” 16 калибра, с которым в конце войны юный охотник стал самостоятельно добывать уток и куропаток и на многие десятилетия стал неизменным поклонником и служителем богини охоты Дианы. К окончанию десятилетки прилично стрелял влет и был знаком с основными видами

охоты на водоплавающих: с подъезда, подхода, из скрадка с манщиками и на осенних вечерне-утренних перелетах.

Добротное биологическое образование получил в Московской сельхозакадемии им. Тимирязева, которую с отличием закончил в 1955 году. Работать приехал на Салехардскую сельхозстанцию, основателем которой был его отец. С 1956 года начал публиковать газетные заметки фенолога, этюды о природе и охоте, заниматься сбором и отправкой в Центр кольцевания колец, снятых с добытых на Ямале водоплавающих птиц, сообщал в печати не только о фактах обнаружения меток, но и местах кольцевания и зимовок птиц.

В 1958 году в коллективном сборнике напечатаны первые охотничьи рассказы. Большое влияние на автора как пишущего натуралиста оказали корифей российского охотоведения Г.Е.Рахманин и будущий крупный орнитолог Л.Н.Добринский, с которыми он вместе охотился. Первым редактором рукописей был коллега по работе известный охотовед и ученый В.П.Макридин.

В 1964 году Н.Патрикеев одним из первых в Ямало-Ненецком округе подготовил и начал применять на утиной охоте русского спаниеля, передал охотникам Салехарда и Тюмени десятка два породистых щенков, пропагандировал спаниелей в печати.

Тишину научной лаборатории Н.Б.Патрикеев решительно сменил на перо журналиста, став собкором по Ямалу областной газеты "Тюменский комсомолец". Через четыре года был назначен директором таежного зверооленоводческого совхоза, потом – руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству Ямало-Ненецкого окружкома КПСС. В 1965 году окончательно вернулся в журналистику заместителем редактора окружной газеты "Красный Север". Окончил Свердловскую высшую партийную школу и с 1970 года редактирует главную газету Ханты-Мансийского автономного округа "Новости Югры".

Неиссякаемая творческая энергия, умение предугадывать события, "журналистское чутье" главного редактора сделали газету самой читаемой в округе. Здесь Н.Б.Патрикеев продолжил работу по изучению и охране природы края и пропаганде культурной охоты, организовал в газете ежемесячные выпуски страницы "Охота и природа" и четырехполосного приложения "Экологический вестник".

В газетных и журнальных статьях он описал все виды водоплавающих, болотных и хищных птиц Обского Севера, занесенных в Крас-

ную книгу или находящиеся под охраной Закона; рассказал о болотно-луговой дичи и охоте на нее со спаниелями; о гусях и казарках, встречающихся в Обь-Иртышьи; о поэтической охоте на тяге вальдшнепа, внесенной в последствии в правила охота автономного округа.

Охотничье-экологической теме посвящены и книги Н.Патрикеева: "Планета любви", "Болотно-луговая охота со спаниелем", журнальная повесть "30 лет со спаниелем", где автор, "рожденный с ружьем", доказывает, "что любовь ко всему живому и охота – вещи вполне совместимые, в них он сочетает точные описания охоты с размышлениями о проблемах окружающей среды, об охотниках и этике охоты; наряду с этим вышеупомянутые издания являются энциклопедией фауны северного края, рецензенты отмечают, "что книги написаны очень грамотным биологическим языком, и в описании различных видов птиц и зверей автор полностью избежал ошибок".

Становлению автора как охотничьего писателя добрым словом и советами способствовали москвичи: большой знаток русской охотничьей литературы М.В.Булгаков, ученые-биологи и литераторы Ф.Р.Штильмарк, С.Ю.Фокин, издатели и редакторы В.В.Королев, Н.К.Носкова, М.А.Плахотник, И.Т. Павлов.

С конца 50-х годов Н.Б.Патрикеев известен и как историк края. В начале его работы публиковались в периодических изданиях, в 60-е годы вышли отдельные произведения: "Юность Ямала" – первый труд, в котором освещается история окружной комсомольской организации Ямала, "Рассвет над Ямалом", "Нас водила молодость". Окончив аспирантуру по исторической специальности, Н.Б.Патрикеев написал диссертацию по проблемам молодежного движения, став начинателем исследования истории комсомольских организаций Северо-Западной Сибири. Его научными руководителями были крупные сибирские историки М.Е.Бударин и В.А.Зибарев, консультантами и рецензентами – профессора И.М.Разгон, В.А.Золотарев, М.С.Кузнецов, Ю.П.Прибыльский.

Исследования по истории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов были обобщены в книгах, вышедших в 1995 году – "Югра – вехи жизни" и "Ямал: страницы былого". Первое издание рекомендовано окружным институтом повышения квалификации педагогических кадров в качестве учебного пособия в школах округа, потому как является "правдивым очерком о нашем северном крае", в котором рассмотрены "его биографические этапы от проникновения за Камень-

Урал первых людей и до наших дней, от позднего железа до большой Югорской нефти”.

Со времени создания Ханты-Мансийского Регионального отделения Петровской Академии наук и искусств в 1994 году Н.Б.Патрикеев избран заместителем председателя совета Отделения, в январе 1995 года – членом-корреспондентом Академии, в 1997 году – действительным членом (академиком).

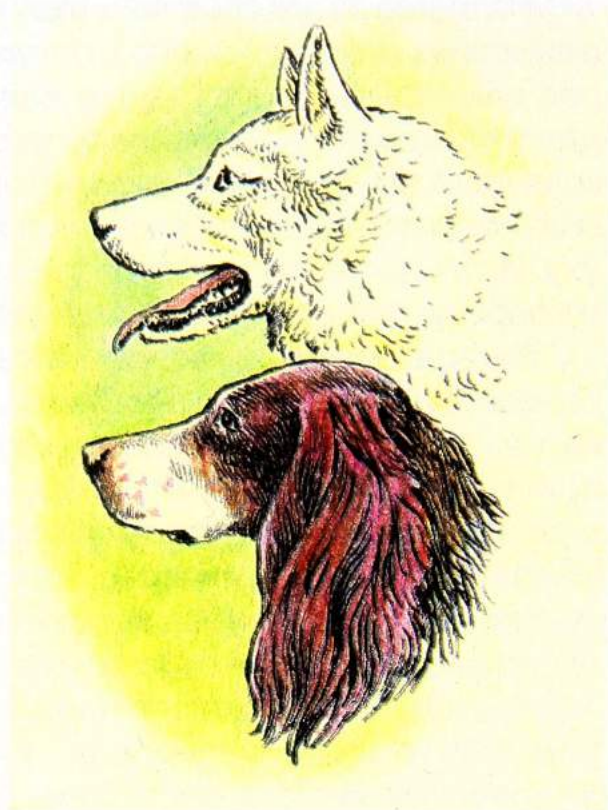
В настоящее время Новомир Борисович принимает участие в подготовке трехтомной энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа, являясь членом научно-редакционного совета, ответственным за раздел гражданской истории, и членом авторского коллектива. Он – член авторского коллектива подготовленного учебника истории округа с древности до наших дней и один из составителей готовящегося сборника материалов по истории округа.

Член союза журналистов с 1959 года, Н.Б.Патрикеев является старейшим деятелем журналистского движения СССР и Российской Федерации. С 1971 по 1990 год был бессменным членом Правления СЖ СССР, в настоящее время член Федеративного совета союза журналистов России, председатель союза журналистов автономного округа. Многолетний опыт участия в деятельности центральных выборных органов Союза журналистов, газетной и литературной работы, позволяет ему квалифицированно выступать в печати по проблемам журналистики и литературоведения. Этой тематике посвящены книга “История Югры газетной строкой” и 25 публикаций в журналах и сборниках.

Н.Б.Патрикеев – заслуженный работник культуры Российской Федерации, кавалер российского ордена Дружбы, действительный член Русского географического общества, почетный член общества охотников.

*Академик Г.Бардин,
профессор, почетный полярник*

I. ОТ ЛАЙКИ ДО СПАНИЕЛЯ

*“Охотник с ружьем без собаки –
что-то недостаточное, неполное”.*

С.Т.Аксаков.

Сколько помню себя, столько помню и охотничьих собак, которые всегда жили в нашем доме. Первые из них – старая вогульская лайка Серка и кофейно-пегий пойнтер Найда, привезенные отцом с севера Пермской области в Обдорск (ныне Салехард) – единственный в мире город, расположенный на черте Полярного круга.

Передо мной четкая студийная фотография 1926 года. Девятнадцатилетний отец сидит с ружьем на коленях на фоне панно, изображающего лес. На декоративном заборе из березовых жердей висит патронташ, а рядом Найда, стройная, как хорошо вылепленная скульптура. Представляю ее в стойке! Сохранился и маленький пожелтевший любительский снимок осени 1929 года. Отец в обнимку с Найдой, рядом висят четыре тетерева и огромный журавль, которого она подраненного разыскала в болоте и добрала. Несмотря на короткую шерсть и раннюю специализацию по болотной дичи и выводкам тетеревов, нежный пойнтер прекрасно работал по уткам в кочковатой обской пойме.

На одной из предвоенных охот отец показал мне место, где Найда в вечерних сумерках смело атаквала на мелком илистом озере, скорее длинной луже, молодого лебедя. Догнала его во время разбега для взлета и крепко вцепилась зубами в хвост. Но сильная птица легко вырвалась и ударом крыла отбросила собаку. Мокрая и грязная, она снова догнала и остановила лебедя, получив опять добрую оплеуху. И так три раза, пока лебедь не оторвался от преследования уже на берегу и взлетел, но попал под выстрел.

В наше время неэтично писать о красавцах-лебедях как о дичи, однако до 50-х годов их не только стреляли ради мяса и пуха охотники, но и бочками заготавливала кооперация. Я взял этот факт по трем причинам. Во-первых, как пример азарта и смелости собаки. Во-вторых, он имел своеобразную моральную оценку. Дед по отцу – старый учитель – так возмутился, что там же, на охоте, демонстративно сломал пополам свое ружье и навсегда перестал охотиться. А в-третьих... сюжет еще получит развитие в повествовании.

В старости Найда ослепла. Однажды вьюжным мартовским вечером 1936 года подошла к деду и бабушке, ткнулась мордой каждому в колени, как бы прощаясь, попросилась на улицу и исчезла. В начале лета ее нашли на могиле прабабушки, ухаживавшей за ней со щенячьего возраста. Мне, выросшему в играх с ней, долго говорили, что Найда просто потерялась.

Близко знал я и других легавых собак. У дяди был крапчатый английский сеттер-лаверак, у близкого друга отца – черно-подпалый шотландский сеттер-гордон, у соседа – рыжий ирландский. Эти породы в отличие от гладкошерстного пойнтера с тонким хвостом-”прутом” имели длинную волнистую шерсть и красивые хвосты под названием “перо”. Они лучше подходили для утиной охоты, а болотной дичью тогда, как, впрочем, и теперь, почти никто не занимался.

Не могу не сказать и о единственном в Салехарде русском гончем, которого видел при сборах на осеннюю охоту. Он был по совместительству и утятником, т.к. работать по основной профессии мог только какой-нибудь месяц, пока лесотундра не заметалась глубоким снегом. Тогда хозяин приглашал друзей на зайцев, и, как правило, все возвращались с трофеем – беляки водились в изобилии. Случалось, охотники наблюдали целые заячьи стаи. Еще в середине 50-х годов сослуживец по Ямальской комплексной сельхозстанции известный ученый-охотовед В.П.Макридин рассказывал, что видел скопления беляков в Ненецком округе во время своих многочисленных охот на волков с самолета.

Хорошо помню возвращение отца с довоенного коллективного выезда и свежий рассказ о нем. В октябре, по последней воде, кто-то

подсмотрел, что на высоком большом обском острове с весны осталось много зайцев. Десять охотников отправились туда на четырехвесельной большой лодке и взяли за воскресенье 115 беляков.

– Все, как в Европе, – говорил отец, имея в виду не только организованный характер охоты (установку стрелков на номера, выкладку трофеев). Мясо сдали в кооперацию, шкуры – в “Заготживсырье”, получив за них боеприпасы и кожу на бродни.

Чемпионом выезда стал директор рыбоконсервного комбината Константин Гладовский, ухитрившийся взять на дуплет двух косых, выскочивших из-под одного бревна-плавника, да еще застрелить “влет” лису, прыгнувшую со своей лежки на стог. Главным героем был тот гончак.

В общем, породистых охотничьих собак в довоенном Салехарде было гораздо больше, чем теперь. Этому способствовали и культура охотников, и постоянный приток новых людей (политссылка, крупная база Главного управления Северного морского пути). Собак привозили самых разных, порой невиданных на Севере служебных и декоративных.

В 1937 году репрессировали одного работника Главсевморпути, и его жена в связи с отъездом отдала отцу редкого тогда черного прямошерстного ретривера Мишку. Это английская собака, внешне очень похожая на сеттера, может быть, уши чуть покороче и морда помощней. Характерный признак – довольно большая мочка носа с открытыми ноздрями.

В нашу семью пес входил трудно. Несколько раз убегал в прежнюю квартиру. Первое время был злобен даже с отцом, хотя детей любил. После ареста хозяина возненавидел людей в шинелях. Однажды покусал ехавшего на велосипеде милиционера, за что получил два выстрела в угон из револьвера. К счастью, пули ничего жизненно важного не заделали, а так и остались под кожей.

Он безотказно и четко проработал по уткам пять лет. Мне довелось наблюдать это на своей первой утиной охоте. Августовский теплый, ясный вечер 1939 года, сонно-спокойная золотистая гладь реки. За ней светло-зеленая пойма с желто-коричневыми в предзакатном солнце стогами. А на воде, чуть ли не от самой пароходной пристани и дальше вверх по течению, насколько хватало глаз, бессчетные стаи уток – выводки хохлатых и морских чернетей, синьги, гоголя, перемежающиеся линияющими взрослыми нырками. На илистых отмелях и по ручьям, оставшихся от высохшего заливного луга-сора, – стайки уже вставших на крыло серых уток, в основном, шилохвостей-острохвостов.

Вся картина открылась, когда мы – отец, я и Мишка – подошли к

старой деревянной лестнице на крутом обдорском яру, укрепленном высоким срубом из бревен. Переехав в лодке на пойму, некоторое время шли по стерне. Дальше начинался сырой кочкарник, и отец помог мне взобраться на стог вместе с кожаной сумкой, где лежали бутылка молока и кусок черного хлеба. С высоты я увидел узкие полосы невысокого тальника, проточки и мелкие озера. У одного из них от прибрежной густой осоки вылетела утка, свернулась комком и упала, а после выстрела черным порохом легло облачко белого дыма. Мишка сплавал за трофеем.

Начинало смеркаться, раздавались еще выстрелы и были видны огненные снопы с искрами, вылетающие из стволов. Вернулся отец уже в полной темноте с несколькими утками. Мокрого Мишку уложил на корме, завернув в старый полушубок. Той осенью побывать на охоте больше не удалось. Отец уехал на уборочную, а в первой половине сентября выпал да так и не растаял снег.

На осенние охоты 1940–1941 годов отец брал меня, уже школьница, довольно часто. Они были в общем-то однотипные из-за позднего спада воды. Ездили мы только на “вечерники”, без ночевки, в одно и то же место – Кысканы. Название произошло от хантыйского слова “касқан” (перевес) – старинная, запрещенная в 20–30-х годах, ловушка для дичи. Они были двух видов – с сетью, падающей сверху при полете уток (в лесу), или, наоборот, поднимаемой с земли (в пойме). Непременной принадлежностью их являлись два длинных столба-жерди с блоками. Под Обдорском перевесы ставили еще в незапамятные времена, когда росли высокие кусты, в которых делали специальные просеки.

Здесь водоплавающие птицы весной и осенью “спрямляли” свой путь на Север в изгибе Оби. Они и сейчас летят там, только очень высоко. А раньше на пойменных мысах и выше, по горным ручьям и озерам, стояли капитальные станки-засидки на гусей. Многие горожане охотились там и на уток.

Мы заезжали на калданке прямо в густые тальники, предварительно расставив 10–15 манщиков. Кусты, покрытые листвой, торчали из воды примерно на метр и отлично нас маскировали. Вечерами по разливу вдоль и поперек носились местные утки и снижались северные, прилетающие из-за горы, с Оби. Совсем рядом был сухой бугорок с кострищем, где я иногда оставался с Мишкой и смотрел, как отец стрелял. Если трофеи падали в воду, он вытаскивался веслом и подбирал; если на берег или в затопленные кусты – работала собака.

18 августа 1942 года Мишка аппортировал мой первый ружейный трофей – кулика-турухтана. За три дня до отъезда на фронт отец нашел время вывезти меня на охоту с утра. Пойма сильно обмелела. Мы переправились через реку и заехали в узкую канавку, идущую к лугам. За ней был небольшой волок с круглыми жердями, по которым перекатили лодку, и снова канавка, переходящая в залив. Чтобы попасть на протоку, нам пришлось перетаскиваться еще через небольшую гривку. Вдруг метрах в двадцати на кочку опустился турухтан. Отец глазами показал на ружье. Мишка замер. Я осторожно взял “Зауэр-Аист” 16 калибра, взвел левый курок, положил для упора на лодку, прицелился и выстрелил. Кулик даже не трепыхнулся.

“Взять!” – гордо и радостно скомандовал я собаке. Она резко рванулась за первой в сезоне дичью и с высоко поднятой головой и горящими глазами торжественно подала мне. Отец коротко похвалил и как-то неожиданно просто сказал: “Теперь это ружье будет твоим”. Только много позже я вдумался в завещательный смысл этих слов,

сказанных перед отправкой на войну. Обретение первого трофея и собственного ружья стало доминантой той охоты, хотя все время нависала и тяжесть от предстоящего расставания с отцом.

По протоке приехали к озерам. Там с моими короткими яловыми сапогами делать было нечего. Отец повесил на куст часы, сказал, к какому времени сварить обед, и ушел с Мишкой на охоту. Я достал топорик, срубил две таловые ветки с развилками и толстую перекладину, на которую навесил котелок и чайник. Заготовил дрова и наломал в тальниках тонких, как спичка, засохших веточек на растопку. За хлопотами с костром время шло незаметно. В поисках валежника я вышел к заливу, где почти из-под ног выплыли сидевшие в прибрежной осоке несколько длинношеих шилохвостей. А к невиданной ранее близко желтой трясогузке-плиске подошел на метр-полтора и внимательно рассмотрел. До чего непугаными были птицы! Вернувшись с добычей отцу я сразу сказал об утках, на что он посмеялся и ответил, что они наверняка уже улетели. Мы пили настоящий охотничий чай, ели дымящуюся картошку, а Мишка лакал из своей чашки молоко.

Домой поехали, не дожидаясь вечерней зари, т.к. пароход под очередной “эшелон мобилизованных в Действующую Армию” уже стоял у причала. Я сидел “на веслах” и тихо греб, отец помогал мне сильными гребками кормового весла. Вдруг высоко в еще светлом небе появилась белая точка. Мне показалось, что летит серебристая в вечерних лучах солнца птица.

– Папа, смотри, как высоко залетела чайка!

Он слегка развернул лодку и улыбнулся: это не чайка, а Венера – первая утренняя и вечерняя звезда. Очень метко называли ее ненцы – “звезда зари”. Сейчас она разгорится и скоро погаснет, зато утром и взойдет раньше всех, и сиять будет дольше всех.

В предсумеречном ясном небе взошла платиновая Венера, ранняя звезда моей охоты. Я не сводил с нее глаз и видел, как она становится все ярче и ярче. Наутро встал очень рано, чтобы убедиться, что Венера еще светит. Она, как и вчера, одна красовалась на небе, только в противоположной стороне, и как бы ободряла меня, слегка подмигивая.

Дед-математик, проходивший в начале века курс “Космогонии” в Москве, в обсерватории Петровской (Тимирязевской) академии, прочитал мне маленькую лекцию о Венере. Я узнал, что эта планета – самое яркое после солнца светило на небе, у нее есть смена фаз, как у Луны, а белая она из-за плотной атмосферы. Римляне почитали богиню Венеру как покровительницу весны и садов, а впоследствии отождествляли с греческой богиней любви и красоты Афродитой. Пла-

нетой любви было освящено и мое первое поле. Под ней прошла и вся долгая охотничья жизнь. А Мишка не вынес разлуки со вторым хозяином, заскучал, почти перестал есть и через два месяца умер.

Пять лет в нашем доме не было никакой собаки. Летом 1947 года отец привез из командировки местного лайкоида при положительной и обнадеживающей характеристике – “шибко хорошо уток таскает”. Крупный, остроухий, белый с желтизной и добродушный Бобка постоянно сопровождал меня с друзьями на берег и с удовольствием лежал на плотках, с которых мы ныряли и ловили ершей, выносил из реки брошенную палку, не оставляя сомнений в своих охотничьих способностях.

Однажды в мое отсутствие соседские ребята из озорства столкнули его с плотов, причем в сторону реки. Пес не только испугался, но и нахлебался воды, выбираясь на высокие бревна. Брат Владимир рассказал об этом уже на охоте, когда собака не захотела идти за лежавшей почти у самого берега уткой. Пока вода в озерах оставалась сравнительно теплой, мы сами частенько забредали выше пояса или плавали за своими трофеями. Тех уток, что падали или забирались в траву, Бобка все-таки находил, но в пасть не брал, только придавливал носом. И даже такая помощь значительно сократила наши потери. На воде все-таки убитую птицу видно – можно взять вброд или подождать, пока поднесет к берегу, если не застрянет в водорослях. Были и разные приспособления – “карманные собаки” – привязанные к длинным веревкам гирьки или палки с крючками.

Зиму Бобка “проработал” дворовым сторожем, ни разу никого не облаяв, кроме чужих собак. И хотя ему был разрешен вход в дом (отец всех своих собак держал в квартире на правах члена семьи), спал пес на улице, оставляя по утрам на снегу подтаявший кружок.

В начале лета его увезли на родину, а взамен получили небольшую черную оленегонную лайку Дамку с лисьей мордочкой, длинной шелковистой шерстью, пышным хвостом-калачиком, закинутым на спину. У нее были широкие и короткие уши, похожие на половину квадрата, разделенного по диагонали. Внешне – ну, типичный шпиц с картинки из собачьей энциклопедии. Как все пастушеские собаки, она показала себя послушной, сообразительной и, можно смело сказать, даже умной.

Почти все лето Дамка провела со мной на рыбалке и сенокосе. Судя по ее поведению, я был уверен, что осенью поохотимся без потерь. Но в августе началась необычная и сильная прибыль воды. Пойму затопило. Вечерами мы ездили с отцом на зорьку. Сидели с манщиками в замаскированной кустами лодке на подтопленной кочковатой гриве у озера, превратившегося в залив. Стреляли до самой

темноты.

Дамка с первого выезда поняла, что от нее требуется. Если утки падали в воду, она охотно плавала и выносила на берег, если в траву – я выходил вместе с ней. Искала лайка, в основном, низовым чутьем, как и Бобка; уток в руки не подавала, но не теряла.

Следующий осенний сезон из-за болезни отца я провел полностью самостоятельно. Мы уезжали с другом по субботам километров за шесть к большому озеру со множеством заливчиков и примыкающих мелких луж. Утром и вечером сидели в одном скрадке, а днем бродили с собакой по берегам. Охотились до самых заморозков, ночуя у костра в полузаброшенной избушке без окон и дверей. Лайка работала очень спокойно, без особого азарта, но старательно и совсем не боялась холода. Кстати, в лодке мы ее перевозили только через реку, а дальше она бежала по берегу до самого стана, форсируя по пути пару проточек.

В начале зимы у Дамки появилось потомство. Перед тем, как раздать желающим, мы с братом провели испытание по старому способу. Еще слепых щенков клали на покрытый тряпкой табурет. Все они, поползав немного, падали на пол. Только самый крупный чувствовал высоту и с писком пятился от края. Он был отдан приехавшему из армии дяде и получил кличку “Маркиз” в память о его сеттере тридцатых годов.

Смышленный щенок вырос в огромную сильную лохматую собаку. Это был отчаянный драчун, проказник и самый настоящий вор. Дома и у соседей он съедал все, что плохо лежало – мясо, рыбу, пельмени, а однажды принес большой ягодный пирог вместе с противнем. Хозяин вынужден был избавиться от него и продал рыбакам в ближайшую деревню.

Осенние охоты 1950-1951 годов я пропустил – сначала поступал в Тимирязевскую сельхозакадемию, затем был в военных студенческих лагерях. Когда впервые приехал на каникулы, Дамки уже не было в живых – умерла при родах. Поскольку дядя переехал в другой поселок, во дворе у нас жил Маркиз, не захотевший тянуть ляжку ездовой собаки. Свои порочные наклонности он удовлетворял в соседнем дворе, где под огромным брезентом хранились продовольственные запасы железнодорожных строителей. Он постоянно “задирал” привязанных сторожевых овчарок и частенько приносил банки с тушенкой и сгущенкой, лизал, кусал, с остервенением грыз их, чтобы добраться до содержимого.

Вот с таким “зверем” пришлось охотиться две осени. Картинка, конечно, была живописная. Впереди иду я с ружьем и толстой облившейся таловой веткой, затем рвущийся из ошейника Маркиз и Во-

лодя, еле удерживающий поводок двумя руками. Время от времени пускаю в ход “метлу”, чтобы охладить собачий пыл.

У очередного озера, если были кусты, пса привязывали, и он, как ни странно, уже не пытался вырваться, наверное, сказалась работа в упряжке. Мы обходили водоем и отпускали Маркиза подбирать добычу. Здесь он был силен и неутомим – разыскивал в траве, много плавал. Как-то с одного озера вынес подряд 18 уток, пару даже захватил враз.

Но уж если срывался с поводка, то с лаем носился по округе, распугивая все живое. Тогда приходилось садиться к стогу и ждать, пока набегается. Как бы то ни было, уток мы с ним не теряли, а потерялся он сам, говорили, что увели назад рыбаки.

Мои последние каникулы впервые полностью совпали со сроками охоты, но все омрачилось отсутствием собаки. Опять в ход пошли разные “закидушки” и вынужденные заплывы. Порой приходилось думать, а стоит ли вообще стрелять.

Во избежание потерь местом стационарной охоты выбрали большое озеро в форме восьмерки с двумя выдающимися мысами, на которых стояли скрадки. Чтобы легче собирать трофеи, перетащили из реки лодку. На ней плавали Володя и младший, послевоенный, брат Бориска.

Метрах в трехстах от “восьмерки” располагалось узкое длинное озеро с низкими топкими берегами. Уток днем на нем почти не было, из-за труднодоступности его часто выбирало для отдыха жившее в окрестностях семейство лебедей. Через небольшой перешеек начиналось огромное озеро длиной километра два и шириной 200-300 метров. На нем мы тоже не охотились, т.к. птицы обычно сидели далеко от берега. Между этими водоемами я стал позже ходить на обмелевшие протоки, где стрелял уток “на грязях” и почти без потерь.

Однажды утром, возвращаясь с хорошей добычей, остановился на перешейке полюбоваться вдруг по-новому открывшейся красотой большого озера.

Большое озеро, как блюдо.
Над ним скопление облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

Пастернаковские строчки дополнялись отражением облаков в стеклянной воде, игрой сменяющихся красок: розовых, голубых, дымчато-серых на светлой глади озера и темных – в тени высоких травянистых берегов. Я достал блокнот, чтобы записать впечатления, но тут же, нагнувшись, потянулся к ружью. Прямо на меня летели утки, рядом – еще. Сделав несколько выстрелов, понял, что попал на

перелет по давно знакомой системе озер и проток. Не поленился тут же нарубить веток в соседнем ивняке, принес сена и построил два скрадка.

К вечеру приехал отец. Мы красиво настроляли около десятка уток и почти половину не нашли. Запомнился редкий угловой дуплет по связям. После выстрелов птицы резко остановились и медленно парашютировали к земле; одна из них плавно вращалась по спирали. Упали обе всего метрах в пятнадцати и как провалились, хотя я, казалось, разобрал все травинки и заглянул под каждую кочку.

Когда пришли на стан, у костра вместе с братьями сидели два немного знакомых охотника. Рядом лежала темная небольшая собака с длинными ушами.

Отец не замедлил меня покритиковать:

– Видишь, люди с помощницей, а ты четыре года прожил в Москве и не мог найти сеттера или пойнтера.

– Какая помощница, – заплевались мужики, – дрянь ленивая. Два раза в озеро кидали, совсем уток не берет. Бросим здесь, берите, если надо.

Попив чаю, они ушли. Собака и не пошевелилась, тем более ребята уже хорошо подкормили ее и тут же называли Найдой.

Перед рассветом без особого приглашения она потянулась за нами на охоту. Эффект, как говорится, превзошел все ожидания. Около моего скрадка собачонка повела носом, потянула по ветру в траву, громко зафыркала в кочках и одного за другим обнаружила связей. На зорьке валом пошла северная утка. Как только моя или отцовская добыча падала, мы вместе с Найдой бежали подбирать. Нашла она и все другие вчерашние потери.

Утром окончательно рассмотрели свою бесценную находку – помесь единственного в городе пойнтера (кстати, комнатного, нерабочего) и дворняжки. От породы, кроме ушей и гладкой шерсти, осталось немного крапа. Цвет преобладал черный, хвост был более толстый, с белым кончиком, но прямой и горизонтальный. Тут уж не до экстерьера, а работницей оказалась прекрасной, правда, сначала неохотно шла в воду, вероятно, сказалось принудительное купание.

На следующей охоте Найда сама следила за пролетающими утками. Как-то схватила острохвоста, едва он коснулся травы, а в это время второй свалился ей прямо на спину. Она низко присела от испуга и неожиданности, наверное, вспомнила грубых старых хозяев, резко повернулась, но, увидев утку, яростно вцепилась в нее зубами.

Когда я окончательно вернулся через год в Салехард на работу, у Найды подросла дочь Кукла – почти полная ее копия, только более темная, без крапа и с густым “дворняжистым” хвостом, но не крюч-

ком, а поднятым вертикально кверху. Найду отец оставил себе, а мне досталась молодая, теоретически подготовленная собака со знанием основных команд, передней и задней поноски, приученная к воде.

Первую утку сбил для нее не совсем удачно. Высоко летевшая шилохвость спланировала почти рядом с нами на стерню и тут же подняла голову. Кукла насторожилась, напряженно вытянулась и стала медленно, как бы принохиваясь, подходить к ней сзади. Когда расстояние сократилось до нескольких сантиметров, птица легко поднялась и стала круто, испуганно-быстро набирать высоту. Собака лишь лязгнула зубами в прыжке. Мы с братом, хотя и держали ружья в руках, от удивления даже не обстреляли беглеца, который был только шокирован дальним выстрелом.

Так проснулся азарт, а остальное вышло без особых проблем. В отличие от матери, работавшей только на подборке и не подававшей уток в руки, она постоянно вела поиск, любила воду, порой ловила чужих подранков. И была очень цепкой к добыче. Иногда я делал вид, что не замечаю ее, и Кукла спокойно шла за мной по тропе с уткой в зубах, пока не забирал добычу.

Как-то она оценилась незадолго до охоты. Беспородный помет, естественно, был обречен на утопление. Но среди черных дворняжек оказался один белый крапчатый щенок с более длинными ушами. Рискнули оставить – вдруг пойдет в деда – и назвали Мишкой. Вместе с ним пощадили еще одного, для компании. О том, чтобы не взять Куклу на охоту, и речи не могло быть, повезли вместе с выводком. Я носил щенков в корзине на перелет и укладывал в скрадке на сено. Кукла лежала с ними, а после выстрелов выбегала за утками.

Солнечным утром, точнее в начале теплого осеннего дня, мы шли на привал. Корзину я нес на руке. Кукла челноком бегала по высокой траве. Смотрю, вышла на тропу с живым чирком в зубах и отдавать явно не хочет. Кое-как выманил у нее почти непомытую птицу и положил в корзину под нашитую сверху тряпку с намерением где-нибудь незаметно выпустить.

Около длинного озера, окаймленного густым тальником, я оставил корзину на стерне и пошел посмотреть, не сидят ли утки. Собака, конечно, со мной. Вернувшись, увидел перевернутую корзину, рядом ползающих с жалобным визгом щенят и сидящего чуть в стороне чирка. Кукла, игнорируя детей, заспешила к утке. Но, увы, история повторяется, чирок вспорхнул у нее из-под самого носа и низко потянул за кусты.

Совсем близко грохнул быстрый дуплет. Я был уверен, что чудом спасшийся чирок уже в ягдташе у отца или брата. Но вот они выходят. Один смеется, другой ругает не то кривой пыж, не то крупный

порох. Чирок, побывавший в зубах собаки, в руках человека и, наконец, под выстрелами охотника, оказался счастливым.

Поохотиться с персональными собаками нам удалось только осенью. Зимой Найда погибла под машиной, а Кукла выросла в почти идеальную утятницу, прослужившую мне верой и правдой семь сезонов. Но каждую осень в начале сентября я обязательно и в ущерб утиной охоте пару выходных посвящал лесотундре. Издали в пасмурную погоду синяя, а на солнце – золотая, вблизи она поражала пестротой и яркостью красок. Стоят рядом платиново-изумрудная пушистая лиственница и пожелтевшая березка, ярко-зеленая трава у озер контрастирует с желто-багровыми листьями ягодников и стелющихся кустарников.

Вдруг Кукла насторожилась, нервно понюхала воздух и потянула в низину. Вот она уже почти крадется, прижавшись к земле, вытянувшись от головы до хвоста в одну линию. Я осторожно спускаюсь наперерез и вижу, как из карликового ивняка появляются прямые шеи куропаток, услышавших собаку. Стайка веером взлетает почти из-под ног. Звучит дуплет. Кукла быстро разыскивает пару кирпично-пестрых

птиц. И мы идем дальше за переместившимся выводком. Такие охоты всегда вызывали у меня мечты о настоящей легавой, делающей стойку. С ней можно было бы красиво, по-тургеневски или по-некрасовски, поохотиться на дупелей и бекасов, которые изредка встречались на осенней пойме.

К сожалению, судьба Куклы не была счастливой. В начале зимы 1961 года она попала под машину. Что же, у каждой собаки своя драма, но конец всей династии оказался одинаковым, включая и Мишку. Тот белый щенок, что ездил на охоту еще будучи слепым, вырос в крупную красивую собаку. По стати и масти очень походил на пойнтера. "Пролетарское" происхождение выдавали лишь маленькие хитрые глаза да толстый хвост крючком. Он много лет хорошо помогал постаревшему отцу в его неторопливой охоте. В быту это был на редкость умный пес. Ходил за покупками в соседний магазин с кирзовой сумкой, где лежали записка-заказ и деньги. Частенько ездил на автобусе к брату Володе пообедать и никогда не путал остановки. Прожил лет пятнадцать, под конец почти ослеп, полностью оглох и был задавлен грузовиком.

В год смерти Куклы меня назначили директором зверооленовод-

ческого совхоза в далекий таежный поселок. Помню, вышел из самолета “Ан-2” на лед реки. А за ней все высокие березы покрыты черными и серо-бурыми фигурками косачей и тетерок, а темнеющие ниже тальники – белыми куропатками. Увидев мое удивление, а также ружье среди вещей, встречающие обнадеживающе и как-то интригующе сообщили, что в лесу за километр-два от поселка водится не меньше глухарей и рябчиков.

Мне повезло, что в совхозе работали самые увлеченные местные охотники и знатоки угодий: инженер рыболовства Иван Маркович Морозов и бухгалтер Владлен Иннокентьевич Уваровский – сын известного организатора охотпромысла на полуострове Ямал в начале 30-х годов, т.е. охотник “с пеленок”. Кроме умения одинаково ловко управлять оленьей упряжкой в лесу и мотолодкой на своенравных таежных речках, Иван Морозов славился редким тогда немецким бокфлинтном, а Владлен Уваровский – лучшими лайками-глухарятницами.

К осени я вырастил себе собаку из этого гнезда. Снежно-белая стройная Кукла с узкой мордочкой и острыми ушами-локаторами начала облаивать белок в возрасте шести месяцев.

Зверьков я никаких не стрелял. Ружье брал, когда на безлистных березах появлялись стаи тетеревов, в таежных распадках – выводки рябчиков, безотказно идущих на свисток-”пищик”, а на песчаных отмелях – огромные скопления глухарей. Однажды, проезжая на катере перед самым ледоставом, мы насчитали на одном берегу стаю из трехсот штук и сбились со счета. Птицы подпускали очень близко, на дробовой выстрел, а облаянные собакой, с любопытством наблюдали за беснующейся под деревом охрипшей лайкой, забавно поворачивая толстую шею.

Признаться, я не получал удовольствия от стрельбы по неподвижной крупной мишени, а специально выпугивать, как утку, не было смысла, т.к. глухарь слетал сначала камнем вниз и сразу скрывался в ветвях деревьев. Но мне очень нравилось наблюдать собачье рвение в поиске и реакцию птицы. Стрелял же я с большим удовольствием шумно взлетающих с земли рябчиков или поднимающихся почти вертикально из тальниковых зарослей куропаток.

Но снова собачья трагедия. Весной какой-то пьяный хулиган расстрелял из дробовика греющихся на солнце лаек, в том числе и Куклу. Через некоторое время друзья привели мне случайно оставшуюся без хозяина старую оленегонную Чайку, очень похожую на уже известную Дамку, только белую. Об уме и разносторонности этой собаки ходили легенды, и несколько пастухов предлагали мне за нее по паре оленей. Действительно, она не умела только говорить, но необычно-

венно широкий диапазон звуков и интонаций, казалось, позволял прочитывать ее мысли.

Будучи универсальной таежницей, Чайка шла и по белке, и по соболю, а на глухарей имела какое-то особое чутье. У самого густого непроглядного кедра безошибочно садилась с той стороны, где была птица, и спокойно, ритмично лаяла хрипловатым голосом.

К осени 1963 года меня снова перевели в Салехард, где довелось поохотиться с Чайкой на уток и боровую дичь. Поехал с новыми сослуживцами – знаменитым уже поэтом Леонидом Лапцужем и Николаем Вора, известным в свое время комсомольским вожаком. Пригласил я их на то самое озеро, где когда-то охотился с Дамкой. Я пошел от избушки по тропе, а спутники решили перетащить к озеру свою лодку.

Замаскировав сеном остов старого скрадка и расставив маншки, с тревогой вглядывался в хмурое небо, не летят ли утки. Тем более оказавшийся у озера знакомый охотник сказал, что утреннего лета не было.

Невдалеке послышался негромкий возглас Лапцужа: яптик, яптик (гусь по-ненецки)!

– Какой Яптик (это уже фамилия), Семен что ли, откуда он здесь взялся? – ответил на ненецком Николай.

– Садись ниже, – прошептал по-русски Ленья, – гусь летит!

Приняв сигнал, я тоже спрятался и через несколько мгновений белолобый гусь был рядом. Первый выстрел заставил его часто махать крыльями на месте, а второй замятво свалил прямо в маншки. Чайка как-то спокойно и солидно зашла в воду, взяла гусака за бок ниже крыла, медленно подплыла к берегу и вытащила тяжелую птицу задним ходом.

К сумеркам прояс-

нило, подул запад и начался интенсивный пролет северных серых уток. Несколько шилохвостей, в т.ч. уже начавших приобретать зимнюю окраску селезней, составили наши с Чайкой трофеи. Большинство из них она разыскала в густой некошеной приозерной траве.

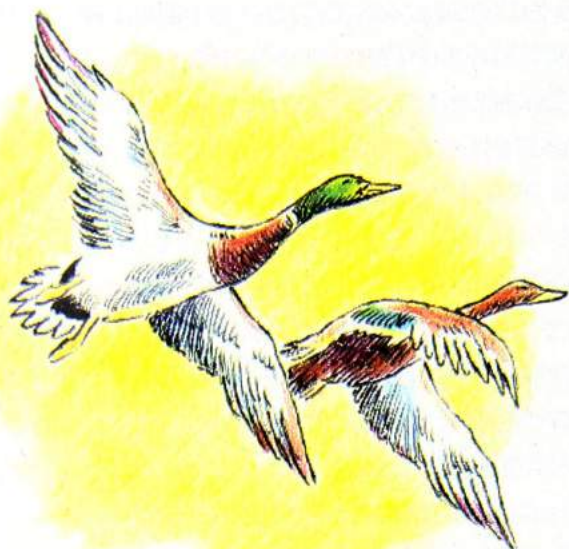
Ночь мы просидели в избушке, вспоминая юность, когда Николай был секретарем Пуровского райкома комсомола, Леонид – Ямальского, и я часто приезжал к ним как корреспондент “Тюменского комсомольца”. Лапцуй читал у костра новые стихи. А утром все озеро затянуло тонким льдом – конец охоте.

Следующее воскресенье, день осеннего равноденствия, я решил провести в лесотундре. Ночью засветилось первое и яркое полярное сияние, а с утра поднялся сильный туман, рассеявшийся к полудню. Резко похолодало и от быстрой конденсации влаги образовалась сильная изморозь. Потяжелевшие листья ив и берез, окаймленные сверкающими льдинками, стали опадать желтым дождем.

Куржак (кухта) посеребрил зеленые ели, придал благородный матовый отблеск золотистым лиственницам, а ивы и березы приобрели совсем зимний вид, опустив свои безлистные ветви серебряными блестящими нитями.

Солнечные лучи заиграли на светящихся инеем бордово-красных листьях рябины, толокнянки (волчьей ягоды), голубики. Морозными узорами заблестел на озерах тонкий прозрачный ледок. Взматеревший выводок куропаток поднялся врассыпную, сверкая первой белизной пера. Это был последний праздник осени и, увы, последняя охота с Чайкой.

К тому времени в городе стали появляться единичные экземпляры породистых охотничьих собак. Я выбрал спаниелей и только с ними в течение тридцати лет по-настоящему разгорелась моя охотничья звезда.

II. ЗА УТКАМИ В ОБЬ-ИРТЫШЬЕ

1. ДЖОЙ – МОЯ РАДОСТЬ

Первых спаниелей завезли в Салехард как декоративных домашних собак. В начале 60-х годов я знал четырех рабочих русских спаниелей, принадлежащих Ф.К.Того, Г.А.Бахмутову, А.П.Морозову и Н.М.Михальчуку. Причем, последний был до этого пионером-спаниелистом и в Ханты-Мансийске.

Летом 1964 года из Салехарда уехал работавший там перед пенсией известный российский охотовед и автор многих охотничьих книг доцент Григорий Евгеньевич Рахманин, наш добрый знакомый и участник совместных охот. Волею случая мне достался подаренный ему молодой черный спаниель по кличке “Джой”, что в переводе с английского означает “радость”.

Поскольку это оказалась дама, именовать ее пришлось упрощенно – Джоя или Джойка. Она быстро вошла в семью, подружилась и росла вместе с маленькими детьми-погодками, Андреем и Татьяной. От общения с ними любимым лакомством ее стали сладости, а игрушкой – мячик.

Обе слабости были зачислены в арсенал средств обучения. Расколотые на четыре части плоские кусочки сахара выдавались за правильное исполнение элементарных команд: “ко мне”, “сидеть”, “лежать” и т.п. Мячик использовался при отработке, как тогда называли, передней и задней поноски. Я бросал его в траву с командами “ищи!” и “дай!”. Следом освоили розыск и подачу незаметно спрятанного мячика или гладко остроганной палочки. Ее Джойка легко научилась

доставать и из воды, сначала с мелководья, потом с глубины. Плавать, как и мыться в тазу или речке, она очень любила.

Чтобы приучить к выстрелу, брал в левую руку ружье, правой с силой швырял учебную палочку в старые дощатые ворота, издававшие при этом резкий хлопок. Вот и вся школа, которая продолжалась полтора месяца.

Осень выдалась весьма неблагоприятная для охоты – дождливая, с ранними заморозками и высоким уровнем воды. Местами были подтоплены не только луговые травы, но и кустарники. В последние дни августа (а тогда никаких льготных сроков для натаски собак не было) мы выбрали для первого выхода то ли протоку, то ли широкий затопленный ручей с высокими крутыми травянистыми берегами, переходящими в небольшие илистые отмели, у которых кормились утки.

Помня урок отца, что первую утку желательно сбить влет и обязательно на виду у собаки, я подкрался под прикрытием кустов ивняка к стайке свиязей. Они взлетели почти вертикально, и после дуплета пара шлепнулась в воду. Джойка с ходу бросилась за ними. Схватила одну, но тут же выпустила, подплыла к другой, понюхала и, чуть прикоснувшись, вернулась ко мне.

Это был первый удар по дрессировщику. Чего только ни бросал в сторону уток – стреляные гильзы, сучья, даже кочки с травой – бесполезно. Собака больше в воду не пошла. И тут наступило озарение – она же не приучена к “вкусу” пера. Ну что же мешало привязать к учебной палочке утиное крыло? Решил проверить версию на суше. Недалеко, на гриве, нашел небольшое озерко и “чисто положил” взлетевшего соксуна-широконоску прямо на скошенный луг. Мне было хорошо видно, как Джойка подбежала к утке, сосредоточенно обнюхала, с явной брезгливостью пощипала за самые кончики перьев и отошла. На этом охоту и закончили.

Целую неделю небольшая утка служила учебным пособием. Я то бросал ее в траву, то прятал, ругался или льстил, часто доставая из кармана коробочку с сахаром, и научил собаку искать и приносить настоящую дичь.

Но в следующей поездке снова осечка. Упавшую далеко за середину протоки утку Джойка вынесла на противоположный берег и с чувством исполненного долга приплыла ко мне. Чтобы взять трофей, пришлось долго идти до брода, возвращаться назад по другому берегу и шагать обратно. Во время перехода я беспрестанно стыдил собаку и недовольно ворчал. К счастью, этот случай был первым и последним. Дополнительной тренировки не потребовалось. При даль-

них аппортах просто громче и настойчивей кричал: “Дай-дай-дай!” и всячески подбадривал плывущую Джойку.

Зато третья охота получилась оригинальной и неповторимой. На одном полноводном пойменном разливе скопилось много крупных уток-шилохвостей. С затопленных берегов подобраться к ним невозможно, как и найти подходящее место для скрадка. Вспомнились мне довоенные охоты с отцом с подъезда на лодке, а Джойка натолкнула на другую мысль.

Вдруг четко представилась взволновавшая меня когда-то большая цветная вклейка из второго тома “Настольной книги охотника” за 1956 год. В плоскодонке сидит стрелок с дымящимся ружьем, сзади старик-егерь с длинным веслом, а на носу лодки, затутованном брезентом, – спаниель, готовый броситься за падающей краснолапой кряквой. Туманное утро, размытые силуэты кустов, тихая вода, из которой поднимаются камыши, плавающие листья кувшинок.

Все как у нас. Только вместо тумана мелкий дождь, вместо камыша – осока, вместо кувшинок – широкие изумрудные листья рдеста, стебли которого на метр-полтора уходят в глубину. Первые дюралевые шлюпки-казанки делали с плоским рифленным дном и очень легкие. Мотор, бачок, прочий груз – на берег и начинаю вдохновенно строить декорации. Закрываю для Джойки скользкий нос лодки палаткой. Ставлю перед собой, как в книге, чемодан с патронами, важно усаживаюсь на переднее сиденье, а напарник стоит на корме с веслом. Вперед, за давней мечтой!

Сменяя друг друга, мы медленно объехали сор. Утки вылетали из затопленных кустов и травы. Спаниель бесновался на носу – скулил, визжал и лаял. Когда трофеи падали на берег, мы приставали, а Джойка прыгала за ними и приносила к лодке.

Дожди шли полтора месяца. Девятнадцатого сентября с одноклассником и давним коллегой-газетчиком Александром Сущим мы приехали на его “вотчинное” кормовое озеро. Ливень не дал выйти из палатки ни вечером, ни утром. В ней же спрятались на ночь мои братья Володя и Борис, возвращавшиеся с охоты.

Прояснило только к следующему вечеру, но утки совсем не летали. В сумерках на западе возникла волшебная небесная картина. На фоне последних синих облаков, уходящих за горизонт, золотыми нитями заиграли в лучах заката тончайшие паутинки, прикрепленные пауками-летчиками к верхушкам таловых кустов. Синева, одновременно густая и светящаяся тонким переплетом узоров, словно на дорогом фарфоре, так и просит золотую каемочку. И она появляется в

виде узкой полоски зари. Фантастика, магнетизм, мистика действуют воедино. И вот уже забыл, кто ты и где находишься, как будто душа на мгновение улетела, как бабочка на свет. Остается только сказать словами Ивана Бунина: “Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и умирая вспомню”.

Ночью вспыхнули яркие звезды, широкой дугой обозначилось на небосводе серебряное коромысло Млечного Пути. Под утро выпал сильный иней. Желто-бурая осока подмерзла и поседела. Меняющиеся краски и звенящая тишина на рассвете были так же невообразимы. Пожалуй, точнее всего их передадут запавшие с детства строки:

Звезды меркнут и гаснут.

В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Диссонансом прозвучал мой единственный выстрел. Тяжелый гоголь контрастно обозначил в траве место падения сбитым инеем, а Джойка почти по прямой пошла за ним.

Не могу не сказать и о реакции местных жителей на появление необычно маленькой охотничьей собаки. Как-то шторм заставил нас переночевать в чуме местных рыбаков. Старуха-хозяйка, увидев Джойку, лукаво спросила:

– А это у тебя кто?

– Охотничья собака, спаниель называется.

– Какая собака, кошка, однако?

И засмеялась, довольная сравнением.

С иронией воспринимали спаниеля и многие охотники, считавшие его непригодным для работы на сырых приобских лугах, покрытых высокими кочками, тем более холодной осенью. Однажды к нашему вечернему костру подошли знакомые, охотившиеся на соседнем озере.

– Болонку-то зачем привезли? Ей бы на диване с бантиком лежать, а не под дождем мокнуть.

– А вы сколько уток сегодня потеряли?

– Штуки три на глубине лежат – не взять, да несколько в густой траве не нашли.

– Ну вот, а мы втроем – ни одной, сколько подстрелили – все наши.

После утренней зорьки соседи пришли с дарами – сахаром и колбасой. Джойка за полчаса собрала им около десятка уток.

Молва сделала свое дело и не было отбоя от желающих получить щенков. Так как, кроме Джойки, в городе не было самок спаниеля, она вместе с привезенным из питомника Джеком В.С.Протопопова стала родоначальницей породы. Потомки их были в окрестных поселках, Тюмени и даже в Киеве.

Но самое интересное, что спаниелей оценили мои знакомые охотники-ханты. Держали их на привилегированном положении. А когда шли с ними пострелять уток на озере или реке, своих многочисленных лаек привязывали у чума или юрты.

Расскажу лишь о паре щенков из первого помета, которые жили у близких родственников и долго были у меня на виду. На их примере можно видеть, как сочетаются врожденные факторы с особенностями воспитания спаниеля, условиями его жизни, характером охотника и охоты.

Отец выбрал самого крупного – черного Жулька. Воспитывал его по-дуровски, только лаской и поощрением, постоянно общался и разговаривал. Двум (по его мнению) китам собачьего образования – передней и задней поноске – он обучил щенка месяцам к пяти. К лодке и воде Жулька привык еще раньше, т.к. отец жил у берега и ежедневно ездил с ним проверять поставленные недалеко сети.

Мой черно-пестрый Джек готовился по той же программе, что и Джойка, но к поноске было привязано утиное крыло. Охотничьи гены здесь проявились в полной мере. Убедился и в том, что у спаниелей заложена природой любовь к воде. В возрасте пяти месяцев повел Джека на реку. Еще не видя ее из-за высокого причала, он вдруг шумно задышал и рванул поводок – почувствовал воду. С ходу забрел в нее, немного полакал и снова стал с удовольствием вдыхать взволновавший его запах сырости. Я рискнул и бросил палочку метра за полтора-два, но уже на глубину. Щенок, не раздумывая, сплавал и, довольный, принес мне свое учебное пособие.

Казалось, очередная мечта – поохотиться с парой спаниелей, как на иллюстрациях в книгах Л.П.Сабанеева, была близка. Но тут бесследно исчез Жулька. Убедившись, что его нет в городе, донельзя расстроенный отец согласился взять Джека, тем более привыкать им друг к другу было не надо. Джек его постоянно видел да и с собственным хозяином еще не определился, т.к. основное время проводил в играх с Джойкой и моими детьми. Обретя в огромном отцовском дворе-саде полную свободу действий, возможность каждодневных купаний и лодочных поездок, а также пройдя школу у двух тренеров, Джек всесторонне подготовился к охоте.

Поэтому первый аппорт он исполнил как что-то обычное. Ехали они вдоль берега. Из илистого ручья взлетел чирок. Отец его сбил. И не успел причалить, как Джек выпрыгнул за борт, сбегал за уткой и, грязный до ушей, вернулся в лодку. К сожалению, отец охотился уже редко. Вскоре ослеп на правый глаз, безуспешно пытался найти ружье со специальным изогнутым прикладом для левоглазых. Потом отдал свой арсенал детям и внукам, но спаниеля не доверял никому. И кто знает, может быть, с более молодым охотником талант Джека раскрылся бы полнее. Прожил он до глубокой старости, но кончил трагически, как большинство наших собак, – от рук мальчишек-хулиганов.

А история Жульки получила неожиданное продолжение. Зимой я поехал по делам к военным связистам-локаторщикам, расположившимся под Салехардом. Чтобы не замерзнуть в холодном вездеходе, надел отцовские меховые брюки. Когда вошли в единственное на пункте здание (дюралевый модуль на сваях), то в длинном коридоре сразу попали на необычный футбольный матч. Солдаты ожесточенно пинали хоккейную шайбу, а между ними с громким лаем носился крупный красивый черный спаниель, злобно хватая зубами то шайбу, то тапочки игроков.

Пса придержали, и мы прошли в помещение для работы. Вскоре туда бесцеремонно вошел спаниель и начал обнюхивать незнакомцев. Нас тут же предупредили, чтобы не вздумали его гладить – сразу цапнет. Когда очередь дошла до меня, пес потянул как на утку. Руки я на всякий случай держал на столе. А спаниель приник носом к колену и вдруг, положив на него голову, жалобно заскулил. Прошло полгода, как солдаты “прихватили” щенка в городе, но он вспомил запах хозяина. Это был Жулька.

После возвращения он стал жить у Володи. На охоту попал полуторалетним, без особой дрессировки. Постепенно втянулся, стал искать уток в траве и доставать из воды. Но не было у него обычного для спаниеля азарта, не говоря уже о проявлении собачьего интеллекта.

Зато жизнь в мужском коллективе и грубые игры разбудили в нем большей частью дремлющий порок русских спаниелей – злобность. Помнится, как раз в те годы была в охотничьем журнале статья на эту тему. И если мне довелось знать просто злых спаниелей, то этот был еще и злопамятным.

Как-то спали мы с братьями вповалку в маленькой избушке. Приснился мне сон, что лечу в самолете – точная картинка из фильма о

перелете Чкалова, – кислорода не хватает, маски нет, дышать нечем. Открыл глаза, а на мне Жулька расположился и рычит при малейшем движении. Не знаю, как изловчился, схватил в изголовье твердый ружейный чехол и стукнул пса по спине. От неожиданности он взвизгнул и, поджав хвост, убрался к двери. Развивая успех, я выдворил его легким пинком на улицу.

Отомстить мне Жулька решил зимой, когда брат заводил во дворе машину, а я собирался идти за горячей водой. Задним зрением почувствовал, а обернувшись, увидел чуть не стелющегося по снегу спаниеля, хорошо, что медленно подкрадывался. Упредив прыжок, я что было сил ударил унтом по пустому ведру. Со страшным грохотом оно прикатилось в собачий бок. Здесь-то Жулька по-настоящему испугался, завизжал, как щенок, присел, сделал лужу и позорно ретировался. С тех пор при виде меня тихо скрывался в конуре. Жил он также лет пятнадцать, оставаясь неисправимым агрессором, кусая при случае всех подряд. А сложись жизнь по-другому, мог бы быть выдающейся собакой, чутистой и сильной.

Выводы в данном случае, думаю, читатель сделает сам – спаниелю нужны: ранняя дрессировка – с полутора-двух месяцев, доброжелательное воспитание, постоянное общение с хозяином, вывод на настоящую охоту в возрасте пяти-семи месяцев и в первые годы как можно чаще. Правда, последнее обстоятельство не всегда зависит от охотника. И Джеку с Жулькой не повезло еще потому, что осенние сезоны 1965–1966 годов были дождливые, холодные, с поздним спадом воды – никаких условий для ходовых охот, где только и проявляются лучшие качества спаниелей.

Перебираю записи тех лет, вырезки из своих газетных фенологических заметок – ничего красивого и светлого: вода-вода, кругом вода, непогода и слякоть. Вот разве полдня, проведенные на высоком коренном берегу Оби. Под вечер во время редкого прояснения и потепления по подсохшей, отчаянно ароматной некошенной траве пошли с Джойкой к обмелевшей горной речке с высокими крутыми берегами.

Из-под яра поднялось несколько шилохвостей. Дуплет, и одна упала у берега, другая – далеко в воду, а третья, часто махая крыльями, утянула метров за двести на луг. Не знаю, видела ли ее Джойка, но, вытащив на яр пару уток, без команды скрылась в траве. Вижу, как тяжело взлетает острохвост, за ним устремленную в прыжке собаку. Потом слышу возню, хлопанье крыльев и отправляюсь на помощь. Но Джойка уже идет навстречу с живой уткой в зубах.

Возвращаясь, подошли к маленькому, круглому, мелкому озеру непонятного происхождения, расположенному у самой реки. Все дно его и берега были каменистые. Я сел отдохнуть на большой гладкий валун. Он успел нагреться от недолгого солнца, теплой была и вода, зеленая от водорослей.

На востоке зажглась моя любимая Венера в ореоле невесть откуда взявшихся на ясном небе облаков. В сумерках со стороны заката, хорошо видные на фоне желтоватого неба, поочередно подлетали три шилохвосты. Я снимал их королевскими выстрелами, Джойка приносила, неуклюже скользя и карабкаясь по камням. И не заметил, как северная сторона зловеще потемнела, а обычно светлая планета моей любви стала зеленой да еще с жутким красноватым оттенком. Повеяло холодом, ночью разыгрался штормовой норд с мокрым снегом. Избушка вся тряслась от ветра, железная труба с грохотом скатилась с крыши. И опять надолго воцарилась непогода. “Какая уж без охоты охота? – шутили братья, – Даже и говорить неохота”.

Только в 1967 году удалась теплая, сухая и продолжительная осень с небывало низким уровнем воды и рекордно-поздним ледоставом. Но перед самым открытием охоты я пережил сильный стресс. Исчезла Джойка, и четырехдневные активные поиски не дали результата. Я был в настоящем отчаянии. Вдруг вечером слышу крик соседских ребятишек:

– Андрей! Ваша собака через Шайтанку плывет!

Жили мы недалеко от той речки, разделяющей пополам Салехард. Я бегом к берегу, а собака уже несется навстречу мокрая, грязная и с обрывком веревки на шее.

Наверное, это была какая-то моральная предоплата за по-настоя-

щему восхитительный сезон. Все выходные дни мы провели на берегу широкого обского рукава. Там было длинное кормовое (ночное) озеро и несколько извилистых протоков, где утки собирались днем. Большой заливной луг, все три многоводных года выглядевший непроходимым илистым пространством с открытыми лужицами воды, представал в необычном виде – как ровный твердый газон с шелковистой, как бы подстриженной травой-мурком. Густая сочно-зеленая осока узкой полоской окаймляла многочисленные маленькие озера и высокими кустами росла на торчащих из воды кочках.

Возможности для скрадывания – близкие к идеальным. Водились здесь почти одни чирки – в то время мои самые любимые утки как по спортивности стрельбы, так и по вкусу. Я подходил к озерам, лишь слегка наклоняясь, Джойка тянула на птичий запах. Иногда вместо уток перед ней стремглав, с резким испуганным криком вспархивал бекас или почти из-под самого носа лениво, кряхтя, поднимался дупель. Я всегда с удовольствием стрелял тех куликов. Но такое случилось обычно два-три раза в год, а тут вылетали почти каждый день. В душе опять что-то зашевелилось от причастности к благородной охоте, невозможной без легавой или спаниеля. Бог, наверное, видел, и лет через 10-15 болотная дичь стала смыслом моей охотничьей жизни.

Природа словно знала, что идет наш с Джойкой последний осенний сезон в Салехарде, и продлила его почти на месяц. Раньше я никогда не ездил по реке в конце октября. Сначала осень казалась ранней. Первого октября застыли лесные озера, а большинство птиц улетело на юг. Потом прошла полоса почти непроглядных туманов, опять сильный заморозок, и на застывшую землю упал сухой настоящий снег. Но снова оттепель и его как не бывало.

Поздне-осенние краски поймы светятся особой нежной и гордой печалью. Луговые берега отливают новым для меня оттенком тусклого охристого золота. Вода – тяжелая, маслянисто-фиолетовая, похожая на ртуть или расплавленное серебро. Прозрачны поредевшие травы, безлистные пойменные заросли ивняка, лесные распадки, поросшие ольхой и березой. Прозрачно вечернее бледно-голубое небо, переходящее постепенно в зеленовато-розовую полоску зари. Размытый темно-синий берег и слегка светящаяся река – словно написаны легкой акварелью.

Поднявшись по притоку Оби Полую до северного редколесья, мы намеревались пострелять глухарей. Расположились на изгибе лесной речушки с песчаной отмелью напротив. Но ночью речка начала

замерзать – пришлось срочно выезжать на Полууй. К утру на него слетелось много синьги и гоголей с застывших лесных озер. Неплохо поохотившись с чучелами, под вечер приехали ночевать к заброшенному рыбацкому стану.

По мелкому узкому горлу из большого залива в реку еще спускался чир – крупная сиговая рыба. Мои спутники решили порыбачить единственной завалывшейся в лодке сетью, а я, увидев над сором серых уток (надо же, не улетели еще?), пошел на зорьку. Место выбрал так, чтобы утки падали на сушу. Но одна свиязь все-таки утянула в сторону и камнем упала в неширокую проточку. Подбежали с Джойкой. Утка лежит у кола, вбитого рядом с берегом. Думаю, пусть возьмет – не успеет застудиться. Она схватила трофей и только отплыла, кол зашевелился. Собака булькает на месте. Понял – запуталась в обрывке сети, и к ней.

Что делать – берег крутой, вода на точке замерзания, лодка далеко? Пока стягивал сапоги (до сих пор их делают узкими в подъеме) Джойка порвала старую, к счастью, мережу и выбралась с уткой на берег. Стресс чуть развеяли рыбаки. На настоящем деревянном столе – свежеподсолённые икра и рыба, в котелке уха с толстым слоем янтарного жира, а из воды торчит бутылочное горлышко с белой головкой. Теперь можно – завтра домой.

Но и это оказался не последний выезд. В начале ноября зима, казалось, установилась прочно. Перехватило первым ледком могучую Обь, прошло два сильных снегопада. Да ненадолго – осень прислала свой прощальный привет. Сильные оттепели растопили снег не только на взгорьях, но и кое-где на равнинах.

Девятого ноября приехали с Володей на “газике” к Оби в надежде подстрелить рекордно позднюю утку. Тогда считалось престижным добыть трофей не только раньше, но и позже всех. Слева, от берега до берега, огромные полосы чистой воды. На них много турпанов и синьги. Утки ныряют, летают над полыньями. Однако сделать скрадки не удалось, мешала кромка тонкого льда, да и ветер дул от берега в сторону воды. Оставалось идти за куропатками.

Но даже в лесотундре не чувствуется белое безмолвие. Обращенный на юг обрывистый склон выглядит вообще по-весеннему. Яркой зеленью светятся на солнце ели, золотистый песок, а на ивах, спровоцированные поздним теплом, лопнули цветочные почки-сережки и сверкают серебром вместо снега. Шумит замерзший ручей, вода местами вырывается на лед. Есть лужи на льду озер.

Бодро поет на верхушке ели большая синица, в кустах весело

перекликаются красноголовые чечетки. Маленькая синичка-гаичка сидит на вытаявшей травинке и что-то деловито поклевывает. Бесшумно крутится над проталинками болотная сова – не торопится улетать на юг, пока мыши не спрятались под снег. На его остатках расплылись первые записи зимней книги. Песцовые крупные отпечатки увеличились до размеров волчьих. Прочитать можно только свежие следы на северной стороне. Вот обычная заячья петля. Рядом появляется лисья строчка. Затем следы крови – обычная история.

Джойка ошалело носится, разбираясь в сплетении весенне-осенне-зимних запахов, роет землю и что-то вынюхивает, погрузив кончик носа. Разгребает россыпь сердцевидных чешуек еловой шишки – остатки беличьего завтрака. Ловит след, ведущий на дерево, и с лаем царапает ствол. Только куропаток нет – скрылись в оврагах... Так закончилась наша последняя охота в окрестностях Салехарда.

...Летом 1970 года после перерыва в охоте, связанного с учебой, я приехал в Ханты-Мансийск. Можно представить мое и Джойкино нетерпение в ожидании охоты в новых местах, на более южных, ровных и сухих лугах. Но начало осени было холодным, дождливым, ветренным и с высоким уровнем воды в пойме. Беспокоило и то, что не успел пока обзавестись мотолодкой. К счастью, неожиданно встретил здесь старого ямальского приятеля Владимира Кирилловича Конева, бесконечно доброго и скромного человека, биолога-охотоведа по образованию. Он познакомил со своими, как и я, “безлошадными” друзьями – Иосифом Никитиным и Александром Львовым, и пригласил на открытие сезона.

Под вечер 29 августа мы выехали на его угловато-грубой, тихоходной, но вместительной и устойчивой дюралевой шлюпке-”тюменке” с безотказным подвесным мотором “Вихрь-20” вниз по Иртышу. Миновали знаменитое слияние великих сибирских рек, где некоторое время идут, не смешиваясь, два мощных разноцветных потока: темно-коричневый, как чай, – иртышский и более светлый – обской. Чуть поднявшись по Оби, вошли в протоку и остановились в полукруглом заливе.

Все мы были тогда молодыми и почти одногодками (под сорок). Но в отличие от нас троих его гостей – динамичных, азартных, а в общем – заядлых, Кириллыч (царство ему небесное!) отличался необыкновенным спокойствием и в душе больше любил рыбалку, чем охоту. Поэтому он дал нам возможность сразу же уйти, а вернее убежать, на ближайшее кормовое озеро. Не без труда построили на его

илистых берегах скрадки и, забредая выше колена по топкому дну, расставили манщики.

За это время Кириллыч ухитрился разгрузить лодку, поставить в заливе сеть и манщики, сделать свой скрадок и даже выловить несколько щук-двухлеток. И вот уже стоит палатка, заготовлены дрова, а над костром висят ведра с чаем и ухой. На расстеленном плаще, как на скатерти-самобранке, все необходимое для празднования священного и волнующего дня – Открытия Охоты. Так бы и просидели, наверное, всю ночь у огня, если бы огромная черная туча не закрыла звезды и не начала разряжаться над нами.

После дождливой ночи в темно-сером небе робко и запоздало, чуть заметно забрезжил рассвет. Из темноты намокшей палатки можно было рассмотреть незастегнутый дверной прорез. Быстро покинули тесное убежище и, взяв ружья с патронами, пошли гуськом по хлюпающему, проваливающемуся под сапогами лугу к местам засидок.

С кустов шумно осыпались крупные капли дождевой воды. Мы плотнее надевали капюшоны, ежась, втягивали шеи поглубже в воротники и тихо ворчали на ненастную погоду. Только Джойка, соскучившаяся по охоте, весело носилась вокруг, потряхивая длинными мокрыми ушами.

Сквозь редкий тальник показалось светлое пятно озера. Впереди, на востоке, виднелась над горизонтом узкая блекло-серая полоска зари с сиреневой каймой по верху. В ее отражении на воде можно было рассмотреть силуэты нескольких манщиков, а кругом – почти полная темнота.

Постепенно светлые части неба и озера начали расширяться, стали видны прибрежная трава, остальные чучела и кустарник. Первой нарушила утреннюю тишину луговая желтая трясогузка. Затем несколько раз прокричал свое “пи-ик!”, “пи-ик!” серый краснолапый кулик-травник. Громко раздался беспорядочный птичий писк, шум десятков крыльев, и перед скрадком опустилась позавтракать или отдохнуть уже подготовившаяся к отлету на юг стая самых маленьких куличков, называемых воробьями за веселый нрав и чириканье. Наконец, где-то в стороне, невидимые, со свистом пронеслись утки.

Ровно четыре часа утра. Слабый шлепок по воде – к чучелам сел чирок. Вспугнутый хлопком в ладоши, он взлетел в тени прибрежных кустов, а после промаха свечкой взмыл и упал, сбитый вторым выстрелом. Джойка пулей вылетает из скрадка, замечает чирка, шумно бросается в озеро. Гордо подняв голову и торжественно выступая,

выносит добычу, кладет на ветки в скрадке... и два раза кусает за шею – глаза ее светятся охотничьей страстью.

Долгие минуты ожидания следующего подлета усугубляются морозящим дождем. Звучит выстрел соседей и виден хлопающий крылом по воде их первый трофей.

Пара шилохвостей, облетая водоем, приближается к нам. После дуплета одна из них комком валится в траву, другая, с перебитым крылом, – в озеро и плывет к середине, распластавшись на воде. Джойка быстро настигает подранка. Даю направление поиска второй птицы. Собака долго шлепается среди затопленной травы и, вся измазанная липким коричневым илом, появляется с уткой в скрадке. А когда сбитая с большой высоты хохлатая чернеть упала далеко на грязь, то после вылазки за ней черным у спаниеля был, наверное, только лоб.

Сильный обложной дождь грозит прервать охоту. Но как бы в компенсацию прямо на скрадок высоко мчится обстрелянный соседями одинокий чирок. Сраженный снопом дробы, он колесом падает почти под ноги. “Королевский” выстрел венчает первый выезд на объ-иртышские луга, где мне посчастливится охотиться более четверти века и где полностью раскрылся Джойкин талант утятницы.

В начале сентября после первых легких заморозков установилось теплое и ясное бабье лето. По утрам на четверть небосвода разливалась позолоченная бирюза восхода. Над горизонтом вспыхивало большое малиновое солнце, словно в июле. Весь месяц мы охотились по выходным вдвоем с Кириллычем в тех же местах.

На рассвете и в вечерние сумерки сидели с чучелами. Днем, когда мой друг занимался рыбалкой, варил уху или просто сидел на берегу, созерцая осенний бал природы, я в сопровождении Джойки носился по лугам, подсохшим и словно ожившим от акварельных красок увядающего и цветущего разнотравья. От озера к озеру, от ручья к ручью, в одном трико, неразогнутых сапогах, с пятизарядкой и патронташем по твердым и ровным гривам в отличие от салехардских непролазных кочек.

Познали и новую дичь – крякву, самую крупную из речных или благородных уток. На Севере она встречалась очень редко. Никогда не забуду удачную и всесторонне красивую охоту 19-20 сентября. Подошли к мелкому, почти сплошь заросшему травой озеру. По салехардским меркам в нем и уток-то не должно быть. На всякий случай хлопаю в ладоши и кричу традиционное “кыш-кыш!”. С противоположного берега взлетает шилохвость – дальний выстрел не

дает результата.

Но хорошо, что погорячился. Грохот и свист дробового снаряда поднимают из зарослей крякву, шоколадно-коричневую с красно-оранжевыми лапами и клювом. Легко сбиваю ее в угон. Тут же из-под бросившейся в воду собаки вырывается сразу пара. Чуть отпускаю и беру на один заряд. Спаниель поочередно выпугивает еще двух. Итак, за четыре выстрела пять крякашей! Джойка не без труда выносит их, как бы изучающе обнюхивает и, взволнованная новым запахом, еще долго обследует озеро. Хозяин возбужден не менее, т.к. стоит в охотничьей позе наизготовку... с незаряженным ружьем.

Из этого состояния выводит внезапно разразившаяся вдали гроза с продолжительными раскатами грома. На горизонте по серо-синему полотну скользят и исчезают зигзаги молний. Но картина космической бури быстро сменяется мирной пасторалью. Появляется яркая радуга, а вместо грозовой тучи открываются на ярко-голубом небе золотисто-розовые облака.

Праздник природы и охоты продолжался. Кириллыч съездил к знакомым рыбакам-профессионалам, привез алюминиевую миску черной икры, несколько муксунов и явно браконьерского осетра килограммов на пятнадцать. Голова его уже булькала в ведре. Что еще нужно для счастья – икра ложками, малосольная рыба-”пятиминутка”, уха и водка с запущенным ненадолго в бутылку стручком красного перца!

Но удача не бывает вечной. Перед темнотой часа два просидели у озера, отбиваясь от полчищ комаров и мелких осенних мошек. Утки совсем не летали. К ночи так прояснило и вызвездило, что, казалось, обязательно будет сильный заморозок. Но когда перед рассветом возвратились в скрадок, иней не выпал, хотя было типичное осеннее утро. Почти полная луна, светившая всю ночь, постепенно побледнела. Ковш Большой Медведицы, к утру вставший на свою ручку, враз растаял. Разгорелась заря, осветились верхние края облаков. На голубой от густой росы траве блеснул один бриллиантик, за ним – другой, и тысячи капелек влаги, переливаясь, засверкали в первых лучах солнца. В низинах за клубился туман. Красоту разрушает выстрел. Налетевшая сзади свиязь падает в траву, образуя темный круг на седом искрящемся лугу. Джойка прокладывает по нему свой прямой след – настолько точно ведет ее верховое чутье.

Постепенно осваивали новые уголья. Года два ездили на бывшие сенокосные луга у большой заброшенной деревни. В первый приезд наши спутники не без гипноза звякающе-булькающих звуков в рюк-

заках занялись обустройством стана и установкой сетей, “делегировав” нас с Джойкой на вечернюю зорьку.

Недалеко, у развилки обмелевших протоков, увидели много кормящихся серых уток, которые, завидев нас, начали подниматься. Вскоре они стали возвращаться и летать над водой в поисках безопасного места. Дуплет, и одна утка лежит в воде, вторая – на противоположном илистом берегу. Собака поочередно выносит их ко мне. А дальше, как по заказу, – налет оттуда, налет отсюда. Несколько раз позорно промазал, но к темноте семь шилохвостей и связей, с энтузиазмом доставленные Джойкой, составили нашу добычу. Пришедший на канонаду один из охотников удивился не столько красивым выстрелам, сколько азарту и неутомимости маленькой собачонки, то бросающейся в воду, то карабкающейся с тяжелой уткой на крутояр, а при том еще чутко реагирующей на дирижерские указания хозяина.

На другой день разведали многочисленные окрестные озера. И, как правило, чем труднодоступнее водоем, тем больше на нем собирается уток. Удобных перелетных мест не оказалось, а мне все хотелось поставить где-нибудь скрадок для высокоспортивной стрельбы в сумерках. Весь день, вечер и следующее утро, наблюдая за направлением полета утиных стай, нашел за дальними кустами длинное, широкое озеро, вытянутое с севера на юг.

Кормовые тупики были сильно подтоплены. С восточной стороны, на единственном узком длинном мыске воды по колено, да и манцики вброд не поставишь – два-три шага и зальешь сапоги. С резиновой лодкой было бы идеальное вечернее место, обращенное на закат.

Уходя ни с чем, не удержался и обстрелял круто спикировавшего на озеро с большой высоты чирка-трескунка. Джойка заметила падающую птицу. Но, отплыв немного, потеряла из виду среди торчащих верхушек водорослей, разных травинки, цветов и вернулась. Да и велик ли угол зрения, если собачьи глаза не выше десяти сантиметров от уровня воды, и запах не уловишь – далеко.

Поднял Джойку на руки и, надо же, увидела – чирок в этот момент хлопнул несколько раз крылом. Пустил ее в воду, как деревянный кораблик – плывет все дальше и дальше, но сильно уклонилась влево. Начала кружиться, как бы вопросительно смотреть на меня – где же чирок? Без всякой надежды я стал махать рукой вправо и кричать: “тут-тут-тут!” (а это знакомая команда – дичь близко), и ведь свернула, сориентировалась на жест, пока не то увидела, не то почуяла запах.

Возвращалась с уткой по прямой и с ходу запуталась в островке

густых водорослей. Усиленно забила передними лапами – только брызги летят, но “ни взад, ни вперед”, а чирка не выпускает. Я выбрался на сухой берег и сел снимать сапоги, чтобы идти на выручку. Тем временем Джойка все-таки пробила траву и выплыла на чистую воду. Бросив портянки, побежал встречать “на босу ногу”. Еще бы, ведь утвердился новый элемент совместной работы – “отмашка”. Собака подтвердила, что понимает жесты хозяина.

Много замечательного было на этих лугах. Здесь Джойка вывела на охоту своего сына Джека. Щенков из первого ханты-мансийского помета я долго не раздавал, чтобы, не торопясь, выбрать лучшего для моего восьмилетнего сына Андрея, который готовился к первому ружейному охотничьему сезону. Выбор оказался удачным. Черный с белой манишкой на груди пес имел безупречный экстерьер. Крупная лобастая голова, низко посаженные длинные и широкие уши, в меру волнистая шелковистая шерсть. Энергичный, дружелюбный, покладистый, он легко прошел домашнюю и дворовую подготовку. Летом я часто водил его вместе с Джойкой на пляж, приучил к воде, а осенью брал в походы за грибами.

В конце августа 1972 года под вечер приехали на открытие охоты с двумя спаниелями. На небольшом круглом кормовом озере поставили маншки и скрадок, где остались на вечернюю зорьку Андрей и наш молодой спутник Геннадий. Я с собаками пошел искать удобное место для дебюта. Было тепло и сухо. Дисциплинированная Джойка шла за мной по тропе, вытопанной в густой, высокой, некошеной траве. А Джек то и дело отбегал, обследовал мокрые кочки, илистые отмели и его постоянно приходилось подзывать к себе свистком или строгим жестом.

Пришли к большому озеру, где кусты близко подходили к берегу. Под их прикрытием я удачно подкрался к стайке связей, вспугнул и сбил дуплетом пару. Они упали недалеко друг от друга на чистую воду и хорошо были видны собакам. Джойка бросилась первой. Джек, который был заметно крупнее, последовал за ней большими скачками, поднимая брызги и озираясь вокруг. Джойка азартно взяла свою добычу и легла на обратный курс. Джек, не обращая внимания на вторую утку, начал отбирать трофей у матери. Та на какое-то мгновение опешила, отпустила утку, заворчала. Но смотрю, плывут рядом две собачьи морды, а между ними, как на растяжке, связь.

Затем сынок почувствовал дно и пошел, вытаскивая утку вместе с мамой.

Надо было видеть, как два спаниеля выходят на берег, держа за крылья общий трофей. Похвалив собак, я привязал Джойку, а Джека отправил за второй уткой. Он сделал это с удовольствием и запрыгал вокруг меня то ли от радости и азарта, то ли от желания еще покусать свою первую добычу. Рядом была огромная, типично бекасиная, но очень сырая низина. В надежде найти долгоносиков, решил обойти ее по менее топким краям. И не ошибся. Солнце клонилось к закату, в его низких лучах, преломленных отражениями в облаках, контрастно, выпукло и ярко смотрелись луговые цветы, колосающиеся травы, стерня на сенокосах – все как в стереоскопе. К вечеру усилились прелье запахи увядающего разнотравья и скошенного сена.

Джойка, вспомнив скудный опыт болотной охоты в Приполярье, челноком семенила передо мной, Джек скачками повторял ее движения. Удалось застрелить только четырех бекасов, хотя иногда после выстрела сразу поднимались штук пять и улетали в затопленную непроходимую часть низины. Все трофеи Джойка старательно разыскивала, делала свечки, работала верхним и нижним чутьем, а сын, как-то играючи, неуклюже повторял ее движения.

Перед сумерками мы вернулись к скрадку. Джойка забежала в

него, зная, что там всегда есть сухая сенная подстилка. Джек подозрительно рассматривалдвигающиеся от легкого ветра пенопластовые манжики, а я рассказывал о парном аппорте. Тут на озеро сыграла стайка чирков и, заметив опасность, круто и веером пошла ввысь. Красивый быстрый дуплет, и Джек мгновенно одну за другой достает уток.

Поскольку на илистых протоках и ручьях уток еще не было, наутро мы пошли по высокой гриве обследовать другие озера. На пути встретился прямоугольный бруствер – заброшенная силосная яма. Геннадий и Андрей подошли к ней в надежде увидеть частенько остающихся там карасей, за ними – Джек. Но Геннадий вдруг стреляет, а спаниель прыгает вниз и вскоре появляется весь в зеленой тине, водорослях и с шилохвостью в зубах. Ребята говорили, что летел он до воды метра два.

Теперь предстояло обрести первый трофей и Андрею, уже прошедшему годичную стрелковую подготовку из пневматической винтовки, о чем свидетельствовал значок “Юный стрелок”, и много раз стрелявшему с упора в цель из ружья “Иж-12” 16 калибра. На озере с высокой прибрежной травой мы подкрались к плавающей шилохвосте. Я встал на четвереньки (хорошо, берег был не очень мокрый), ружье легло на мою спину. Сын выстрелил из верхнего ствола, нажав на задний спуск. До переднего он еще не дотягивался, как и я когда-то.

На память о том событии сохранился снимок. Слева выглядывает из травы довольная Джойка. Рядом почему-то серьезный маленький охотник с ружьем, которое почти с него, и уткой, достающей лапами до земли.

Основным нашим угощем стал в те годы огромный остров на Оби. Почти под прямым углом, параллельно основным берегам, протянулись два очень длинных ручья, а между ними озера на любой вкус – маленькие и большие, заросшие травой и чистые, в кустах и без, с твердыми берегами и топкими. Днем мы обходили их, зная, где водятся только чирки, а где обязательно найдем хотя бы одного крякша. На рассвете и перед закатом сидели на перешейке между группой озер или прямо на берегу самого полноводного из ручьев, который служил своего рода главной дорогой для уток.

Ах, какие были охоты, какие осени! Тепло, сухо, легко ходится, стрельба, как по заказу. Джойка достигла пика своего мастерства – работала страстно, самоотверженно (до крови на носу и лапах от жесткой осоки) и по-своему изобретательно. И если удалось ее обма-

нуть паре-тройке подранков, так только на заросших, глубоких, больших водоемах.

Добыли мы и невиданную ранее дичь. На тропе вокруг озера, куда утянул подраненный чирок, Джойка вдруг потянула в сторону от воды к густой, высокой, некошенной траве. И вместо традиционного прыжка-свечки, чтобы уловить верховой запах, начала странно скакать на всех четырех лапах, припадая к земле и фыркающая как мышкующая лисица. Почти из-под нее тяжело поднялся, как мне показалось, необычно разлохмаченный чирок. Так бывает, когда дробь срезает часть перьев. Я выстрелил и взял первого в жизни коростеля-дергача – ценный и редкий объект болотной охоты. Тут же нашли и битого чирка.

Одиннадцать лет жизни и девять сезонов охоты доставляла мне великую радость Джойка, полностью оправдывая свое имя. Мы понимали с ней друг друга с полуслова, с “полужеста”. Только с ней по-настоящему раскрылись для меня аксаковские слова, что “охотник с ружьем без собаки – что-то недостаточное, неполное”. Весной 1974 года Джойка умерла. Я похоронил ее с ружейным салютом, посадил на могилу дерево, не удалось и сдержать слез.

2. ДЖЕК-II – УТИНЫЙ АС

На следующие десять сезонов моим спутником стал Джек-II – непревзойденный утиный ас. Среди многочисленных потомков Джойки, это был по многим качествам “самый-самый”. Очень крупный, сильный и выносливый, с наиболее продолжительным стажем охоты из всех моих спаниелей. Он работал почти абсолютно результативно, до артистичности красиво и, что не особо одобряется кинологами-теоретиками, – весьма самостоятельно и излишне инициативно. На становление физических и охотничьих качеств и независимого характера повлияли особенности воспитания и содержания, связанные с его внезапным появлением в Ханты-Мансийске.

Весной 1973 года погиб под машиной Джек-I. Узнав об этом, дед, старый охотник, срочно прислал Андрею из Салехарда “с оказией” трехмесячного Джойкиного внука. Было уже тепло. Щенка назвали тем же именем и, чтобы не создавать в квартире конкуренцию стареющей Джойке, поселили в коридоре. Днем, дабы не повторить судьбу предшественника, его привязывали во дворе у конуры. Со временем протянули длинную проволоку, к которой прикрепили на блоке цепь. В свободное от школы время дети гуляли со щенком по окрестным улицам, а после окончания учебного года постоянно бра-

ли в лес, на реку, где он с радостью плавал за мячиком и палками.

Конечно, игры и общение с детьми – своеобразный изъясн в воспитании. Но, может быть, отсутствие строгости и задрессированности как раз и способствовало его формированию как полноправного партнера, а не только образцового исполнителя команд, часто, на мой взгляд, лишних, особенно на утиной охоте. Специальная подготовка Джека из-за недостатка времени была упрощенной. Это поиск в траве и подача сначала бросаемой, а потом запрятанной палочки с привязанным утиным крылом, со словами, скорее просительными, чем повелительными: “Ищи!”, “Взять!”, “Дай!” и строгие ходовые команды: “Ко мне!”, “Назад!”, “К ноге!” (со свистком и жестами).

С начала августа пес, как и первый Джек, сопровождал нас почти в ежедневных семейных отпускных вылазках за грибами по крутым Ханты-Мансийским холмам. А это опять отработка команд, физическая закалка и первая проба чутья, пробужденная пряными лесными ароматами. Однажды он яростно раскопал неглубокую нору и выгнал ежа, тут же свернувшегося в неприступный колобок. Вот было радостного лая и жалобного визга от укола иголками в лапу.

В последнюю субботу августа 1973 года в возрасте шести с половиной месяцев Джек-II приехал на первую охоту. Рядом со станом, на круглом омуте обмелевшей протоки с высокими илистыми берегами, я подстрелил пару шилохвостей. Одна упала в воду, а другая – на грязь и побежала вверх к спасительной траве. Джек настиг ее на середине склона, прижал лапой и носом, но не кусал, а тихо сопел, ощущая волнующий запах дичи.

Он стоял, как загипнотизированный. Глаза, уставленные в одну точку, горели глубинным светом. Казалось, они одновременно источали и охотничью страсть, и глубокозатаенную злобу. Пес даже слегка заворчал, когда я одобрительно похлопал его по загривку. Но, словно вспомнив о чем-то, выпустил добычу, обернулся, увидел вторую утку и пошел в воду. Взял ее крепко, но отдавал спокойно и даже с удовольствием, что опять же было написано в его глазах, радостно и хитро поблескивающих, как во время игры с детьми.

Джойку в это время Андрей держал на поводке, чтобы предотвратить возможную ревностную схватку за добычу. Порадовавшись первому удачному аппорту дебютанта, я решил не рисковать и не брать его на вечерний перелет. Да и погода стала портиться – в сыром воздухе чувствовался холодок. Поэтому Андрей расставил на омуте маншки, сделал скрадок и остался там с Джеком на зорьку.

Когда мы уходили с Джойкой по берегу протоки, навстречу с тревожно-агрессивным криком пролетел красноносый пестрый кулик-со-

рока, в те годы еще не запрещенный к добыче. Над омутом он остановился, свернулся в комок, потом послышались резкий звук выстрела и знакомый всем охотникам “шлепок” птицы об воду. Джек, стоявший у скрадка, поплыл за куликом. Выбежал и забрел в воду Андрей, чтобы встретить свою первую дичь, подстреленную влет.

Но это были единственный выстрел и единственный трофей. Утки в сумерках совсем не летали, как и наутро. Но если наш с Джойкой предрассветный выход оказался совсем безрезультатным, Андрей взял поочередно подсевших к чучелам гоголя и чирка, которых Джек деловито, но без особого азарта достал и принес к скрадку.

С восходом погода разгулялась – прояснило и запарило. В такой день грех было не вывести обеих собак на луга. Убедившись в отсутствии уток на ночных кормовых озерах, мы направились к очень большому, чистому, неokaймленному тальниками озеру. Там птицы собирались на дневку, спокойно плавая на безопасном расстоянии от берегов. По пути, почти рядом с тропой, было единственное в округе озерцо, примерно на треть заросшее высоким тростником. Из зарослей иногда вылетали кряквы, свиязи или широконоски-соксуны и попадали под выстрел уже над лугом. На сей раз собаки выгнали из травы лишь одиночного турухтана, сбитого Андреем в угон над водой. И, видимо, по закону парных случаев, история с двойным аппортом повторилась. Джойка и Джек-II почти одновременно подплыли к кулику, схватили и вынесли вдвоем, причем опять же за крылья.

Зато на большом озере уток было, как говорят охотники, – “черно”. Завидев нас, стайки одна за одной стали с шумом подниматься, набирать высоту и разлетаться по сторонам. Наблюдая за ними, не сразу заметил поднявшегося из высокой осоки соксуна. Нарушая все каноны натаски, но надеясь на Джойку, предусмотрительно взятую Андреем на поводок, сделал чуть запоздалый выстрел. И это позволило Джеку сдать серьезный экзамен, который в свое время не выдержала его знаменитая бабушка, уплывшая с уткой на противоположную сторону протоки.

Широконоска упала от нас метрах в двадцати. Но тут внезапно туча закрыла солнце, усилившийся ветер стал относить соксуна к небольшому островку. Не знаю, как увидел пес маленькую утку с голубовато-серыми боками, почти незаметную на свинцовой ряби воды. Но поплыл прямо к ней, схватил... и направился не ко мне, а к острову, который был ближе. Я резким свистом и истошным криком “Ко мне!”, “Назад!” заставил Джека развернуться, и тут уже голос мой стал медовым и полным лести, пока трофей не оказался в руках. Итак, с аппортом из воды полный порядок. Не удалось только проверить

чутье при поиске уток в густой траве. Но для первого поля и этого было более чем достаточно.

Следующую зиму, как, впрочем, и все остальные, Джек провел в хорошо утепленной конуре из двух отделений. В сильные морозы он забегал в дом, но тут же начинал искать холодное место и ложился на обиндевший порог входной двери. Каждое воскресенье он ходил со мной на лыжные прогулки, которые срывались только при температуре ниже тридцати градусов. Интересно, что по ровной лыжне пес шел сзади, но при спуске с гор, даже самых крутых, всегда бежал впереди. Летом снова походы в лес с детьми, всеобщая грибная охота, и к каждой осени спаниель был в хорошей спортивной форме.

Примерно за три сезона Джек освоил все премудрости ходовой охоты. А это прежде всего дисциплина. Если на лугу он мог недалеко отбегать от хозяина, то при походе к озерам и протокам надо было соблюдать особую осторожность, чтобы не распугать дичь. Тогда свисток и выразительный знак рукой: “К ноге!”, “Назад!”. Только после выстрела или если утки не взлетали от традиционного хлопка в ладоши (а такой звук все мои спаниели понимают и как сигнал “Внимание!”), он обретал свободу, выпугивая затаившихся птиц и подбирая трофеи. А это главное для подружейной собаки – умение обнаружить и поднять дичь, а затем подать убитую или раненую птицу. И не только с чистой воды, где она хорошо видна, но и найти в затопленной траве или среди кочек на некошеном лугу. И еще – способность далеко видеть и чувствовать добычу, страстное желание ее взять.

Помню, после сильного утреннего дождя мы отдыхали с Андреем, сидя верхом на толстых жердях, когда-то огораживавших стог сена. Балансируя, я изловчился выстрелить по летевшей мимо шилохвости и хорошо заметил, куда она упала. Джек же побежал значительно правее. Я пошел следом, пытался вернуть, но он уже схватил утку, убежавшую метров на двадцать в сторону протоки. Я понял, что хитрый острохвост, падая, наметил себе путь спасения – к воде. Но как его вычислила собака? Наверное, помогла особая “проходимость” запахов в сыром воздухе.

Азарт и усердие пса были необыкновенны. Как-то неожиданно налетевший стремительный чирок утянул после выстрела за добрые полкилометра и опустился на заболоченный луг. Я, не раздумывая, разогнул сапоги и побрел туда с Джеком, чтобы дать ему возможность проявить себя. Сделав несколько кругов и поочередно включая верхнее и нижнее чутье, он поймал-таки чирка.

Также упорно работал пес и на воде, буквально выковыривая подранков из водорослей, а иногда и неглубоко нырял за ними. Пресле-

дуя как-то на неглубоком озере подбитую шилохвость, зацепил задними лапами шнур от пары манщиков, поволок их за собой, но утку догнал.

Однажды Джек-II побил рекорд салехардского Маркиза по массовому аппорту из одного водоема. Необычное наводнение 1979 года вынудило нас с Андреем оказаться на незнакомых угодьях, лишь бы место было повыше и посуше. Четыре зорьки почти без выстрелов просидели на большом мелком озере, по всем признакам – кормовом. Днем в воскресенье собрались уезжать домой и стояли на открытом берегу, укладывая рюкзаки. И тут же на озеро стали заходить непуганные, видимо северные утки, неторопливо выбирая место для посадки.

“Тах-тах-тах”, – сработала моя пятизарядка и три шилохвости вывалились в воду. Подошла еще стая и снова триплет. Тут уж я присел, опомнился и Андрей. А утки, не обращая внимания на собирающего трофеи Джека, все подлетают. Я сделал третий и последний в жизни квинтплет, сбив поочередно пять шилохвостей, и еще пару дуплетов. Андрей одиночными выстрелами добыл восемь штук. Лет также неожиданно прекратился. Джек собрал всех уток в кучу, а дважды вытаскивал по паре.

Был еще интересный аппорт с перевыполнением плана на 200 процентов. В сумерках, но на фоне очень светлого еще неба снял над заросшим озером пару шилохвостей. Джек уходит в темноту водорослей и возвращается... со свизью-подранком.

Отдает и приносит опять живую свизью. Неужели, – думаю, – я перестал различать уток. Снова посылаю, и получаю, наконец, поочередно двух искомых шилохвостей.

Запомнился, пожалуй, один случай, когда спаниель не смог разыскать трофеи, причем самые престижные. Над тем самым тростниковым озером я обстрелял крякаша, а он вместо того, чтобы упасть мне под ноги, боком-боком и дотянул до зарослей и словно растворился. Сколько Джек ни плавал по затопленной траве, ни “шлепался” по берегам, – тщетно.

Только, расстроенный, отошел я от озера, как над лугом появилась нитка крупных гусей. Присел на всякий случай. Вдруг один из них учащенно замахал крыльями и резко пошел на снижение. Из высокой травы поднялся Андрей и с каким-то надрывом закричал: “Джек, Джек!”. К сожалению, из-за кустов мне не удалось заметить место падения птицы. Пришлось идти к Андрею, но и он указал его только примерно. Поиски продолжались около двух часов. Обследовали все озера и низинки, делали перекрестные и круговые маршру-

ты, прошли метров триста по берегу протоки, высматривая следы на илистых отмелях. Джек до крови изрезал травой нос и подушечки пальцев, но азартно рыскал, пока не взяли на поводок.

Всесторонне его талант и оригинальный стиль работы проявились во время охоты на утиных перелетах в сумерках – динамичной, волнующей, требующей обоюдного мастерства стрелка и собаки при полном взаимопонимании. Семь лет я получал от нее подлинное наслаждение, которое без Джека было бы просто невозможно. Постоянным угодьем стало огромное, вытянутое примерно меридианально озеро напротив известного многим хантымансийцам Горелого мыса. Отсюда и его название – Горелое. Всегда мелкое, чуть выше колена, каждую осень оно выглядело по-разному: то чистое, свободное от всяких водорослей, то полузаросшее, а иногда сплошь покрытое травянистыми островками, кочками, илом с небольшими зеркальцами воды.

По вечерам стаи серых (речных) уток собираются сюда на ночевку и кормежку, иногда пролетают, пересекая его вдоль и поперек. Глубокой осенью здесь проходит трасса пролета северной утки. Бывает, останавливаются и гуси. Наибольшая активность птиц наблюдается в течение примерно получаса на заре. Утром обычно озеро как перелетное не работает, т.к. стаи еще затемно улетают. Но при чистой воде служит также местом дневок, тогда неплохо можно пострелять и на рассвете. Постоянными моими спутниками тогда были Андрей и сослуживцы Николай Горбенко, Алексей Сенгепов, Николай Щеголев. Каждый занимал свой мысок или залив, где стояли персональные скрадки.

Вечереет. Я сижу у южного тупика лицом к закату и кручу головой градусов на 270, словно сова. Джек стоит передо мной в воде, переминаясь от ожидания с лапы на лапу, и тоже весь внимание. Западная часть небосвода постепенно меняет цвет от сине-серебристого, до розово-золотого и ярко-красного. соответственно окрашивается и вода. От противоположного берега медленно, но неотвратимо надвигается тень. Первым стреляет Горбенко в северном тупике – месте захода уток на озеро, потом Щеголев, мой ближайший сосед справа.

Спаниель заметно волнуется. И сразу с нескольких сторон слышится долгожданный свистящий шум утиных крыльев. Стайки, как на стенде, неожиданно возникают из предзакатного марева и какое-то время хорошо видны на фоне оранжево-палевого неба или освещенной части озера. Стрельба только навскидку, и то едва успеваешь сделать пару выстрелов. В надежде на Джека, я не слежу, куда падают утки – в озеро, на берег, в густую траву или на длинную затоп-

ленную и покрытую сплетенными водорослями низину сзади. Спаниель успевает везде. То он с шумом бросается в воду, то уходит на луг, громко фыркая в мокрых кочках. Я отвлекаюсь от “круговой обороны” только для того, чтобы похвалить собаку.

Но вот уже ничего не видно, кроме чернеющих силуэтов кустов. Яркие звезды осыпали темно-синее небо и прочертили его купол дугой Млечного Пути. По обоим берегам вспыхивают фонарики – возвращаются друзья-охотники. Кто несет три, кто пять уток. Только Алексей Сенгепов всегда без добычи, так как почти не стреляет из своего дорогого ружья – общается с родной природой. Стрелки рассказывают об удачных выстрелах и потерянных трофеях. Наутро Андрей с Джеком обходят озеро и, как по заказу, разыскивают битых птиц и подранков. Число их часто превышает заявки.

Таков типичный сценарий тех утиных охот. На болотную дичь мы с Джеком почти не охотились. Находил он в траве и вытаскивал из воды несколько случайно налетевших кроншнепов. Выпугнул однажды водяную курочку и трех гаршнепов. После выстрелов разыскал всех, но не взял, а лишь подозрительно понюхал. Так же случилось и с несколькими бекасами, которых взял из-под него Андрей.

От всех других моих спаниелей Джек отличался приверженностью только к охоте на уток, а еще тем, что взял несколько гусей – своего рода реванш за того потерянного андреевского. Случилось это также на Горелом. Как-то под вечер высоко над озером появилась тройка гуменников. Сенгепов при помощи травяного листика “поговорил” с ними, они “поняли”, ответили и, ломая крылья, пошли на посадку. Горячий Горбенко не выдержал и обстрелял их очень далеко. Но один гусь с перебитым случайной дробинкой крылом тяжело упал в воду и бесследно исчез. Утром Джек разыскал его в водорослях и взял живьем.

В другой раз, закончив утреннюю охоту, я увидел среди манщиков битого чирка. Повернулся было за скрадок, где лежал Джек, чтобы пожурить и отправить за уткой, но тут же присел от близкого гусиного крика: “Кии-ии! Кии-ии!”. Мимо невысоко шла стайка пискулек.

Схватил ружье, бах – вижу, падает, выцеливаю другого, стреляю, а он с перебитым кончиком крыла вдруг делает дугу и опускается на траву метрах в двух от спаниеля. Распустил крылья, вытянул шею и зашипел. Джек от неожиданности отскочил. Гусь бросился в воду и удирать. Джек с лаем за ним – догнал, схватил за хвост вытащил и задавил уже на берегу. Быстро перезарядив ружье, смотрю, не убежит ли другой гусь, чуть поднявший голову, и не верю глазам своим – рядом на волнах качается еще один. Джек сплавал за ними, потом

долго нюхал и щипал за перья. Вот это дичь!

Но годы брали свое. В 1983 году начали замечать, что собака резко сдала, стала хуже видеть и совсем плохо слышать, хотя чутье не потеряла, поздней осенью мы с Андреем, уже студентом, пошли на Горелое озеро – просто посмотреть, посидеть, повспоминать. По дороге обстреляли пролетных северных шилохвостей. Одна из них упала в протоку, три – в густую траву на противоположной стороне. Джек осторожно спустился с крутого берега, забрел в воду и в нерешительности остановился. Надо было видеть его вдруг сгорбившуюся фигуру, поблекшие глаза и весь жалко-виноватый вид. Он не заметил утку, лежавшую всего метрах в десяти.

Я вытянул руку перед его мордой и закричал: “Тут-тут-тут!”, что для всех моих спаниелей с детства означало, что дичь где-то рядом. Джек встрепенулся, потянул носом и в случайном дыхании северного ветра уловил запах. Как настоящий слепой, задрал голову, медленно и неуверенно зашел в воду и по взятому направлению поплыл к утке. Это был последний аппорт с воды. Затем Андрей на поводке перевел его в мелком месте через протоку, где старик лишь по запаху нашел остальных уток.

Зимой я взял молодого спаниеля, а Джек еще два года прожил “на пенсии” и две осени с тихой грустью провожал нас на охоту.

III. ПО БОЛОТНО-ЛУГОВОЙ ДИЧИ

1. ЛЕДА – ДУПЕЛИСТКА И БЕКАСИСТКА

Открытие специальной охоты на болотно-луговую дичь и отсутствие у Джека-II какого-либо интереса к ней заставили было меня некоторое время подумать о приобретении легавой собаки.

Самыми старыми и классическими породами для болотной охоты являются островные (британские) легавые: пойнтер и три разновидности сеттера – английский крапчатый (лаверак), красный или рыжий ирландский и черно-подпалый шотландский (гордон). Обладающие сильным чутьем и красивым поиском, они делают стойку над обнаруженной затаившейся птицей. Такая позиция, указывающая охотнику на непосредственную близость дичи, заложена генетически многими поколениями и даже несмышленный щенок может “намертво” встать – замереть у встреченных случайно лягушки или воробьянка.

Болотно-луговая дичь, а также полевая (перепелки) и боровая (выводки тетеревов и глухарей) – узкая специализация тех пород. Брать их на утиную охоту в старые добрые времена считалось зазорным для настоящих охотников и вредным для собак.

В последние десятилетия получают распространение континентальные (европейские) легавые, чаще немецкие: курцхаары (короткошерстные) и дратхаары (жесткошерстные). Сильные, чуть крупнее островных, такие собаки более универсальны – работают и по уткам, и даже по зверю, вплоть до преследования по кровавому следу. Способные при соответствующей тренировке к стойке, они успешно применяются на болотной дичи, хотя это не их основная профессия.

Но я все-таки не стал изменять спаниелям, имея в виду уже известные мне их природные особенности: “раннеспелость” и восприим-

чивость к дрессировке, врожденный челночный поиск в пределах выстрела, красивые “фирменные” прыжки-”свечки”, темперамент, энергия, этакая настырность в работе – стремление обнюхать каждую кочку, облазять каждый тупичок озера. Не говоря уже о чутье и возможности тренировки на определенный запах: кто лучше спаниеля ищет наркотики? То же и о подаче трофея, здесь он уступает только, наверное, пуделю да специальным аппортировщикам дичи – ретриверам.

По внешности это сеттер в миниатюре, способный проникнуть в заросли, недоступные большой собаке. Плюс ни с кем не сравнимый любитель воды, умеющий, если нужно, нырнуть за подранком. Ну, и, конечно, психологические качества: преданность хозяину, услужливость и понятливость. Они при отсутствии задрессированности и обилия подчас не обязательных команд делают спаниеля настоящим партнером охотника, способным не только анонсировать, предупредить о дичи, но и обходить ее, нагоняя на стрелка.

Немаловажным аргументом послужили не раз с интересом и белой завистью прочитанные записки спаниелиста и прекрасного охотничьего писателя В.Е.Германа. А против легавых – сама универсальность нашей охоты: обилие уток и наличие пастушковых птиц, не выдерживающих стойку собаки.

В конце января 1984 года у соседа по дому известного местного охотоведа Г.Н.Котова, оценилась русская спаниелька, рабочая утятница Лада, привезенная из питомника. Отец семейства, Тим, был приобретен А.М.Антиповым, также охотоведом, в Подмосковье, имел хорошую родословную с генеалогическими корнями в бельгийской королевской охоте.

Поскольку предварительной заявки не делал, всех щенков, кроме маленькой шоколадно-пестрой спаниельки-последыша, разобрали. Выбора не было, да и время, оставшееся до осенней охоты, поджимало. Я согласился забрать никому не нужную малышку. И не ошибся. Когда Котов принес полуторамесячную Леду, я приласкал ее, посадил у ног и поводил перед мордочкой крылом крякового селезня. Увидев в следящих за движениями глазах интерес, бросил крыло метра на два. И надо же, щенок засеменил к поноске, азартно схватил, принес ко мне, сел и охотно отдал. До этого с ним вообще никто не занимался. Утиные крылья стали любимыми ледиными игрушками, которые она искала и носила по всей квартире.

Так удачно начавшийся процесс дрессировки был неожиданно прерван предложением “горящих” санаторных путевок, от которых отказываться было грех, и мы с женой отправились лечить разные

последствия многолетней работы на Севере.

Леду на месяц отправили в заказник, где работал Г.Котов. Спала она в егерском домике вместе с мамой и сестрой-однопометницей, а все дни резвилась на кордоне, где вольно, под крыльцом, жили три зверовые лайки-лосятницы. А это и закалка, и познание собачьей иерархии, законов стаи. На всю жизнь сохранилась в ней какая-то настороженность по отношению не только к другим собакам, но и к людям, а еще отличные сторожевые качества – она ревностно охраняла свою еду, вещи и дом хозяина.

Весной я построил во дворе небольшой вольер из сетки-рабицы, более гибкой и безопасной, чем паяная. Чтобы сверху проникали солнечные лучи, наполовину сетчатой сделал и крышу. Вторая половина ее была дощатой, как и конура из двух отделений, и площадка перед ней. Для подстилки использовал только хорошее сено. Кормушкой служило деревянное (чтобы не примерзал язык) корытце. Поилка – устойчивая чугунная сковородка-“гусятница” – заполнялась водой только при плюсовой температуре.

Для уличных тренировок появилась палочка с привязанным крылом чирка. Так Леда, обучаясь поноске, привыкла к “вкусу” пера. Затем почти ежедневный поиск игрушки в густых зарослях травы, привыкание к звуку выстрела (бросал полено в стену сарая и одновременно палочку в траву). Это приспособление она научилась вытаскивать из воды – сначала от самого берега, потом с небольшой глубины, чтобы доставать вброд, и наконец – с азартом плавать.

В середине августа я вывел на луга своего третьего спаниеля – почти щенка, шести с половиной месяцев. Подобный опыт у меня уже был – оба Джека успешно начинали работать в таком возрасте по уткам. Первый трофей – турухтан – упал после выстрела в обмелевший ручей. По командам “Ищи!”, “Взять!” Леда бросилась за ним и схватила. Но сорвавшийся с привязи старый Джек, взятый на охоту в качестве учителя, еще в воде бесцеременно отобрал у нее добычу и важно доставил к моим ногам. Дескать, и в 12 лет есть еще порох... Урок не пошел впрок и старика привязали.

Рядом, на выкошенном участке, свистком подманили пару кроншнепов. Оба они падали с высоты на стерню. Собака их видела, без труда находила, нюхала, трепала, но не брала. Затем вышли на высокую сухую некошеную гриву с блеклыми отцветшими травами, подернутыми коричнево-бурой с фиолетовым оттенком дымкой от колосков. В воздухе медвяный сенной аромат.

Я отвлекся и не сразу заметил, как с солнечной стороны перед

спаниелем вылетели две небольшие птицы с необычным для куликов полетом. Выстрел запоздал, и очередной трофеем упал довольно далеко, но за приметный островок тысячелистника. Когда подошли, Леда сразу уловила запах, начала кружить, несколько раз заходила против ветра, “включала” верховое чутье. Потом припала к земле, шумно зафыркала и нашла повисшую между стеблей... молодую перепелку – очень редкую для наших мест дичь.

И вот сырой, кочковатый, типично-бекасиный луг с густой, высокой, изумрудно-зеленой травой, расцвеченной куртинами желтых, белых, синих, лиловых цветов. Собака впервые в таких зарослях и осторожно идет по моему следу.

Впереди испуганно, с резким криком взлетел бекас. Выстрел сразил его неблизко. Около примерного места падения Леда сделала два широких круга с верховым чутьем и оба раза выходила к привязанным у моего пояса трофеям. Пришлось раздвинуть траву и заставить искать в кочках. Опять послышалось шумное дыхание носом, и бекас найден. Так закончился первый выход. Розыску трофеев вроде бы научились, впереди – поиск дичи и аппорт. Замечу, что за трехчасовой непрерывный поход пришлось обойти по кочкам немало озер,

пересечь заболоченных низин, перейти вброд речек и ручьев. Молодая собака легко выдержала переход.

На второй охоте мы повторили прежний маршрут, почти таким же был и набор трофеев. Налетали два кроншнепа. Дальний шел над речкой, и я специально выстрелил по нему, чтобы испытать собаку на глубине. Леда подплыла и, еще не зная, как брать большую птицу, схватила за шею ближе к голове. Пока плыла, буксировка вроде бы шла нормально, но когда пошла по дну, кроншнеп, почти равный ей по длине, если считать с клювом и ногами, запутался у нее в передних лапах или она в нем. Смотрю, поднимает голову выше, выше, но кулик все равно мешает идти. Отпустила, мгновение посмотрела, схватила за хвост и вынесла на берег, где я ее и встретил. Пытался было поощрить ее за бросок в воду запасенным лакомством, что раньше всегда делал при натаске собак, но Леда в азарте отказалась да и впредь работала "безвозмездно".

Здесь же добыли еще трех королевских куликов. Одного собака только понюхала, другого потрепала, а третьего немного пронесла и бросила, как будто что-то не понравилось в запахе или "вкусе" пера

этих птиц.

Следующий аппорт уже сложнее. Обстреляли летевшего над речкой турухтана. Леда буквально рванулась за ним, разбрызгивая мокрый ил, забрела в воду, взяла куличка и торжественно принесла ко мне на высокий берег. Этот рывок и запах турухтана ее заметно вдохновили. Собака впервые начала активный поиск, бегала передо мной по траве, шумно обнюхивала землю, сделала несколько фирменных спаниелевских “свечек”-прыжков над высокой травой, чтобы учуять верховые запахи.

На очень сырую луговину, прорезанную старой вездеходной дорогой с лужицами в низинах, вышли против ветра. Леда заметно заволновалась, глаза заблестели, обрубок хвоста часто завилял, голова поднята, напряженно нюхает воздух. Рывок, и стремительно вылетает бекас, делая свои характерные зигзаги над травой. Я выстрелил, не дожидаясь его перехода на прямой полет. Облако мелкой дроби остановило юркую птицу. Собака скрылась в густой темно-зеленой траве. Траектория поиска видна только по раздвигающимся змейкой травинкам. Короткая остановка, выход по прямой на колею. И вот уже бежит по дороге с куликом, отдает прямо в руки.

Запах бекаса волнует собаку еще сильнее. Снова почуяла дичь, повела, хвостик сильно вибрирует. Пора бы осторожному бекасу вылететь, непонятное промедление. Такое впечатление, что Леда его обходит и выгоняет на меня. Шумно, свечой и даже несколько назад, как бы делая мертвую петлю, поднимается дупель – кулик, похожий на бекаса, но чуть крупнее, спокойнее, с ровным неторопливым полетом. Выстрел настиг его в зените виража. Леда побежала прямо к месту падения и быстро вынесла трофей на дорогу. Этот запах понравился собаке еще больше, и дупель навсегда стал ее самой любимой дичью.

Охота продолжается, и подходит время грубо ошибиться самому хозяину и быть наказанному за излишнюю самоуверенность и недоверие к собаке. Одного не очень далеко поднятого Ледой бекаса, имел возможность хорошо выцелить и положил так чисто, что заметил травинку, возле которой он упал. Спокойно стою и смотрю, как бежит собака, в полной надежде, что кулик будет наш. Но вдруг она верхним чутьем резко взяла вправо и, зафыркав, переключилась на нижнее, как будто пошла по следу (что и было на самом деле). Но убежденный, что бекас убит наповал, так как заметная травинка какие-то мгновения трепетала, я резко отозвал собаку. Она вернулась, но вновь посланная, куда мне хотелось, опять сбилась на свое на-

правление. Снова отозвал ее уже более настойчиво, свистком, и спокойно пошел подбирать бекаса. Но, увы, под заметной травинкой нашел только перышко. Бекас убежал, и помог ему в этом охотник.

К сожалению, продолжать поиск не было времени. Вечерело, мы пошли лугом к палатке. Далеко, вне пределов выстрела, поднялся бекас и маленькой точкой исчез в высокой траве. У замеченного места собака впервые забегала челноком. Кулика нашла далеко в стороне от места посадки, к битой птице пошла по прямой и принесла к ногам.

Следующие субботу и воскресенье мы вновь провели на тех лугах. В красивом поиске, с обоюдным волнением и удовольствием взяли еще пять бекасов и дупеля. Экзамен на красную дичь был выдержан. За шесть выходов на луга она научилась искать куликов, подавать дичь из травы и воды.

Тот первый сезон на лугах никогда не забыть. Ведь проохотившись сорок лет на уток, я впервые тогда понял, что такое настоящая охота – это охота с хорошей собакой на красную дичь.

Но в отличие от легавых – “узких специалистов” по болотной и выводкам боровой дичи – спаниели все-таки более водяные собаки, поэтому я решил натаскать Леду и по уткам. Здесь она также превзошла все ожидания, показав широкие возможности первопольного спаниеля.

К открытию охоты на водоплавающих (конец августа) ей исполнилось семь месяцев. Так получилось, что к узкому глубокому озеру я вышел один, собака бегала чуть в стороне, старательно обнюхивая истоптанный куликами илистый тупик. Кормившаяся у берега шилохвость глубоко погружалась в воду, над поверхностью торчал один хвост. Заметив меня, она почему-то не взлетела, а затаилась, распластавшись среди тонких редких травинок. Я спугнул ее хлопком и выстрелил. Леда примчалась на звук, сама увидела птицу и принесла. В общем, ничего особенного, просто более крепкий запах да иной “вкус” пера, точнее пуха, которого у куликов нет. Чувствую, что утка ей понравилась – прикусила крепко, сразу не отдавала.

А вот следующий аппорт оказался очень важным и очень сложным, с таким порой не справляются и взрослые собаки. На широкой, метров 150-200, протоке плавало несколько острохвостов. Мы подкрались к ним по небольшой ложбинке от высохшего ручья, заросшей густой осокой. Утки взлетали далековато, и выстрел оказался не очень удачным. Подранок сначала захлопал крылом, а потом быстро поплыл к противоположному берегу. Добывать его было бесполезно и

опасно, т.к. Леда сразу бросилась в воду. Я стал всячески ее подбадривать и расстояние до птицы быстро сокращалось.

Но опять осложнение – шилохвость начала нырять, правда, не очень далеко. Собака плавала кругами, высоко задрала голову, с удивлением смотрела по сторонам. Вдруг утка вынырнула совсем рядом и тут же с бульканьем погрузилась, но Леда рванулась и буквально выхватила ее из воды за лапы. Мокрая, уставшая, нахлебавшаяся воды собака настигла добычу у другого берега. А если вынесет на него и оставит, как когда-то Джойка? Стал еще громче ее звать и всячески хвалить. Вижу, добавила утку, перехватила удобнее за бок и поплыла ко мне.

На второй охоте переходили с приезжим товарищем похожий на овраг ручей, превратившийся в цепочку маленьких овальных озер, где почти всегда сидели чирки. Мы посоветовали гостю подойти к озеру со стороны кустов, а сами двинулись в обход по илистому перешейку. После его выстрела два чирка резко, почти вертикально, взвились в нашу сторону. Быстрый дуплет – и они шлепнулись обратно в озеро. Собака, взбежавшая впереди меня на высокий берег, увидела их и вынесла одного за другим. Затем побежала вдоль озера, взяла след, сделала несколько прыжков вверх по травянистому крутому склону и поймала чирка, подбитого нашим спутником.

Дальше путь лежал к большому озеру, заросшему травой. По дороге с довольно большой высоты я сбил шилохвость, упавшую в высокий некошенный пырей. Не знаю, видела ли ее Леда в полете, но когда опустил ружье, она уже бежала к месту падения и с ходу обнаружилась добычу.

На озере опять предстоял очень трудный аппорт. Я сгоряча обстрелял вылетевшую из затопленной редкой травы шилохвость. Собака поплыла, путаясь в водорослях, но, ничего не увидев, вернулась. Я попытался поднять ее на руки и показать утку, бросал по этому направлению стреляные гильзы, комочки земли с травой, но безрезультатно. Оставалось одно – сыграть на азарте. Снял ружье с плеча, несколько раз приложился, чтобы собака заволновалась, и дважды выстрелил в сторону убитой птицы. Ориентируясь по всплескам от дробовых снарядов, Леда взяла сначала прямой курс, но неожиданно, видимо, почуя добычу, описала подобие дуги, подплыла к ней с противоположной стороны от берега. Сохранились два фотокадра. На первом резкий рывок к утке, брызги, мертвая хватка. На втором – подплывающая к берегу собака – голова высоко поднята, глаза блестят, а в зубах здоровенный, почти с нее, трофей (эффект снимка).

Тут же нас ждет вознаграждение за переживания. Редчайший случай! Почти над собой вижу шилохвость. Срываю ружье, бью навскидку. Мимо! А в воду падает... летевший за ней чирок, которого я сразу и не заметил. Леда берет его мгновенно.

И опять новинка – погоня за убегающей уткой. Уже по дороге к стану сзади высоко налетел чирок. Ружье было в руках. После выстрела птица с перебитым кончиком крыла опустилась на илистый залив и быстро побежала к спасительной траве. По топкой грязи собака галопом понеслась за ней и поймала.

В последующие дни сильно похолодало, пошли обложные дожди. Приближался пролет северной утки, и мы с прежними партнерами поехали обустриваться на знаменитое Горелое озеро.

Как всегда, пришли к нему нагруженные большими вязанками тальниковых веток, деревянными ящиками – сидениями. Николай Щеголев захватил косу. Как по заказу, прояснило. Западный ветер разорвал низкие облака и гнал по чистой на этот раз воде синие волны. Береговая полоса со старым скрадком и низина-подкова, его окружавшая, были подтоплены.

Обустривались долго. Николай для каждого накопил по доброй копне травы. Свежими облиственными ветвями обновили ограждение засидок, укрепили веревкой, замаскировали травой и опутали снаружи желто-зеленой сеткой. Оставшиеся кусты и трава пошли на дренаж, т.к. вода в скрадках доходила до щиколотки. За работой не заметили, что вокруг нас садились утки.

Только отошли, как в низине подняли двух шилохвостей. После дуплета обе упали в затопленную густую траву. Собака бросилась сначала к ближней, обнюхала, потрепала и побежала за другой, которую тоже быстро обнаружила и принесла.

Заметив в тупике озера еще трех уток, мы обошли их и стали подкрадываться. Леда шла рядом, нервно нюхая воздух. Первой взлетела широконоска, а после удачного выстрела по ней – пара чирков, попавших под один снаряд. Вытащив широконоску, собака вдруг начала дрожать и проявлять явное нежелание идти за чирками. Когда я шагнул в воду неглубокого озера, Леда пошла за мной, и мы вынесли вместе по утке.

Итак, всего за три выхода Леда освоила основные премудрости ходовой охоты – поиск и подачу трофеев. Осталось самое сложное – работа на вечерних и утренних перелетах.

Поохотиться на Горелом нам довелось в ветреное, сырое, холодное утро. Мы пришли к скрадку в темноте по узкой тропе среди мок-

рой некошеной травы. Вокруг ни пяточка сухой земли. Я пожалел промокшую собаку и посадил в рюкзак. Лет начался рано. Рассвет еще не наступил, когда низко летящая над светлой водой утка ткнулась после выстрела в затопленную траву у тропы. Я подбежал к замеченному месту, но ничего не обнаружил. Дал несколько кругов и хотел уже пойти за собакой, как вдруг услышал ее шлепанье по воде. Она выбралась из мешка и, сделав лишь одну дугу, нашла птицу. Когда рассвело, оказалось, что следы мои четырежды (!) пересекали это место.

До конца утреннего перелета, как и на вечерней дождливой заре, Леда просидела в рюкзаке. Если птица падала в густую траву, я выпускал собаку и быстро получал трофей. Приехавший на каникулы Андрей теперь уже с Ледой собирал потерянные трофеи наших спутников.

В следующие восемь сезонов, отпущенные Леде судьбой, мы стреляли уток лишь попутно или позволяя себе зорьку-другую за осень посидеть на пролете. Вместе прошли целую школу охоты на болотно-луговых птиц, узнали, где, когда и как искать их в зависимости от времени, погоды, общего уровня воды в пойме и сроков ее спада, научились взаимодействовать и понимать друг друга. Надеюсь, что подробные записи всех наших охот с Ледой, сделанные прямо в поле, позволят точно и обстоятельно рассказать об этом.

Сначала речь пойдет о самой, так называемой красной дичи, что означает по-старорусски – наиболее красивой, прекрасной. Именно при охоте на нее наиболее полно раскрываются полевые качества легавых и спаниелей, стрелковое мастерство, умение и выносливость их хозяев. А ходить на красную дичь без собаки так же бестолково, неинтересно и бессмысленно (большие потери времени и трофеев), насколько это занимательно, эмоционально для владельца хорошо натасканного помощника.

К красной болотной дичи относятся четыре близкородственных кулика: бекас, дупель, гаршнеп и осенний вальдшнеп. Для них характерен прямой, мягкий и гибкий клюв, способный осязать и захватывать, словно пинцетом, добычу на земле. Видимо, в связи с этим и глаза у них расположены высоко и дальше к затылку. Крылья менее острые, несколько серповидные, короткий закругленный хвост. В окраске преобладают ржаво-желтые, охристые, бурые тона.

Весь благородный квартет имеет много общего по местам обитания и суточному циклу активности. Они добывают свой корм тоже, кстати, одинаковый – червей, личинок, насекомых, моллюсков, ко-

решки и семена растений – в основном ночью. Поэтому и охотятся на затаившихся, отдыхающих птиц практически одновременно, т.к. они могут находиться на одном лугу, выбирая излюбленные места в зависимости от водного режима и некоторых ландшафтных особенностей.

Наверное, не случайно, что с этих птиц начинаются классические аксаковские “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии” (1852 г.) – непревзойденная первая охотничья энциклопедия в России:

“Приступая к описанию дичи, я считаю за лучшее начать с лучшей, то есть болотной... и притом именно с бекаса, или, правильнее сказать, со всех трех видов этой благородной породы... Начинаю с бекаса, отдавая ему преимущество над дупельшнепом и гаршнепом по быстроте его полета и трудности добывания. Всякий истинный охотник согласится признать за ним это первенство”.

И на мой взгляд, бекас обыкновенный (есть еще редкий у нас – азиатский и о нем речь позже) – самый интересный объект спортивной охоты по перу. Не случайно принятое во всем мире название меткого стрелка, снайпер, произошло от английского слова “Snipe” (бекас). Многие, не только охотники, знают его по неповторимым весенним токовым полетам. Поднимаясь по спирали высоко в небо, он выписывает там волнами вертикальные дуги и при пикировании перья издают особый дребезжащий звук, напоминающий бляение овцы. За это в народе его прозвали диким, лесным или небесным барашком, а в Германии – небесной козой. В словаре В.И.Даля есть еще одно не совсем понятное наименование – козырь. Весенний крик на земле – “так-так”.

Его главные отличия от собратьев – относительно длинный и темный клюв, белое брюшко. Рулевые перья все одинаковы по размеру и окраске: рыжие с поперечными полосами и белым кончиком. На голове продольная ржаво-желтая полоса в обрамлении двух черных. На спине четыре красивые палевые с рыжиной продольные узкие полоски. Лапы серые, но встречал и с легкой желтизной на пальцах и плюсне. По моим измерениям наиболее крупные бекасы имеют клюв длиной 5,5–7 см, причем нижняя часть на полсантиметра короче. Общая длина от основания клюва до кончика хвоста 22–24 см, крыло – 21–22 см. Попадались и совсем мелкие экземпляры: клюв – 4,5, общая длина – 17, крыло – 16 см.

Бекас – мишень очень маленькая, притом быстрая и очень осторожная. Собаку не подпускает порой на 10-15 метров, а иногда срывается за пределами выстрела. Взлетает резко, как говорили старые

охотники, – “взрывается”, порой с паническим криком “кээтш” или “кээч”. При этом делает своеобразные зигзаги, поворачиваясь с боку на бок, затем переходит на прямой полет иногда с хриплым звуком “хрек-хекээ”. Вспугнутый или после промаха, как правило, улетает далеко, иногда за пределы видимости. Опускается чаще вертикально, а порой как бы ныряет в траву. Попасть в юркого долгоносика труднее, чем в любую другую пернатую дичь. Нужно иметь особую сноровку и следовать мудрому совету второго нашего классика охоты, автора знаменитого “Охотничьего календаря” (1892 г.) Л.П.Сабанеева – стрелять кулика после того, как он полетит прямо, хотя охотники-асы бьют и на боковом вираже.

Искать бекасов надо на сырых лугах, заболоченных травянистых низинах у озер, проток и сенокосных дорог, в сухие годы – на окраинах и самих блюдцах озер, около дождевых и низинных лужиц на стерне или у воды, оставшейся в глубоких колеях сенокосных дорог. Но когда луга поздно освобождаются от воды, заилены и с редким травостоем, или, наоборот, в сильную засуху – долгоносики почти не встречаются. Из девяти сезонов удачными по бекасам были лишь пять, а 1988 год стал годом бекаса.

Лето было необычным во многом. Умеренный паводок не затопил полностью пойму. Вода ушла с заливных лугов рано и быстро. В то же время разливов оказалось достаточно для образования хорошего травостоя. На облик поймы сказалась и долгая жара (в Ханты-Мансийске три месяца не было доброго дождя).

Недели на две-три раньше зацвели злаковые травы. И уже в начале августа луга отливали на солнце ярким золотом колосков вейника и канареечника. Небывало рано отцвел и уронил семена конский щавель, чьи темно-коричневые соцветия всегда возвышались над травой. Отжили свое и поблекли многоцветковые белые кисти омежника. Зато похожий на него тысячелистник (хряц) с более крупными цветками и неповторимым пряным ароматом выделялся целыми белыми островами. Порой в его заросли внедрялись более высокие желтые метелки крестовника с крупными пушистыми ромашкообразными цветами.

Отдельными растениями и маленькими куртинками пробивались сквозь густой и высокий травостой лютики на вытянувшихся стебельках, синие конусы вероники, фиолетовые крупные колокольчики горечавки. А вот плакун-трава (дербенник) с сиреневыми соцветиями и гречишка с бледно-розовыми колосками чаще встречались сообществами, оживляя уже бледно-зеленый с желтизной луговой ковер. Толь-

ко в болотистых местах да по берегам озер и ручьев росли темно-зеленые осоки и хвощи.

Болотные птицы рано поднялись на крыло, а засушливое лето обусловило их концентрацию в сырых местах. Бекасы держались днем в заросших травой ручьях с высокими берегами, в ложе почти высохших озер и прибрежной траве, в болотистых низинах. И дупели были недалеко – по краям этих мест, а порой сидели прямо на суходоле и в отросшей отаве сенокосов, уничтожая многочисленных кузнечиков и кобылок.

Мы взяли в том сезоне за девять охот 33 бекаса и 14 дупелей. Первое скопление нашли у большого болота с редкой травой и топким озером посередине. По-летнему жарко. Кулики взлетали далеко. Три промаха подряд, но бреду, утопая в грязи, за Ледой на другой берег с высокой травой. По пути берем-таки двух долгоносиков. Грязная и мокрая собака подносит трофеи. Реванш ждет на более сухом месте. Леда подводит меня поочередно к четырем бекасам и быстро разыскивает битых в травянистом кочкарнике.

Потом два подряд выхода с абсолютным рекордом всех моих болотных охот. Вторая половина дня, влажная и теплая. Аромат обильно цветущей мяты, кажется, перебивает все луговые запахи. Но только не для Леды, которая особенно далеко чует дичь в такую погоду. На длинном и узком ручье-овраге, начинавшемся от озерного тупика, бекасы начали вылетать из травы очень далеко, как-то испуганно и круто, словно камешки из рогатки.

Не сдержался – дал пустой дуплет. Потом к взаимному удовольствию берем пару подряд. Снова два промаха и еще трофей. Переходим к озеру с твердыми берегами и густой оторочкой из осоки – удобное место для стрельбы, где кулики сидят плотнее. Не заметили, как выполнили норму – десять штук, а птицы продолжали взлетать. Из одной лужи на стерне враз выпугнули около десятка долгоносиков, а видели их всего больше полусотни. И судя по времени, это были не высыпки пролетных, а местные скопившиеся кулики. Леда работала азартно, галопом, подводила аккуратно, и обошлись без потерь.

Через три дня с утра мы снова пошли к тому озеру, но со стороны ручья. Собака носилась по нему вдоль и поперек, чувствуя наброды и словно вспоминая предыдущую охоту. Кулики были заметно спокойнее. Первого я обстрелял неудачно, он чуть осел и скрылся за поворотом. Затем три классические потяжки-подводки, меткие выстрелы и быстрые аппорты.

У озера трава росла на затопленных кочках. Куда падал поднявшийся здесь долгоносик – не заметил, так как после выстрела взлетел еще один, и я стал его выцеливать. Но Леда все видела и мгновенно разыскала обоих. Вот что значит не заставляя спаниеля ложиться после выстрела. Пусть лучше сам смотрит, куда падает трофей.

В озерном тупике собака снова потянула, я – за ней. Смотрю, она уже волнуется до дрожи в хвосте, нюхает кочки, нервно ловит верховые запахи, а бекас не взлетает. Наконец, увидел его лежащего с раскинутыми крыльями сверху на высокой густой осоке. Метров триста пролетел наш первый долгоносик.

От озера поднялись на кошенину, где бекасы кормились ночью, а днем прятались среди валков свежескошенной травы. И хотя на открытом месте они не подпускают близко собаку, но работа ее видна, как на ладони. Пусть нет фирменных “свечек”, зато интересна внезапная смена верхнего и нижнего чутья, долгожданный переход с поиска на потяжку, волнение охотника при подводке в ожидании взлета кулика. Два таких момента заканчиваются удачей. Собака видит, куда падают птицы, и быстро подает. Ей хочется снова охотиться, и своим тонким чутьем она определяет, что кулики сегодня есть.

Впереди выкошенный узкий луг с мягкой нежно-зеленой отавой высотой сантиметров 20–25 – тоже неплохое убежище для долгоносиков. Леда пошла быстрым челноком вправо-влево. Одного бекаса она как бы окружила и выставила в удобном ракурсе – боковом полете, но я позорно смазал дуплетом. Леда даже завизжала от обиды, и мне стало стыдно. Пришлось мобилизоваться. Еще одна профессиональная подводка. Отпускаю бекаса подальше и стреляю. Подавала Леда его, по-моему, с улыбкой. Но, увы, это десятый трофей – “достигнута” норма.

И чтобы больше не расстраивать собаку, к дороге возвращаюсь уже обследованными местами, где нет куликов, которых она могла бы в азарте погонять. Подобный случай у нас уже был. Как-то задумался и сделал пустой дуплет по бекасу, вскоре Леда выставила еще одного, я и его “пропуделял”. Заметил, куда сел, пошли, собака снова “подала” мне его как на блюдечке – и опять мимо. А после промаха по, казалось бы, совершенно обреченному на место в ягдташе дуплету, Леда “сорвала” и с визгом бросилась за ним. Кое-как вернул свистком.

Когда подошла, усадил, погладил, начал стыдить, а она смотрит на меня вроде и виновато, и в то же время с укором – научись сначала

ла стрелять, а потом заводи приличную собаку. Я думаю, это можно считать аксиомой и советом начинающим. Хозяин и пес по уровню охотничьей подготовки не только обязаны соответствовать друг другу, но у первого должно быть и кое-какое превосходство. А если уж виноват, постарайся тут же успокоить собаку. И в качестве утешительного приза снова был бекас, которого я тщательно выцелил и красиво сбил после опять же классической леединой подачи.

Я рассказал здесь о наиболее результативных выходах скорее в пропагандистских целях для привлечения внимания охотников к болотно-луговой дичи. Но дело не в количестве. Иногда от добычи пары тройки птиц получаешь невообразимое удовольствие.

Как-то на том же глубоком высохшем ручье-овраге, пересекающем выкошенный луг, Леда подняла с травянистого склона бекаса. Я чуть замешкался, выстрелил по нему над берегом и он упал куда-то на стерню. Спаниель, не обращая внимания на трофей, продолжал искать, скрывшись в высокой траве склона. Бекас взлетел круто и колесом упал также на сенокос. Только поднялись, собака опять повела. Думал, что учуяла битого долгоносика, но ружье держал в руках. Нет, поднимает еще бекаса и быстро разыскивает и подает всех трех. И это за какие-то минуты. А сколько эмоций!

Случилась однажды и агитационно-показательная стрельба. Ехали мы по лугу на машине с двумя подсевшими охотниками. Посмотрели они на наши трофеи, совершенно им неизвестные, и спросили:

– Как ты их стреляешь и зачем?

– Для спортивного удовольствия и с помощью собаки. Сейчас увидите.

День был очень сырой и холодный и я еще утром замечал несколько долгоносиков на дороге. Сбавили скорость. Вот и бекас. Взлетает почти из-под колес и садится метрах в пятидесяти в траву. Выходим с Ледой. Она его поднимает, а после выстрела подносит. Второго я у нее даже брать не стал, повернулся и пошел. Она – за мной и так с бекасом в зубах запрыгнула в “уазик”.

Другой из наиболее распространенных у нас благородных долгоносиков – дупель, внешне похожий на бекаса, толстенький, коренастый, медлительный кулик, встречается по сухим кочковатым окраинам бекасиных болот, на осокистых высоких берегах озер, по обочинам дорог, на выкошенных лугах. Дупельшнеп в переводе с немецкого – двойной кулик, хотя и явно не вдвое больше бекаса, но раза в полтора тяжелее.

В силу ленивого и спокойного нрава он близко подпускает не только

интеллигентных легавых, замирающих в стойке буквально в нескольких сантиметрах от кулика, но и горячих спаниелей – очень темпераментных по природе птичьих гончих. Без мохнатых помощников его вообще трудно выгнать из травы. Старые охотники-”топтуны” (так презрительно называли раньше “бессобачников”) делали это при помощи тонкой длинной веревки, которую привязывали к поясам и фронтально волочили вдвоем по лугу.

Взлетает дупель молча, но с характерным хлопаньем крыльев, порой крикает или покряхтывает. Летит сравнительно медленно, низко, прямо, и стрельба не представляет никаких трудностей. Поднятый, улетает обычно недалеко. Садится вертикально, распутив крылья и часто, как утка, махая ими. После этого залегает еще крепче и для поиска нужна собака с хорошим чутьем и азартом на дичь.

В народе дупеля называют лежанкой, молчанкой, за цвет – пятначкой. У В.Даля среди прочих есть опять же странное наименование – белокуприк. Может быть, от названия травы – “белый купырь”? Не в пример другим своим собратьям дупели весной токуют на земле.

От бекаса они отличаются серым брюшком с поперечными волнистыми полосами. Крайние рулевые перья – белые, на крыле пять ярких белых поперечных полос, почти сливающихся в сплошное зеркальце. У дупеля, на первый взгляд, больше ржаво-желтых полос и пятен. Окраска головы и груди, рисунок перьев спины у обоих куликов одинаковы, но у дупеля они чуть бледнее или светлее. Видимо, на этом более спокойном фоне контрастнее выделяются рыжина и желтизна, что и определяет более яркое восприятие. Лапы у него чуть светлее, длиннее и толще, клюв – короче.

Размер здесь не самое главное, иногда молодой дупель бывает не крупнее старого бекаса. Легче всего определять по тушке. У бекаса она типично куличинная, с узкой “талией”, а у дупеля похожа на утиную – без перетяжки.

На первую настоящую дупелиную охоту я вышел уже с третьепольной Ледой. В предыдущем сезоне охотились лишь однажды и красную дичь вообще не встречали, т.к. пойма долго не освобождалась от водополя, была заболочена, заилена, с редким травостоем. Да и следующий, 1986 год тоже был достаточно многоводен. Поэтому бекасов опять не было совсем, а дупель сконцентрировался на высоких гривах.

Часов в девять, когда роса уже обсохла, вышли на узкий длинный некошенный луг с маленькими озерцами, окруженными густой тем-

но-зеленой осокой, между ними – полусухой мелкий кочкарник с невысокой травой. Леда, почуяв наброды, заволновалась, хвост завибрировал от азарта. Дупель взлетел неожиданно и не очень близко. Я вздрогнул от хлопанья крыльев и выстрелил навскидку. Кулик немного осел, а после второго выстрела учащенно замахал крыльями, полетел быстрее, словно подстегнутый, и опустился метров за сто в приметный островок травы с желтыми цветами. Уверенный в том, что оба выстрела достигли цели, хотя и не по месту, я шел все же настороже – вдруг взлетит. Нюхавшая кочки Леда подняла голову, уловила запах и уверенно потянула верхом. Осторожно подкралась к кусту, прыгнула и вышла ко мне с дупелем в зубах. Он был большой и красивый в своем коричнево-буром наряде со змейчато-серым животом и ярко-ржавым кончиком хвоста.

До конца луга Леда дважды верхним чутьем красиво подводила еще к двум дупелям, сидевшим в травяной оторочке озер, и не менее картинно аппортировала. Классика!

На обратном пути мне посчастливилось наблюдать весь процесс поиска-потяжки-подводки-аппорта как бы со стороны. Я шел, довольный и расслабленный, по твердой кромке, казалось, уже обследованного луга. Леда бегала по нему, распутывая старые наброды, метрах в тридцати передо мной. И вдруг она резко повернула по дуге назад и пошла с поднятой головой, словно выбирая прямое направление к источнику запаха. Я развернулся и двинулся параллельно с ружьем наизготовку, несколько опережая собаку.

Она делает очень короткую подводку и поднимает дупеля, который летит довольно быстро метрах в сорока от меня. Первый выстрел мимо, вторым – перебил крыло, и дупель опустился в редкую траву. Я пошел прямо к нему, Леда – с боку. Видел, как она вновь причуяла добычу, как нарастало ее волнение. Заметил кулика, сидящего на согнутых лапах с клювом, прижатым к земле. Леда крадется, пригнувшись и напружинившись. Прыжок – и птица в зубах. Она так затаилась, что

не делала никаких попыток убежать.

Но вобщем-то дупель и не такая уж простая дичь: взлетел шумно, но медленно – и твой. Один осторожный, а, может быть, пуганый кулик дважды взлетал из-под Леды вне выстрела. Собака снова его находила, а хозяин дважды пропуделял. И только с пятого подхода спаниель близко подвел меня к хитрецу, спрятавшемуся в травянистой оторочке озера. Полетел он над водой и Леде пришлось за ним еще и сплавать.

Другой дупель также долго “водил” нас по кочкам некошеного луга, не подпуская близко собаку. На третий раз сел под одинокий таловый куст и попал, наконец, под выстрел.

Как и бекасиных, дупелиных сезонов было пять, а годом дупеля стал 1990-й. Лето не предвещало ничего хорошего – с конца июля до десятого августа шли дожди, было холодно, всего 8–10 градусов днем. Потом прояснило, но влажных мест образовалось много. Дупели сосредоточились на стерне, суходолах, по окраинам болотца. Бекасы тоже были на выкошенных лугах, предпочитая низинки, затопленные места в колеях сенокосных дорог и дождливые лужи на стерне. За шесть охот добыли 30 дупелей и 18 бекасов. Бывало, брали за выход (как правило, полдня – с утра или с 15-16 часов) семь-восемь куликов, иногда по четыре-пять на одном лужке.

Первую охоту дупелиного года начали с бекаса, поднятого Ледой из обочины дороги. Сбегав за ним на луг, она вернулась, как будто вспомнив о чем-то оставленном (вероятно, по пути уловила запах другой птицы), немного покружилась и выставила дупеля. После дальнего выстрела он утянул довольно далеко и упал в траву. Пока его искали, заметил почти правильный четырехугольный участок с потемневшими от сырости валками. Местами поблескивали дождевые лужицы.

Только вышли на кошенину, Леда так близко подкралась к бекасу, что он необыкновенно круто и быстро стал набирать высоту, как бы ввинчиваясь в воздух. И, остановленный дробовым снарядом, падал “винтом”, вращаясь в горизонтальной плоскости. Собака яростно продолжала “челночить” вдоль валков, и мы к обоюдному удовольствию взяли еще четырех бекасов. Да, место не для дупелей, слишком влажное. Но лужи кончились, и на возвышенной части участка Леда еще сильнее засуетилась и начала челночным галопом выставлять дупелей. Первого спокойно стреляю в угон, двух – в боковом полете, а последнего, очень красиво, встречного под углом.

Давно чувствовал какой-то особый интерес собаки к этим птицам,

стремление не просто поднять, а как бы нагнать на хозяина. И вспомнил, как год назад шел по крутому травянистому склону узкого ручья-оврага с безводным, но топким дном, высокие берега его были обкошены и аккуратны, как газон. Леда носилась вдоль и поперек, чуя ночные наброды и успевая обследовать стерню. В очередной раз, спускаясь вниз, она повела ко мне навстречу и с самого дна выгнала дупеля. Он поднялся свечой, быстро набирая высоту, чтобы вылететь из ручья. Увидев меня, начал делать немыслимый вираж и подставил свой поперечно-полосатый толстый живот. Траектория была такая крутая и кривая, что я промахнулся. Достал только вторым выстрелом, и он колесом упал на покос. Но собака не бросилась за ним, а повторила обходной маневр, выставив еще одного встречного кулика с вертикальным взлетом.

Даже дупелиный запах она предпочитала другим. Через два дня на том же лугу, сырым пасмурным утром, когда запахи куликов словно висят в воздухе, Леда галопом начала носиться по кошенине с валками травы. Почти подряд, навскидку, я взял пару нагнанных ею встречных дупелей. Пока заряжал ружье, собака стала тропить вокруг меня и выгнала дупеля совсем рядом, но за спиной. Дуплет был безрезультатным. Услышав свист кроншнепа, присел, подманил и положил его недалеко. Леда подбежала, схватила, пронесла почти бегом несколько метров, резко остановилась, бросила, словно выплюнула, и взволнованно потянула в сторону. Небольшая подводка – и прямо на меня красиво вылетел переместившийся дупель. И такой момент был не один.

Опять же год тому назад мы охотились на некошеном лугу, где в высокой траве прятались днем дупели. Леда бегала передо мной, иногда свечкой выпрыгивала, нюхала воздух. В это время невдалеке пролетали три кроншнепа. Реагируя на мой свист, они сделали разводочный облет и шли на пределе, поэтому я выстрелил только раз. Леда видела их, насторожилась, но не пошла за трофеем, а, сделав длинную потяжку, подняла бекаса. После аппорта опять не захотела идти за кроншнепом и продолжила поиск. Только зарядил ружье, слышу сзади лай и хлопанье крыльев. Метрах в десяти из-под носа Леды свечой поднимается дупель. И с вертикали начинает снижаться по дуге. Я повел ружьем по кривой линии полета и выстрелил. По-моему, даже Леда оценила красоту выстрела и подавала кулика с особым почтением. Только потом настала очередь кроншнепа.

Всего мы совершили с Ледой 63 выхода на болотную охоту, добыв 83 бекаса и 88 дупелей, – наиболее распространенных у нас

благородных долгоносиков. Те охоты стали вершиной собачьего мастерства. Главное, мне удалось привить спаниелю любовь к красной дичи, ее запаху, привычку к “вкусу” пера, отработать поиск на лугах, пробудить внутреннее желание собаки находить именно этих птиц, предпочитая другим.

И я вместе с ней научился как бы нутром чувствовать: вот в этой лужице есть бекас, а в этой травяной кочке – дупель. Пришлось осваивать и другой по сравнению с утиной охотой характер стрельбы в постоянном взаимодействии с собакой. Хотя с возрастом мазать стал чаще, случались очень красивые, даже редкие выстрелы: дуплеты по дупелям, дуплеты по бекасам (что сложнее), наконец, дуплет по вылетевшим враз бекасу и дупелю. Извлек и кое-какие уроки. Основной – не терять контроль над собакой. Чуть отпустил подальше, отвлекся от ее поиска – задумался, залюбовался природой – долгоносик вылетит или вне выстрела, или так неожиданно, что поспешишь и промажешь.

И, казалось бы, мелочь – перезарядка ружья. При охоте на уток выработалась привычка делать это сразу после выстрела. Обстрелянные утки улетели – и все, спокойно досылай патрон, даже одиночный. А здесь ситуация другая – не знаешь, сколько долгоносиков сидит в траве вокруг, особенно спокойных дупелей. Да и побежав за сбитым бекасом, собака может поднять другого.

Надо следить и за предохранителем, тем более если он автоматический. Обследовав один луг, поставил ружье на предохранитель и повесил на плечо. Через несколько минут Леда подняла бекаса. Сорвал ружье, прицелился, а выстрела нет. Быстро перевел вперед кнопку предохранителя, но долгоносик уже отлетел и дробь его недостала. Только зарядил ружье, как Леда выгнала сразу двух бекасов. Чик-чик, а предохранитель сам включился. Какой мог быть редчайший дуплет!

Не менее интересными объектами охоты со спаниелем являются и два других благородных кулика. Поистине экзотический трофей – самый маленький из бекасиных – гаршнеп, в народе называемый “ночным извозчиком”. Токует он весной по ночам, летая высоко над лугами с криками “лок-то, лок-то-то”, что напоминает стук лошадиных копыт по плотно утрамбованной дороге. Отсюда польское название – стучик. Немецкое название – волосяной кулик – он получил за длинные черные перья-косицы на спине. В окраске те же ржавые, желтые, бурые краски, но более сочные, яркие, на плечевых перьях даже с переходом в оранжевые. Длина птички 16 сантиметров, вес до 90

граммов. В отличие от бекаса имеет сравнительно короткие ноги, на голове лишь одна продольная черная полоска.

Предпочитает трясиновые болота, заросшие хвощом и осокой, ржавые грязные топи, илистые берега озер и ручьев. Доверчив и неосторожен, сидит еще крепче дупеля и вплотную подпускает собаку. Взлетает медленно, иногда с криком “чи-вик”, полет тихий, порхающий, как у бабочки. Отлетает недалеко.

Есть у этого куличка приятная особенность: он улетает на юг очень поздно, как бы продляя сезон классической охоты. Держится порой до замерзания озер, первых снегопадов, пока есть талая земля на илистых берегах.

В октябре 1970 года, когда уже застыли озера и большие протоки, а над Обью у Ханты-Мансийска пролетали последние стаи нырковых уток, мы отправились за рябчиками... и вспугнули из прибрежной травы лесного ручья отлично упитанного гаршнепа.

Своего первого и единственного гаршнепа Леда выследила на влажной низине. Я даже не выстрелил, рассматривая черно-золотистую птичку, по очертаниям крыльев напоминающую летучую мышь. Кулик в спокойном полете переместился на стерню и опустил вертикально, как дупель, часто махая крыльями. На открытом месте он поднялся перед собакой далекоовато, а после выстрела ускорил полет, пересек небольшое озеро и, неожиданно сложив крылья, комочком упал в прибрежный кочкарник. Заметив место, я обошел водоем и послал Леду за битой, как мне показалось, птицей. Собака вышла в прибрежную затопленную траву, откуда легко поднялся гаршнеп и полетел через озеро. Выстрел остановил его над водой. Леда сплавала и принесла оранжево-палевого маленького красавчика. Две косячки на его спине отливали сине-зеленым металлическим блеском.

Это был мой последний гаршнеп. Учитывая и ничтожные размеры кулика, и необыкновенную красоту, и редкость в наших краях, решил больше не поднимать на него ружье. Да и видели мы их с Ледой после этого всего один раз. Отдыхали как-то на плоту, оставшемся после половодья в ручье. На противоположный илистый берег вышли из осоки три гаршнепа и начали что-то клевать, не обращая на нас никакого внимания.

Так же только однажды добыли мы с Ледой и четвертого благородного долгоносика—вальдшнепа. Взяли его на весенней тяге, с которой чаще и связывается вальдшнепиная охота.

Вальдшнеп — по-немецки — лесной кулик. В зависимости от мест обитания, издаваемых звуков и образа жизни он носит много народ-

ных наименований: вальшня, боровой или березовый кулик, ольшняк, зорник, на Урале – шабашка, арся, углевоз, пахарь, пахарец, по звукам – кряхтун, хорпуша, хурпун, курпист, хурхун, хаква, другие названия – ротай, долгоносый виклюк, слука, слаква, сломка, слонка. По В.Далю – боровой кулик, березовик, красный кулик, боровик, лесная кура, крехтун. В отличие от своих собратьев – бекаса, дупеля и гаршнепа – он является постоянным жителем леса.

Охотятся на вальдшнепа и осенью с легавыми и спаниелями, когда кулики вылетают в пойму, непосредственно примыкающую к лесным массивам, на жировку и водопой, а иногда, во время затяжных дождей, перебираются из сырой, непродуваемой тайги на более открытые луговые места. При желании и удаче можно найти и высыпки пролетных с Севера вальдшнепов. Одну из них, и очень богатую, наблюдал известный местный охотник В.П.Киселев на окраине деревни Зенково под Ханты-Мансийском (пойма Оби). О высыпках лесных куликов прямо в центре Ханты-Мансийска, в большом тогда березово-еловом парке перед зданием Дома Советов, мне рассказывал бывший начальник Тюменского областного управления охотничьего хозяйства Г.В.Седелников. Это было в конце 60-х – начале 70-х годов и кормились вальдшнепы в парке два дня.

Надеясь, что охота на вальдшнепа, как и дупелино-бекасиная, получит развитие, расскажу о его отличительных признаках, глядя на чучело моего трофея. Голова, шея, грудь и живот имеют общий серый фон с волнистыми коричневыми полосками. На голове, начиная от переднего края глаза, а длиной от бровей до бровей – первая черно-коричневая поперечная полоса с мелкими желто-рыжими пестринами. Через полсантиметра, на затылке, – такая же по цвету вторая, но она чуть уже и короче. От основания клюва до глаз – тонкая коричневая уздечка, переходящая в третью поперечную, но не полосу, а скорее овальную пестрину. Узкая полоска как бы отделяет голову от шеи, расширяясь и переходя в четвертую пестрину, по форме напоминающую усеченный конус.

Таким образом, все четыре темные полосы сужаются книзу. Горло пепельно-серое, под ним коричнево-рыжая “бабочка”. Грудь окаймляют такого же цвета “лацканы”. Рыжины больше на изгибе крыла, надхвостьи, маховых и рулевых перьях. Глаза большие, темно-коричневые, далеко отставлены назад.

Он более крупный и плотный (вес около 400 г). Общая длина птицы от основания клюва до кончика хвоста – 32 см. Длина клюва семь сантиметров, крыла – 21, лапы – 14, из них оперенная часть состав-

ляет без коготка восемь сантиметров.

Из других куликов, не относящихся к красной дичи, наибольший интерес представляет большой кроншнеп (в переводе с немецкого – королевский или коронный кулик). Есть у него и другие названия: курли (франц), котрус, фируль, болотный зуй, кульон, степной, горный, польский или кривоносый кулик. По В.Далю – пастух, конепас, большой степной кулик, степняк, степняга.

Мне довелось подержать в руках более двухсот осенних больших кроншнепов, что позволяет судить об их размерах и окраске. Это очень красивая, стройная птица и самая крупная из куликов длиной до 75 см. и весом до килограмма с небольшим (с добрую утку); крыло 45-53 см. Прежде всего примечателен длинный изогнутый клюв, мягкий, но с роговым кончиком. Обычная длина его по хорде примерно 12 см, видел и до 15 с половиной см, но двадцатисантиметровых, как пишут некоторые авторы, не замечал.

В основном у нас встречается восточный, более светлый подвид. Общий тон оперения серо-бурый. Голова сверху чуть темнее за счет пестрин. Песочная шея и почти белая грудь в узких продольных пестринах. Крайние маховые аспидно-черные, средние – с белыми пестринами. Кроющие темно-коричневые, но с соломенно-желтым окаймлением, поэтому в солнечный день на близком расстоянии кулики кажутся золотистыми. На спине коричневого больше, т.к. светлое окаймление уже. Надхвостье белое, ближе к хвосту продольные пестрины с желтизной. Рулевые белые с поперечными темно-коричневыми полосками. Подхвостье белое.

В начале августа звонким флейтовым посвистом “кью-иить, фью-виить” (кто как улавливает) большие кроншнепы возвещают о своем появлении на высоких пойменных гривах.

Значительно реже встречаются средние кроншнепы. С Ледой, например, мы взяли только одного. Всего, и в основном на Ямале, я добыл их около полутора десятков. Они заметно мельче больших (вес около 500 г), голос глуше, за что в народе получили название трескунов. Главный отличительный признак – узкие светлые брови; над ними, на шоколадного цвета шапочке, узкая продольная прерывистая светло-серая полоска. Верх – спина и крылья – серо-коричневые с мелкими светло-серыми пестринами. Маховые перья черные со светло-серыми каемками. Надхвостье белое с пестринами, хвост темно-серый. На голове, шее и груди узкие коричневые полоски по светло-серому фону, живот и подхвостье белые.

Весной кроншнепы прилетают в первой декаде мая. На пролете я

чаще встречал одиночных птиц или небольшие (две-четыре птицы) группы. Видел и большие стаи, но редко. Восьмого мая 1983 года наблюдал в окрестностях Ханты-Мансийска токование больших кроншнепов в полете. Две птицы, летевшие метрах в сорока от моего скрад-ка над иртышской протокой, достигнув берега, подняли крылья и начали парить по бокам и чуть сзади третьей (очевидно, самки).

Они издавали звуки, похожие на тетеревиное бульканье, только нежнее и звонче. Доводилось слышать кулика и при токовом полете, когда самец взлетает по дуге, дрожа крыльями, потом высоко поднимает их, так что концы почти соприкасаются, и спускается с мелодичной трелью, как это делают и некоторые мелкие кулики. Видимо, такую песню большого кроншнепа имел в виду С.Т.Аксаков, когда писал, что “его звучный, колокольчиком заливающийся голос больше всех других птичьих голосов одушевляет однообразную равнину”.

Но охотятся на кроншнепов только осенью. Любимые уголья королевских куликов – сенокосы, где они пасутся на кошенине, стерне или отаве, улетаая днем и вечером на водопой и отдых к обмелевшим протокам. Птицы очень осторожные, общественные, стайные, что еще более затрудняет скрадывание на открытых лугах и берегах. Охотники подходят к ним по густой кромке некошеной травы, из-за стогов, копен и кустов. Летящих куликов можно подманить, имитируя их свист.

Конечно, никакую стойку легавой или азартную подводку спание-ля кроншнеп не выдержит. При охоте с подхода для собаки нужна прежде всего дисциплина, умение спокойно идти “за ногой” (хозяина). Находить и подавать трофей или догонять подранка на хорошо просматриваемой стерне очень просто. Розыскные качества требуются только при поиске битой птицы в густой некошеной траве. Бывает, что трофей падает в болото, озеро или протоку, значит, собака не должна бояться воды. Словом, здесь раскрываются далеко не все способности подружейной собаки, особенно легавой, а спаниель явно предпочтительнее.

Как и всякая охота, кроншнепиная по-своему увлекательна. Для нас с Ледой она стояла на втором месте после бекасино-дупелиной, если судить по трофеям – 134 птицы. Особенно много их бывает, (когда лето сухое и знойное. Таким был и наш год кроншнепа 1989-й), тогда мы взяли 35 королевских куликов.

Преодоление легкой неприязни Леды к этой дичи, проявленное еще в первом сезоне, шло постепенно. Сначала она подавала куликов только с воды или топких мест. Но на сухом лугу часто ограничивалась розыском – подведет и все, бери, дескать, я нашла, но он мне

не нравится. Потом стала выносить из густой травы, но тут же бросать.

Меня это как-то не волновало, поскольку и не мешало – за все время потеряли только одного кроншнепа, утянувшего за непроходимое болото. Ну, не нравится и не нравится такой запах, пусть. Вкусы дамы надо уважать. Зато как плавала! В конце третьего сезона холодным утром сбил кроншнепа над рекой. Ширина, глубина, сильный ветер “в задир” (против течения). Леда видела, как он падал, поплыла, но потеряла из виду в крутых волнах, вернулась, вышла на берег, отряхнулась – вижу замерзла. Погладил, помахал ружьем, поугovarивал и выстрелил дуплетом в сторону кулика. Леда сориентировалась по всплескам от удара дроби, снова пошла в воду, на этот раз удачно.

Постыдил я ее только однажды и по поводу. Подходили к скрадку знакомого охотника. Он сидит в кроссовках, потому что оба сапога порвал, напоровшись на затопленную борону. Недалеко, на илистой отмели, лежит битый чирок-трескунок и не взять его – в кроссовках провалишься, босиком – холодно. Я послал Леду. Она забрела в эту жидкую грязь, вымазалась вся, но чирка принесла, причем с удовольствием.

Только отошли, летит кроншнеп. Посвистел, сбил. Упал он на стерню метрах в двадцати. Ледка к нему, понюхала, перевернула, стоит и смотрит на меня как-то ожидающе, наклонив набок голову, знает, что подойду и возьму кулика, да еще и похвалю за то, что нашла.

– Ах, ты, – говорю, – негодница, за чирком каким-то в грязь не поленилась залезть, а тут на ровном сухом месте кулика принести не хочешь.

И сделал вид, что ухожу, а сам кошу одним глазом. Вижу, хватает кроншнепа и бегом за мной. Я отвернулся и прибавил шагу. Обогнала меня хитрая собака и затанцевала с куликом в зубах, хвостом виляет, глаза виноватые. Ну, пойми, хозяин, могу я, но не хочу. И я больше не настаивал.

Но при этом маленьком недостатке она была на кроншнепиной охоте не менее азартной, чем на бекасино-дупелиной. Закончу одним случаем. Мы ехали по сенокосной дороге на “Запорожце”, когда я увидел на выкошенном лугу пару кроншнепов. Ледку решил оставить в машине, чтобы кулики не испугались на открытом месте. Подкрался к ним из-за стога и быстрым дуплетом выстрелил по взлетевшим. Только хотел подобрать, слышу знакомое дыхание. Ледка бежит к куликам, берет одного, я – другого.

– Хорошо, что ты ее выпустил, – говорю хозяину машины, – а то бы расстроилась собака окончательно.

– Да не выпускал я ее, – отвечает водитель. – Сразу после выстрелов выскользнула в приоткрытое вентиляционное окно передней дверцы. Видишь, в уголке клочок шерсти между резиновыми прокладками.

Иногда она необъяснимо усердствовала. Стоя в высокой траве, заметил пару кроншнепов. Стал подманивать. Один шел прямо на штык и после красивого выстрела упал сзади меня на стерню. Другой сделал круг и тоже хорошо налетел, но упал в траву передо мной. После того, как Ледка его принесла, пошли вместе за первым. А он как провалился на чистом месте. Начал ходить кругами, собака – за мной, словно ждет чего-то.

– Ищи, – команду, – ищи! Она бегом к моей временной засидке и появляется с кроншнепом. Оказывается, пока я, сидя в траве, подсвистывал другого кулика, Леда сбегала за первым.

Несмотря на то, что кроншнеп заманчивый трофей, многие старые охотники как-то жалеют этих птиц. А прощальные осенние крики их в вечерней звенящей тишине, по-моему, способны взять за душу любого человека. Мне думается, что в самом виде кулика, его голосе, ярком инстинкте стайности, просто бесшабашном стремлении подлететь на зов раненого товарища или спикировать вслед за сбитой птицей – есть что-то от глубокой древности, мистическое и загадочное, как у вальдшнепа. Недаром он похож (особенно своим клювом) на священную птицу ибиса, которому поклонялись египтяне.

Весной 1995 г. в одной из галерей Бельведера в Ватикане я увидел на стене изображение двух серпоклювых птиц. Это оказалась копия фрески из известного “Золотого дома” римского императора Нерона. Вначале я так и подумал, что нарисованы ибисы. Но сравнив фотографию (а она получилась темноватой из-за строжайшего музейного запрета на применение вспышки, да и сам фон фрески был темно-красный) с описаниями разных ибисов, понял, что это не они. Тот самый африканский ибис вообще не имеет на голове перьев, да и другие его собратья в разной степени лысые. Из европейских похожих птиц оставалась каравайка, но у нее по-другому оперены ноги, короче хвост и голая уздечка (кожистая вершина клюва) доходит до глаз. Возможно, изображены большие кроншнепы, и последующая добыча особи их западного подвида заметно прибавила уверенности в этом.

В нормах ежедневного отстрела для крупной дичи обычно дела-

ются ограничения. Например, если за сезон разрешается добыть семь водоплавающих птиц, в том числе лишь одного гуся или семь боро-вых, из них всего пару тетеревов, то и при охоте на болотную дичь можно было бы установить, например, общую норму десять птиц, в том числе только три больших кроншнепа.

А на среднего кроншнепа охоту вообще можно запретить, чтобы его не постигла судьба полностью истребленного эскимосского кроншнепа и двух других видов, занесенных в Красную книгу. Поскольку, я думаю, возможная встреча с ними абсолютно не исключена, поделюсь некоторыми сведениями.

Кроншнеп-малютка – небольшой, с горлицу, кулик. Второе название – карликовый. Темя черно-бурое с охристой продольной полосой, надхвостье темное. Самый западный очаг его распространения по литературе – Таймыр.

Но, да поверят мне читатели, в августе 1948 года на сенокосе под Салехардом я учил стрелять из дробовика десятилетнего брата. Кроншнепов было очень много. Мы вместе подкрадывались к ним из-за стогов или по некошенной кромке травы. Мальчик не мог удержать двустволку на весу, поэтому я опускался на четвереньки, а он клал ружье на мою спину. Таким образом и был застрелен необыкновенно маленький, взрослый, летающий кроншнеп, очень похожий по описанию на малютку.

В природе все бывает, и случай может повториться.

Тонкоклювый кроншнеп. Он еще называется малым и по окраске полностью повторяет большого, только на нижней части груди есть сердцевидные или каплевидные пятна. Клюв тонкий, величина примерно с чирка. Голос в полете: “пи-пи”. Очень редкий вид, находящийся под угрозой исчезновения. В прошлом обитал на болотистых пространствах тайги Западной Сибири от Урала до долины Оби, возможно, до среднего течения реки Конды. Последний раз, судя по литературе, его отмечали в 1924 году в районе Тары по Иртышу, а гнезд не находили много лет. Эту птицу мне довелось подстрелить и точно определить в низовьях Иртыша под Ханты-Мансийском весной 1973 года, за год до учреждения Красной книги СССР.

А почему бы какой-то уцелевшей кочующей негнездящейся особи не залететь снова в наши края? Стоит только отвлечься от погони за добычей. Давайте оглянемся, понаблюдаем, тогда обязательно увидим что-нибудь необычное. И вдруг воскреснет из небытия маленький королевский кулик.

На цветущих осенних лугах Обь-Иртышья немало и других инте-

ресных объектов спортивной охоты по перу. Я называю их попутными птицами, поскольку специально за ними пока никто не охотится, а большинство вообще игнорирует как дичь.

Среди куликов, достойных внимания, можно выделить из крупных (после кроншнепов) – веретенников, из средних – турухтанов, которые стайками начинают появляться на илистых топких берегах обмелевших протоков и ручьев в конце июля-начале августа и очень рано улетают на юг.

Несомненно, на первом месте и по красоте, и по величине стоит большой веретенник – ближайший родственник кроншнепов. Очень стройный изящный кулик на высоких ногах. Клюв длинный, тонкий, чуть загнут вверх, по цвету черно-бурый, у основания желтый. Сам кулик рыжевато-бурый, живот светлый, надхвостье чистое белое, а хвост черный. На лету заметно белое поле на крыльях и ноги, выступающие за край хвоста. Может, потому и получил свое название, так как в профиль похож на веретено. Есть другая версия – от слова “веретья” – сибирского названия высокой, обычно сенокосной гривы (берега), граничащей с речками, протоками и пойменными разливами.

Малый веретенник – более северный вид, бывает у нас пролетом. Он заметно меньше, не такой стройный, ноги короче, клюв прямой. Грудь и живот – ржаво-рыжие. Отличительные признаки: нет белой полосы на крыльях, надхвостье белое в бурых пятнах, хвост белый с поперечными темными полосами.

Я стреляю веретенников не каждый год и только в первые выходы, если на лугах еще мало благородных куликов. Охота с подхода на протоках и обмелевших речках неспортивна: в сидящих стрелять – позорно, а в угон – очень легко. Да порой по топкому берегу даже и на выстрел не подберешься – завязнешь. Лучше устроиться на каком-нибудь мыске недалеко от воды и стрелять влет самой мелкой дробью. Собака здесь обязательна как для подачи с воды, так и с илистых отмелей. И водяной спаниель опять же предпочтительнее островных сухопутных легавых. Может он вполне посоперничать и с более сильными континентальными легавыми, поскольку нагрузка невелика. С Ледой мы взяли за девять сезонов одиннадцать веретенников.

Первого, малого, подстрелил холодным, сырым, ветреным утром над глубокой и широкой протокой. Он летел низко, упал на противоположный берег. Собака, занятая поиском в траве, его не заметила. Я пошел к знакомому броду. Но ил был очень вязкий, зачерпнул в са-

пог воды и решил подняться на гриву, чтобы отжать портянку. Тут Леда с высоты увидела кулика, но не бросилась сразу, а побежала по твердому берегу обратно, спустилась точно в створе и сплавала за трофеем.

В следующий раз почти на том же месте положил трех малых веретенников в воду у другого берега с интервалом метров в семьдесят. Собака сплавала за одним и снова в протоку. Смотрю, плывет немного в сторону. Понял, рассмеялся, но корректировать не стал. Между куликами торчало затопленное ведро, которое она добросовестно обнюхала, а затем вынесла остальных птиц.

Однажды под вечер мы возвращались с дупелиных лугов, добыв шесть долгоносиков. Леда, прихрамывая, брела за мной. Иногда садилась, поднимала ободранную в кровь на сухой стерне переднюю лапу и скулила. Над протокой стайка за стайкой шли пролетные малые веретенники. Я присел на полуострове и быстро довыполнил дневную норму, взяв четырех куликов. Собачий азарт победил боль, и Леда буквально на трех лапах ходила к воде за трофеями.

Точно так же охотятся на турухтанов. Эти серо-бурые птички встречаются осенью раньше и чаще веретенников. Может показаться, что вместе собрались птицы разных видов – настолько самцы крупнее самок (почти в полтора раза). Турухтаны хорошо известны охотникам по весенним брачным турнирам, которые устраивают пестроокрашенные разноцветные петушки, так и называемые в народе.

Конечно, по сравнению с красной дичью турухтан не деликатес, и я давно уже стреляю их только для натаски собак. Тем более в отличие от веретенников, они встречаются на лугах. Когда мало бекасов и дупелей – все же какая-никакая работа спаниелю. Леда за все время подала 15 турухтанов.

И на весенней, и на осенней пойме можно встретить множество других оседлых и пролетных куликов, в том числе очень мелких, на которых просто жалко поднимать ружье. Но тем не менее все они считаются дичью и разрешены к добыче, кроме кулика-сороки, который охраняется законом, хотя и не занесен в Красную книгу.

В Обь-Иртышье его зовут кипитка за резкий, громкий, свистящий голос: “кипик-кипик-кипик”. С таким криком он любит дразнить, пугать и преследовать других птиц, а порой и охотничьих собак, что я неоднократно наблюдал при осенней охоте со спаниелями.

Оперение кулика нарядное, строго-парадное: голова, грудь и спина черные, брюшко и нижняя часть надхвостья белые. Весной на горле у самца появляется белое пятно-полумесяц как контрастное дополне-

ние к черному фраку. Крепкие красные клюв и ноги, выразительные глаза в “очках” из неоперенной кожи оранжево-красные с разными оттенками. Живет по берегам рек и проток.

Наиболее представлен род улитов. Из них чаще попадает под выстрелы охотников большой улит (примерно с турухтана). В полете похож на веретенника отставленными за конец хвоста ногами. Клюв слегка загнут вверх. Окраска бело-серая. Крик: “витли-витли”. На него похож травник, встречающийся в южной части округа. Отличается красным цветом ног, белой полосой на крыле и пестринками по низу. Оба любят травянистые берега озер и проток. Есть еще краснолапый кулик-щеголь, более северный вид. Его легко узнать по аспидно-черной окраске с белым крапом на спине, низ белый.

Из мелких улитов назовем самых заметных. Это житель речных берегов серый куличок-перевозчик, который часто летает над речкой с одной стороны на другую, обгоняет идущие лодки, садится на затопленные коряги или плывущие бревна и кричит свое “полведра, полведра”, видимо, назначает цену за “перевоз”.

Здесь же бегают суетливый и вездесущий фифи, темно-серый, размером со скворца. Вот он резко остановился и раскачивается на лапках с возгласом “гип-гип, гип-гип”. Так и ожидаешь, что за этим кличем последует “ура!”

Повсеместно распространен небольшой улит-мородунка. Его характерные особенности: дымчато-серая окраска и тонкий клюв, загнутый вверх, как сапожное кривое шило.

Много мелких куликов принадлежит к роду песочников. Они гнездятся преимущественно в тундре, а негнездящиеся особи обитают повсюду. Более известны среди них рыже-бурый краснозобик и самый маленький кулик-воробей.

Нередко к утиным манщикам подсаживаются маленькие кулики-плавунчики. Они быстро плавают, загребая лапками с кожистыми лопастями-веслами на пальцах. У нас встречается круглоносый плавунчик – черно-серый, с рыжими пестринами, низ у него белый, шея ярко-рыжая.

Бывают кулики, явно не похожие на остальных своих собратьев. Например, к куликам относится всем известный черно-пестрый хохлатый чибис с характерными широкими и тупыми (я бы сказал, кривыми) крыльями. Кулики из рода ржанок – довольно крупные птицы с относительно короткими прямыми клювами, большой круглой головой и толстой короткой шеей. Это живущий в тундре черно-пестрый тулес и встречающаяся в лесной зоне золотистая ржанка, название

которой говорит само за себя.

По берегам рек и озер нередко можно видеть похожих по фигуре на ржанок, но маленьких куликов из рода зуйков. Более северный вид – галстучник – чуть крупнее. По окраске они почти одинаковы: черно-пестрые, белолобые, имеют черную поперечную полосу на зобе (галстук) и такую же, идущую по голове через глаза к шее.

Из всех них я считаю объектом охоты только большого улита да, может быть, травника, хотя в детстве приходилось добывать ржанку, тулеса, мородунку, перевозчика, фифи и даже зуйка, плавунчика и воробья.

Возможно, представит интерес информация о том, что на ручейно-речных улитах охотятся из скрадков, иногда даже с профилями, и если засидка находится у воды или топкой отмели, спаниель очень даже пригодится.

К болотно-луговой дичи относятся не только кулики. Есть птицы довольно редкие и почти невидимые из-за скрытого образа жизни. Они к тому же мало и неохотно летают. Их легче услышать, чем увидеть. Но охота на них с хорошо поставленной собакой очень интересна и спортивна. Причем, как ни странно, не по стрельбе, а по самому поиску и наблюдению за особым, более эмоциональным и интеллектуальным поведением своего мохнатого партнера.

Это представители семейства пастушковых и, впрочем, родственники журавлей. Наиболее известным в народе является коростель (дергун, дергач) – великий пешеход. До сих пор существует поверье, что он отбывает осенью на юг пешком и так же возвращается весной к местам гнездования. Знакома и его страстная песня, если так можно назвать многократные громкие крики “дерг-дерг” или “крэн-крэн”. Примерно такой звук получается, когда водят деревянной палочкой по гребню.

По размеру он примерно с бекаса, но в силу рыхлости оперения кажется толще. Как и все пастушковые, имеет короткий хвост, сплюснутые с боков тело и клюв. У коростеля клюв недлинный, крепкий, красновато-серый. Ноги свинцово-серые. Один из двух добытых нами с Ледой коростелей был по тону оперения рыжий, а другой – красно-рыжий.

Взлетает дергач тяжело, будто цепляясь за воздух поочередно крыльями, хвост и ноги при этом опущены вниз. Зато бегаёт невероятно быстро. Я видел однажды, как он бежал по стерне от озера, которое мы обходили с Ледой, к массиву густой травы. Буквально

промелькнул, как мышь, и внедрился в кочки. Поднять его спаниелю не удалось.

Другой пастушок, погоньш или болотная курочка, название свое получил за голос – “уйть-уйть-уйть”, напоминающий звук прута или пастушеского кнута, рассекающего воздух. За годы охоты с Ледой мне довелось взять четырех таких птиц. По очертаниям они похожи на коростеля. Всех их я измерял и внимательно описывал для себя окраску. Длина тела около 25 см, клюв темно-оливковый, до двух сантиметров, основание его оранжевое. Ноги тоже оливковые или зелено-желтые. Верх оливково-бурый с пестринами, грудь темно-серая, надхвостье крапчатое, подхвостье кремово-белое.

Четыре раза видел довольно быстро вылетающих из-под собаки каких-то очень маленьких, темно-коричневых птиц размером с воробья, но по полету отличавшихся от певчих. Перемещались они недалеко, однако поднять снова не удавалось. Позже Леда выпугнула такую птицу из прибрежной травы на озере, и я подстрелил ее над водой. То, что это пастушок, не оставляло сомнений, а позже определил, что добыл погоньша-крошку. Он на четыре-пять сантиметров короче большого, клюв весь оливковый, только надклювье более темное. На голове, шее и спине больше коричневого, надхвостье коричневое с черным, подхвостье черно-крапчатое. Грудь светло-серая, ноги бледно-красные.

Встречаются коростели и погоньши практически в одних местах, заросших густой высокой травой (это первое условие), кочковатых и сырых труднодоступных берегах, тупиках озер или на их травяной оторочке, в глубоких узких ручьях, зеленой травяной змейкой текущих через луга. Сидят, естественно, крепче красной дичи, к тому же убегают от приближающейся собаки. Леда, почуяв горячий наброд, начинала прыгать, как кошка на четырех лапах или как мышкующая лиса, иногда останавливаясь в прыжке на задних лапах и словно удивлялась, где же птица, которая секунду назад была рядом. Вот спаниель впадает в азарт: то рычит и сердится, то взлаивает коротко и звонко, как будто улыбается, а в глазах – явная хитринка. Картина!

Как-то она находила поочередно следы двух пастушков на длинном озерном тупике-ручье с почти непроходимой травой. Как только не скакала, какие спирали ни выделявала по следам, но так и не выгнала птиц. Во время следующего выхода мы специально обследовали тупик, был сильный ветер, несущий застоявшийся во влажном воздухе запах пастушков. Леда по-прежнему крутилась,

припадала на передние лапы, шумно фыркала, обнюхивая кочки, выпрыгивала из травы, чтобы ощутить верховые запахи. Один погоныш был все-таки поднят. Другого взяли на следующий день сравнительно быстро, потому что он сидел на мысу, и Леда отрезала ему пути на сушу – пришлось взлетать. Должен заметить, что летит курочка легче коростеля и держится более прямо, подобрав ноги, хотя хвост чуть опущен вниз.

И здесь уже можно утвердительно заявить, что для этой дичи спаниель наиболее подходящая собака. Охоту на пастушков с легавой специалисты даже не рекомендуют, так как птицы не выдерживают стойки и убегают. Молодого сеттера или пойнтера вообще можно испортить и он будет срывать стойку по красной дичи. Жаль, что местные спаниелисты не познали вкус такой, как говорят знатоки, “оживленной” охоты, суть которой, как и охоты вообще, – в преследовании дичи – чем сложнее, тем интереснее.

Есть еще один резервный, неосвоенный у нас вид классической охоты – на известных всем маленьких серо-бурых перепелок из семейства куриных.

Когда по Иртышу и Оби было много деревень с полями, перепелка считалась обычной птицей. И знаменитый бой токующих перепелов: “поть-полоть” или “пить-пилють” можно было слышать довольно часто. И сейчас примерно до широты Березова встречается обыкновенный перепел. В отличие от вышеперечисленной он уже относится к разряду полевой дичи, хотя держится и на пойменных лугах, предпочитая сухие гривы с невысокой травой. Именно в таких местах мне довелось добыть с Ледой пару престижных трофеев. Перепелки имеют сильный запах, который вызывает приятное волнение собак. И спаниель здесь опять не хуже легавых.

Рассказав о болотной охоте по видам дичи, замечу: чисто дупелиные, или бекасиные, или даже кроншнепиные охоты случаются редко, чаще бывают комплексные, что, естественно, много интереснее. Вот результаты наиболее “ассортиментных” выходов 1991 года: десятого августа – дупель, бекас, веретенник, турухтан, коростель и два кроншнепа; двадцать третьего августа – четыре дупеля, по паре бекасов и турухтанов, три веретенника, перепелка и улит.

Утиные охоты с Ледой можно пересчитать по пальцам: или случайная попутная добыча вместе с куликами, или редкие выезды, чтобы отпраздновать открытие сезона на водоплавающих, – дань многолетней традиции. Первая такая поездка была в 1986 году. Тогда

тюменские власти отложили сроки на неделю по каким-то, как всегда, надуманным причинам. Поскольку такое случалось не однажды, назову реально имевшие место “аргументы”: лето слишком холодное – хлопунцов много (как будто нормальный человек будет стрелять утят, а в самое теплое лето не бывает поздних выводков); лето жаркое – опасность пожара (попробуй подожги сочную траву на некошенных лугах, хотя стог сена можно спалить и в дождь); приезд Михаила Горбачева в область – на вокзалах, в аэропортах и т.п. могут быть люди с ружьями, вдруг откроют огонь дробью по генсеку (не иначе, как плод воспаленного воображения).

Итак, суббота, шестое сентября. Стрельба опять же почему-то разрешается с утренней зари, вопреки элементарному здравому смыслу. По пятницам большинство охотников на своих местах – строят скрадки, расставляют маншки, а вокруг непуганые утки кружатся. Кто-то не выдерживает, и его можно понять. Ну что случится за ночь? Поэтому нет-нет, и звучат выстрелы с разных сторон. Да и другие чувствуют себя браконьерами. Пусть обустроиваешься, но ружье-то с тобой, теперь его не оставишь на стане – значит, ты – потенциальный нарушитель.

Мы из-за каких-то дел опоздали и на утренник. Приехали на луг в девятом часу. От сильной росы некошенная трава отливала издали сединой, похожей на иней. А вблизи, на солнце, мелкие капельки воды светились массой оттенков: и по яркости – от прозрачного до платинового, и по цветовой гамме, играя радужными разводьями, как мыльные пузырьки. Но при всей красоте некошенная трава такая мокрая, высокая и густая, что в нее не хочется входить. Предпочитаем более длинный путь к озерам по сенокосной дороге.

Подход к первому водоему оказался неудачным. Из затопленной травы свечой поднялась пара крякв. Красивый дуплет – два всплеска от падающих уток. Но на поверхности воды осталась только одна. Другая как нырнула с перебитым крылом, так больше ее не видели, сколько Ледка ни плавала среди водорослей и ни бегала по берегу. Озеро назвали “крякашиным”.

Следующее озеро, глубокое и чистое, открываем для себя впервые. У него интересная Т-образная форма и все три тупика простреливаются. Уток не видно. Но как только Леда зашлепала по воде, с противоположного берега поднялась шилохвость и, обстрелянная, полетела совершенно необычно, как-то вертикально, почти стоя, и медленно, а после второго выстрела упала в озеро. В это время в

стороне выплыли из травы еще пять острохвостов. Я свистом отозвал собаку, уже жаждущую взять трофей, и попятился назад, в траву. Мы не поленились обойти озеро и подкрались с тыла. Взлет, удачный дуплет и три утки валяются в воду. Оставшиеся делают облет, опять дуплет, и в озере лежат шесть крупных шилохвостей, которых Леда постепенно всех вынесла на берег.

Отдохнув и перекусив у ближайшего стога, собрались было продолжать свой путь, но заметили тройку уток, летящих к озеру. Только спрятались за стог, как откуда-то появился острохвост, летевший перпендикулярно стайке, на небольшой высоте. Пока в него стрелял, тройка уже почти надо мной. Акробатически прогнувшись и, отведя ружье назад, стреляю. Одна шилохвость останавливается, и учащенно махая крыльями, опускается в некошеную траву. Леда, подбирившая на стерне острохвоста, не видела, куда падала последняя утка. Я подошел к замеченному месту, и собака, сделав несколько азартных кругов среди кочек, поймала немного отбежавшую шилохвость.

Груз добычи уже ощущается на плечах – пора выходить к дороге. На пути знакомое “ожерелье” небольших, вытянутых узких озер. По команде “ищи!” Леда вошла в воду и выгнала чирка. Когда тот упал на противоположный берег, она переплыла озеро, исчезла в траве и вскоре появилась с уткой в зубах. На другом озере чуть было не повторилась история с пропавшей кряквой. Я также ранил в крыло шилохвость. Она упала на мелкое место, и Леда ее с трудом, но поймала и принесла мне. Я стоял по колени в воде и, когда брал утку, она забилась и вырвалась. Бульк, и исчезла. Мы вдвоем “утюжили” озеро, пока я не заметил хитрую утку под листьями водорослей с выставленным на поверхность воды клювом и верхней частью головы.

Да, поработала собака неплохо, но все это мы уже проходили раньше. А более сложные поиски – аппорты – она продемонстрировала в следующем сезоне. На открытие приехал Андрей, теперь уже врач, работавший в Тюмени. Встретить первую зорьку я решил на понравившемся мне Т-образном озере, сын предпочел сесть на заветное пролетное место у протоки. Когда подошел к озеру поставить скрадок, понял, что ошибся. Оно заросло вдоль берегов травой, заметно уменьшилось в размерах и не могло быть привлекательным для уток, как раньше.

Вечером сидели у костра под защитой невысокого, но густого тальника. Нам было о чем поговорить и что отметить: у Андрея 15-летие

ружейной охоты, у меня – 45-летие. Воспоминания, воспоминания...

Утро сырое и холодное. Леда вышла за мной из палатки и тут же юркнула назад. Еле выманил, но пройдя по росистой траве метров пятьдесят, она стремглав убежала обратно. Кстати, было такое в первый и последний раз. Пришлось взять на поводок. Вдруг он натянулся, и собака, словно сняв с себя озноб, понюхала землю и воздух. Я понял, что теперь, когда учуяла дичь, в палатку ее и силой не загоишь. И тут началось. Не успел снять через голову ошейник, как Леда в галопе пошла челноком. В ночной тишине гулко хлопают крылья поднятых дупелей. После каждого взлета легкое взлаивание:

– Ну что ты не стреляешь, ружье забыл, что ли?

И так семь раз. Концентрация куликов в такое время напоминает высыпки и внушает надежды.

Рассвет встретили в скрадке около пяти часов утра. Андрей уже несколько раз бабахнул из полуавтомата, а мы уток не видим и не слышим. Какой-то, не раз уже обстрелянный чирок несется поперек озера и, сраженный дупелиной “девяткой”, падает в темную тень берега. Подбирать его сразу нет смысла, может быть другой налет.

Уже засветло снял широконоску из проходной стаи и одиночную шилохвость, падавших рядом со скрадком. Следующего острохвоста я обстрелял неудачно, и он утянул к озеру Пропавшего крякаша метров за 500 с лишним. Пошли мы туда с Ледой без особой надежды. Но хорошо, что подранок не ушел в воду и был пойман в траве.

Днем прояснило, ветер стих, и так потеплело, что можно было говорить о наступлении долгожданного бабьего лета. Вечером из скрадка я наблюдал вьющихся столбиком комаров, множество мотыльков, кишачих на поверхности озера водомерок. Из глубины, словно ракета, выпущенная с подводной лодки, вылетел большой жук-плавунец. Другой такой же “летчик”, прилетев откуда-то, спикировал и с ходу нырнул. И над озером, и над прибрежной травой вели свою охоту стрекозы.

Светлый закат, начавшийся в двадцать один час, окрасил луговые травы в разные цвета – от золотого до бледно-зеленого. Нежными голубыми и молочно-розовыми оттенками заиграла неподвижная вода. От созерцания прекрасной природной акварели отрывает шум утиных крыльев. В высоком боковом полете идут проходные шилохвости. Не сразу после дуплета пара уток отдаляется от стаи и снижается в темноту сзади скрадка. Отложив поиск на завтра, решил еще немного посидеть, послушать.

И впервые увидел, как дупели собираются на ночную кормежку. С оживленным кряканьем они покидали укромные места дневок. Несколько долгоносиков, судя по звукам, пересекли озеро, а один медленно протянул метрах в пяти от скрадка. Его силуэт, чем-то похожий на вальдшнепиный, был четко виден на фоне еще светлой воды. И хотя по дороге на стан Леда шла на поводке, чтобы не гонять бесконтрольно куликов, они раз пять вылетали прямо из-под ног.

У костра меня ждал торжественно-праздничный ужин. На другой день предстояло еще одно событие – мне исполнялось 55 лет. И по крайней мере 40 своих дней рождения я встречал на охоте. В котелке кипела уха из девяти крупных щурогаек, которых Андрей поймал спиннингом, на шампурах жарился шашлык из дичи. Рядом соответствующие напитки и закуски...

Наутро природа порадовала поздним, но красивым рассветом. Сначала обозначилась узкая серая полоска нарождающейся зари. Постепенно она становилась светло-серой, серебряной с матовым платиновым блеском, нежно-голубой, и вдруг позолоченная бирюза разлилась на четверть небосвода. Выплыв из-за края земли, вспыхнуло огромное малиновое светило.

Как хорошо, что не пришлось ни разу выстрелить в эти волшебные минуты. Утки как будто специально облетали скрадков стороной, хотя Андрей изредка постреливал... Но пора искать вчерашних подранков. В случае удачи Леда может превзойти даже достижения Джека-II. Помня, что утки снижались по разным направлениям: одна по ходу полета стаи к крякашину озеру, другая – резко в сторону и по дуге, решил сначала обследовать берега нашего озера. Удобнее всего ей было скрыться в тупике, переходящем в длинный сырой ручей-канавку, поросший высокой, густой, заочкаренной травой. Здесь Леда сначала поочередно выставила мне под удачные выстрелы бекаса и болотную курочку, а затем, после недолгой и невидимой возни, вынесла еще живую шилохвость с перебитым кончиком крыла.

Вторую утку собака обнаружила в отаве, не доходя до озера, и здесь же подняла дупеля, которого при такой работе Леды грех было промазать. И охота у именинника оказалась удачной – без промахов и потерь. Можно было с гордостью отправляться домой встречать гостей.

В последующие годы довелось раза три открывать утиные сезоны на перелетном Горелом озере, где Леда не хуже Джека-II почти в

темноте бросалась за утками в озеро, искала их на некошеном лугу и в заболоченной заросшей низине, доказав тем самым универсальность породы.

Дважды она доказывала на окружных выставках и чистоту породы. В четыре года стала победительницей на ринге с оценкой экстерьера "отлично". Позже уже московские эксперты поставили ей "очень хорошо", узрев излишнюю кудрявость (после мытья накануне) и небольшую "коровистость" ног (временное послеродовое явление).

К сожалению, в полевых испытаниях участвовать не пришлось, так как они для легавых и спаниелей в Ханты-Мансийске не проводились. Я уверен, что при явной условности и надуманной сложности правил, оторванных, на мой взгляд, от реальной обстановки на охоте во всем ее многообразии, Леда по болотной дичи наверняка взяла бы диплом не ниже второй степени, а по уткам, без сомнения, – высшей пробы. Но утки – это врожденная специализация спаниеля. А Леда вошла в семью моих собак как первая дупелистка и бекасистка, пока не превзойденная. И мне до сих пор больно от того, что так мало было ей отпущено времени для охоты.

Сезон 1992 года опять стал для меня дважды юбилейным. 18 августа, полвека назад, состоялась та памятная, прощальная охота с отцом перед уходом на фронт, когда был добыт мой первый ружейный трофей. Знаменательная дата совпала с открытием сезона на болотную дичь. По случаю сделал себе подарок – сотню стеновых патронов с дробью-"девяткой" в контейнерах. Поначалу казалось, что зарядка прекрасная. Леда работала старательно и спокойно, за какие-то двадцать минут выставила на одной лужайке трех дупелей и бекаса. И выстрелы, и аппорты были безупречны. На другом лужке подняла враз пару бекасов. Вот, думаю, и праздничный дуплет. Первый падает, а вместо второго выстрела – глухой хлопок, и белый контейнер плавно и медленно, словно космический корабль на телеэкране, выплывает из ствола, рассыпая дробь.

Не придав этому значения, – чего не бывает на конвейере, – я спокойно продолжил охоту, но другими патронами, потому что случайно пришлось пострелять кроншнепов. Мы отдыхали с Ледой у стога, а королевские кулики, перемещаясь с сенокоса на речку, пролетали над нами. Я снял до нормы пять птиц красивыми королевскими выстрелами.

Через два дня на том же лугу ловко взял бекаса. Вылетает дупель – мимо. Снова беру бекаса. По другому дупелю – два подряд

промаха, в следующего – попадаю. Выцелив бекаса, нажимаю на спуск и слышу только легкий щелчок бойка по капсюлю. Когда открыл ружье, стреляная гильза на сантиметр подалась назад, а из ствола с минометным свистом вылетел контейнер и упал метрах в пятнадцати. Тут-то я вспомнил старый отцовский завет: не открывай ружье сразу после осечки, может произойти затяжной выстрел и гильза вылетит вместе с пороховым газом.

Теперь было чем ответить Леде на ее немой укор:

– Что ты, хозяин, состарился, мажешь и мажешь?

– Патроны плохие, однако.

Частично собака была права. 31 августа мне стукнуло 60 лет. Посидев со съехавшимися на день рождения родственниками, мы с Андреем прямо от праздничного стола поехали на вечерник. Я снял королевским выстрелом высоко летевшую широконоску, которая долго и медленно, как осенний лист, падала мне под ноги. Тут же быстрым дуплетом взял пару связей, пролетавших над речкой, – есть работа Леде.

Затем совершали еще два таких же непродолжительных выхода на долгоносиков с обычными радостями от хорошей работы собаки (был классический анонс по дупелю), от метких выстрелов (к сожалению, всего пять попаданий), от интересных наблюдений (на этот раз видел массовую любовь, брачные прыжки и полеты кобылок – маленьких зеленых самцов и больших коричневых самок) и, естественно, с огорчением от своих промахов и невнимательности.

Закрывали сезон 15 сентября. Кулики улетели, а теплый вечер не оправдал надежд на лет уток. Видел их всего шесть раз и то далеко в стороне. Оставалось испытать удачу на утренней зорьке. Развел костер у большого бревна-плавника, служившего одновременно столом, сиденьем и защитой Леде от свежего ветерка. Заметно похолодало, небо затянуло низкими тучами, в разрывы которых светила чуть ущербная желто-зеленая луна, как противотуманная автомобильная фара.

Поспав немного в машине, в четыре часа, заведомо рано, встал на вахту. Было очень холодно. Леду, лежавшую на персональном квадратике из соломенной циновки, прикрыл сеном. Где-то далеко раздался одиночный выстрел. Но уток не было. Около пяти часов я окончательно замерз и начал растирать колени. Что это! Слышу слабый шлепок по воде и думаю: кто такой легкий сел к манщикам – чирок или кулик-плавунчик? Тут раздался мощный шум крыльев и

какой-то двойной удар о землю. Поднимаю глаза – надо мной большая птица, а перед скрадком валяется манщик со шнуром и грузилом. Это лунь тихо взял его с воды и, ощутив пенопласт вместо пера, бросил.

На востоке то появлялась, то исчезала чуть заметная полоска зари. Потом она зазолотилась и стала расширяться и удлиняться по дуге, окаймляя горизонт. Низ ее заблестел от приближающегося солнца. Ветер начал дуть порывами, постепенно западать и стих, а дуга заняла все небо, вытеснив полностью облака. Наступило сухое, без росы, утро. Тройка чирков пикирует на манщики. Пара становится нашей добычей, а один улетает на ближайшее озеро. При таком утином “безрыбье” стоило за ним сходить. Казалось бы, все просто: взлет, выстрел, чирок падает далеко в воду, Леда плышет. Но аппорт? То был последний аппорт собаки в ее жизни. Может быть, именно поэтому я выделил последний сезон Леды в отдельный рассказ, как и первое поле.

2. РАДА – ИЩЕЙКА И ВОДОЛАЗ

В начале 1993 года умерла Леда, проработавшая всего девять сезонов, но каких – в среднем по семь охот. Два месяца я впервые за многие годы жил без собаки и, признаюсь, чувствовал себя не только неполноценным охотником, но и человеком. Весной в доме появилась Ледина правнучка из известного в Казани гнезда русских спаниелей С.А.Тукмакова. Красивая, трехцветная, стройная, шустрая и слегка сердитая спаниелька имела в справке о происхождении немало обладателей отличного экстерьера, полевых дипломов и “абонентов” Всесоюзной родословно-племенной книги охотничьих собак.

Я назвал ее Радой и стал воспитывать с первого дня. Начал с проверенного шага. Крыло кроншнепа, брошенное мною, она как-то по-кошачьи игриво схватила, принесла, легла у ног, но отдавать не захотела. При попытке отобрать поноску глухо заворчала, но карие глаза ее светились лукавинкой – а ну-ка, отними.

Отнял, бросил – схватила более азартно, принесла. Протянул руку – отбежала на шаг, села. Я принял игру и отвернулся. Смотрю, подходит и тычет крылом в колени – ну, бери же. Тяну осторожно за кончик, а она, довольная, урчит вроде бы угрожающе, делает зубастое щучье лицо, старается закрыть “добычу” сразу и носом, и лапами. Понял, с аппортом все будет в порядке.

И действительно, только я в дом, а Рада уже навстречу с толстым кожаным поводком-плеткой, пластиковым жеваным флаконом или мячиком (крыло прятали, чтобы не разгрызала).

– Давай, хозяин, бросай. Я принесу, но отдам не сразу. С ребенком надо играть, – всем видом предлагала она.

Чувство собственности – великая движущая сила. В погоне за поноской спаниелька была готова смести все на своем пути. А если спрячешь куда подальше – перевернет всю квартиру, но обнаружит. Таким образом, и поиск отработался сам собой.

Прыгучесть – породное качество – тренировали с помощью половой щетки с длинной ручкой. Чтобы ухватиться за щетину, Радка была готова сколько угодно скакать и в высоту, и в длину, в зависимости от маневра. В результате она стала самой динамичной и прыгучей из всех моих спаниелей. В ее “личном” альбоме хранится снимок, где щенок несется ко мне с крылом в зубах, а о скорости говорят длинные уши, распростерты как крылья параллельно полу.

Заметил у Радки еще одну особенность – настороженность с долей опаски по отношению к незнакомым местам и предметам. Снача-

ла боялась высоты и не хотела самостоятельно спускаться по деревянной лестнице со второго этажа. Учить вышли вдвоем с женой, которая подбадривала щенка сверху, а я звал с нижней площадки. Радка походила по краю крашеной половицы, поскулила. Страшно, а к хозяину хочется – впереди прогулка. Рыбкой соскользнула, но не удержалась, повалилась на бок. Испуганно вскочила и давай карабкаться вверх. Казалось, это сложнее, нет, забралась на ступеньки и бегом к хозяйке. Урок повторили через несколько дней. Рада одолела уже две ступеньки подряд и опять на одну отступила. И так, по принципу – два шага вперед, шаг назад – осилила пролет.

Бросил ей однажды вместо палочки литровую пластиковую бутылку из-под пепси-колы. Сразу не побежала, как к маленькому флакону, а стала наступать с прыжками и лаем. Подпрыгнет на четырех лапах почти вертикально и как бы затормозит. Постепенно приблизилась, обнюхала и начала гонять носом, словно футбол. Схватить толстый сосуд не удавалось, пока не уцепилась за горлышко. Теперь все – добыча – можно тащить хозяину.

Весной и летом мы закрепили все домашние уроки во дворе или огороде при помощи круглой гладкой палочки с привязанными крыльями чирка и кроншнепа. С каким вниманием следила собака за ее полетом, с какой скоростью летела к месту падения, с каким азартом, в хищном прыжке хватала обнаруженную поноску!

Команд при дрессировке было усвоено немного: рабочие – “ищи” (с жестом, дающим направление), “взять”, “дай” и останавливающие – “назад”, “нельзя”, “ко мне”, “сидеть”. Считаю, что команда “лежать” низкорослому спаниелю бесполезна, а при нахождении в густой траве, где чаще всего и прячутся кулики, даже вредна, т.к. собака “отключается” от процесса охоты, ничего не видит, нервничает. Вполне достаточно ее посадить.

В то же время темпераментного по природе птичьего гончего – спаниеля, да еще разгоряченного поиском, очень важно и во-время отозвать. Как обычно, для привлечения внимания собаки я применял громкий хлопок в ладони и резкий свисток. У Рады же любовь к поводку, как игрушке-поноске и атрибуту всегда желанной прогулки, неожиданно сделала и его дисциплинирующим фактором. В любой обстановке стоит показать ошейник – подбегает и подставляет голову.

Как и при подготовке других спаниелей, для физической закалки раз десять брал Раду в походы за грибами. Но в отличие от них,

специально для эксперимента и в надежде на природные качества, не приучал ее к воде, лодке и ружью. Сама поняла в течение двух-трех охот. А теперь мою уже четырехпольную Раду ничто так не волнует, как звук выстрела и ничто так не привлекает, как возможность поплавать.

На первую охоту она вышла в возрасте пяти с половиной месяцев. Типичный щенок – большеголовый, угловатый, еще не обросший будущей роскошной шелковистой шерстью, но азартный, резвый, необыкновенно подвижный и прыгучий.

В том году пойма очень поздно и медленно освобождалась от половодья. Обычно небольшую мелкую канавку, отделявшую луг от дороги пришлось преодолевать на резиновой лодке “Стриж”. Рада заходить в нее не захотела, пришлось взять на руки и посадить. Когда уселся сам, она уткнулась носом в колени, явно побаиваясь нового вида транспорта. Леда же, познавшая в свое время сначала дюралевые шлюпки, в “резинку” запрыгнула спокойно и положила голову на нос лодки, как на подушку.

После переправы Радка легко выпрыгнула на берег. Нас встретило редкое заиленное, зеленое, молодое разнотравье. Цветов почти нет. Лишь на возвышенностях, в островках темно-зеленой травы – одиночные вербейники с полураспустившимися желтыми соцветиями, да вдоль дорог хилые тысячелистники без цветков. По берегам мелеющих заливов множество чаек и ворон, охотящихся за мелкими щучками. Больше за весь день не видели никаких птиц, кроме парившего в вышине орлана-белохвоста, да слышали свист погоньша за рекой. Из насекомых только небольшие коричневые стрекозки. Ощувив простор, Рада с интересом обследовала заболоченную траву, забредала в воду, гонялась и прыгала за стрекозами.

Через четыре дня прошел урок плавания. Переходная канавка сузилась метров до трех и глубиной стала чуть выше колена. Рада вошла в нее следом за мной, но не поплыла, а вернулась и побежала вдоль берега. Постепенно канава перешла в глубокий и широкий разлив. И собака решилась на форсирование водной преграды. Заходила по грудь, пыталась плыть, шумно хлопая по воде высоко поднятыми лапами. Только с четвертой попытки поплыла нормально. Очень довольная вышла на берег, отряхнулась и с ходу начала гоняться за стрекозами. Один прыжок был по-настоящему цирковой – высокий, в группировке – не зря тренировалась в детстве с метлой.

И снова никаких птиц. Когда вышли к судоходной протоке, мимо

прошла мотолодка. Я “демобилизировался” и повесил ружье на плечо. И через несколько шагов из прибрежной травы вылетел улит – обстрелял его уже далеко. Спокойно прореагировав на выстрел, собака следила за улетающим куликом и тут же обратила внимание на кроншнепов, поднявшихся за протокой.

Через день нас ждала первая добыча. Протопав все знакомые дупелиные болотца, вышли на высокую, незатопляющуюся полую водой гриву. Линия паводка была отмечена извилистой, примерно тридцатисантиметровой по ширине полосой грязной, мазутно-нефтяной пленки. Это траурная лента в память о многих пернатых, погибших в период великой нефтяной эпопеи Западной Сибири. Стоит утке принести следы пленки на гнездо, считай, кладка погибла. Мне приходилось рассматривать зловещие снимки яиц, сделанные в инфракрасных лучах. Ясно виден маленький зародыш, а в нем черная точка. Эмбрион убила проникшая через скорлупку нефть.

От грустных воспоминаний отвлекла подсохшая, более яркая и ожившая пойма. Расцвели мои любимые горечавки и кисти тысячелистника. Появились желтые луговые незабудки и маленькие лягушата, которые не заинтересовали Раду. Она продолжала обнюхивать кочки и прыгать за стрекозами.

На другой луг шли по берегу глубокого ручья-оврага. Пулей пролетевшего над самой водой чернозобика я промазал. Радка посмотрела ему вслед с каким-то недоумением и словно немым вопросом:

– Ну и хозяин, не мог взять для щенка первую дичь.

И тут же увидели стайку турухтанов, опустившихся в луговую траву. Начали скрадывать. Рада шла рядом, не вырываясь вперед. Поднялись они с небольшой лужи-низинки. Снял на выстрел пару. Собака как-то осторожно, словно проверяя глубину, забрела в воду, неумело взяла одного кулика за крыло и принесла. Пока я прицеплял добычу к торокам, стоя в луже, Радка вынесла второго на сухой берег и села, не выпуская трофей, метрах в пяти от меня. Словно напоминала, что у нас есть “скорострельный” фотоаппарат. Полез было за ним, да увидел подлетающих снова турухтанов. “Положил” кулика на чистую воду. И когда Радка за ним бегала, успел отснять микрофотофильм из шести кадров.

Следом за улетевшими турухтанами вышли на широкую и глубокую протоку. Стайка взлетела неожиданно, и три птицы после дуплета упали около противоположного берега. Рада без команды бросилась в воду и чуть было не погрузилась полностью. Ожесточенно забила

лапами, сделала дугу, высоко поднимая голову, и вернулась. Я сходил за лодкой и решил переехать один, т.к. берег был крутой и очень вязкий. Отъехав метров семь, а плавал я всегда лицом вперед с двухлопастным веслом, услышал бульканье, обернулся и увидел легко, спокойно и быстро плывущую за мной собаку. Она вышла на берег рядом с лодкой и побежала к куликам. Двух маленьких самок только понюхала, а петушка взяла и принесла. За оставшимися ходили вместе. На обратном пути Рада несколько раз подпрыгивала к висящим куликам, нюхала и пыталась, играючи, схватить.

А через два дня у нас была невезучая охота, последствия которой негативно сказались и на следующем выезде. Собираясь, я вынес сапоги с заткнутыми в них портянками на лестничную клетку, где была привязана Рада, чтобы не мешала складывать амуницию. Уже в машине вспомнил про них и вернулся. Плохая, говорят, примета. На лугу, переобуваясь, обнаружил, что одной портянки нет. Собака вытащила. Что делать? В одном носке сапог болтается и может остаться в грязи. Сена, чтобы сделать большую стельку, вблизи нет. Хотел уже рвать рубашку, да выручил оказавшийся в машине двусторонний красный наградной вымпел. Оторвал бахрому, разделил в одну полоску и обрел бархатную портянку.

Но погода не благоприятствовала. С утра прошел дождь. На лугу сыро, неуютно, сильный холодный северный ветер. У ручья, когда я надувал лодку, Радка увидела пролетающих турухтанов и впервые с лаем побежала за ними. Отозвал ее надрывным отрывистым свистом, отругал как следует. Но смысла внушения она, по-моему, не поняла:

– Что ты хочешь? Я же не легавая, а гончая, причем начинающая.

Пока воспитывал, заметил севшего под крутояр турухтана. Подошел, вспугнул и подстрелил над водой. Радка бросилась за ним, разбрызгивая жидкую, илистую грязь отмели, сплавала, выкарабкалась ко мне и села, не выпуская из зубов, – попроси хорошо, отдам.

А дальше предстоял экзамен на ищейку, прерванный боевой схваткой с подранком. С того же места обстрелял стайку турухтанов. Один упал замертво в воду, а другой – на противоположный берег и быстро побежал вверх по ложбинке высохшего ручейка. Только Рада вынесла битого кулика, как над ручьем появились веретенники. Одного я успел снять, и он с перебитым крылом поплыл на другую сторону. Когда собака настигла его, кулик развернулся, принял боевую позу,

клюнул собаку в нос и удирать. Радка не испугалась, догнала и схватила беглеца за хвост. Он вырвался и был схвачен за крыло, а со следующей попытки – за бок и уже крепко. Доставила его Радка живьем прямо к лодке, и мы поехали за убежавшим турухтаном.

Она пошла по свежему следу с невиданным ранее азартом, чуть ли не вгрызаясь в землю, я за ней, по щиколотку проваливаясь в топкий берег. Поднялись на кочковатую травянистую гриву шириной метров 150 и на склоне увидели кулика рядом с параллельной протокой, которую он намеревался переплыть. Собака придавила его носом и ждала, пока я подойду. Видимо, еще не знала, что подранков надо давить.

Довольные пошли к лодке. Радка легко запрыгнула в нее, а я оступился и сел в жидкий ил. Переправившись, вымыл “Стрижа” и прислонил к заднему борту “уазика”, чтобы быстрее подсох. Только начал переодеваться, слышу шлепок и шипение. Легкая “резинка” упала от порыва ветра, зацепилась за что-то острое и наполовину выпустила воздух. Как теперь не верить народным приметам?

Итак, в активе более десятка аппортов и розыск куликов, правда, на открытых местах. Сейчас бы самое время поискать на некошенных лугах благородных долгоносиков, а их все нет, хотя подошла охота по водоплавающим. Получилось, что тренировались с Радой на уток, которыми она очень даже заинтересовалась.

На открытие сезона остановились у широкой и еще глубокой протоки с илистыми кормовыми отмелями. Я сделал просторный скрадок в расчете и на собаку. Попытался было надуть лодку для расстановки манщиков, но плохо приклеенная заплатка частично отстала. Забрелал с чучелами, насколько позволяла высота сапог. Радка в это время гонялась за булькающими у берега щурогайками, плавая от всплеска к всплеску. Пришла с “рыбалки” до носа измазанная в иле. Увидев пенопластовых уток, вплавь обследовала всех на запах, но вытаскивать не стала, как когда-то Джек-II. Зато взяла с него другой пример – категорически отказалась сидеть в скрадке и устроилась рядом на охалке сена.

Полоса невезения продолжалась. Опустился теплый вечер, а вместе с ним появились тучи комаров. Забыв дома репеллент, не успевал от них отмахиваться – руки все время были на лице или шее. Из-за этого поздно заметил налет шилохвостей и “обзадил” – утка учащенно замахала крыльями и замертво упала далеко за протокой. Перебрести ее не смог, а лодка с одним надутым отсеком.

Сижу в расстроенных чувствах, бью комаров. Медленно летит шилохвость, выбирая место для посадки. Ну уж она-то, думаю, точно моя. Выцеливаю, жму на спуск, а ружье на предохранителе. Только включил его, тем же маршрутом несутся три свиязи. "Бах-бах", а они, подстегнутые дуплетом, улетают еще быстрее. И тут над охотником с незаряженным ружьем на штык пролетает широконоски, унося возможный королевский выстрел.

Лишь в густых сумерках заметил на фоне неба силуэт шилохвости. Явственно слышал, как дробь ударила по перу. Утка закачалась и с высоты начала планировать в протоку, дотянув до ее узкой части, переходящей в глубокий ручей с крутыми берегами. У места падения воду со стороны заката закрыла широкая тень. Оставалась узкая, метра в два, светлая полоска. Кое-как увидел в ней лежащую утку. Бросил горсть ила. Рада поплыла на всплеск, тоже заметила и схватила добычу, но без остановки потащила на другой берег. Все мои увещевания не подействовали. После резкой команды "взять-дай" подняла трофей еще выше по склону и вернулась.

Рискнул надуть рванный отсек и переплыл протоку. Уже в полной темноте пошли к утке. Радка ее быстро нашла, как-будто запомнила место. Пытались найти и первую шилохвость, но замеченные ориентиры были не видны, а в фонаре сели батарейки. Утром по оставшимся от вороньего пира перьям узнали, что не дошли до нее метров полсотни.

Следующая охота компенсировала все неудачи. Поехали с Андреем, который стал теперь постоянным жителем Ханты-Мансийска. Первый вечер не вселял особых надежд. Сначала помочила темная дождевая туча, потом закрыло облаками все небо. Как бы чувствуя перемену погоды, утки перестали летать, исчезли с берегов скопившиеся стаи турухтанов, спрятались в траву и притихли трясогузки.

Андрей, сидевший чуть в стороне, ни разу не выстрелил. На меня только перед закатом налетела одна утка и после неудачного дуплета утянула метров за 150 и камнем упала в траву. Опасаясь пропустить возможные налеты, отложил ее добор до утра, хотя лет так и не начался.

Ночь была холодная и пасмурная, но мы долго сидели у костра под защитой густых тальников, обсуждая планы совместных охот на осень. Утром Андрей пошел в мой скрадок, чтобы посмотреть на работу новой собаки, которая ярко продемонстрировала, что кое-что умеет.

Первый налет принес сверхудачу – Андрей берет пару шилохвостей дуплетом, а я – на один выстрел. Радка без команды, словно всю жизнь этим занималась, поочередно выносит вброд уток и занимает позицию перед скрадком, как когда-то Джек-II.

На радостях пропуделяли большую штыковую стаю, были и другие промахи. Трех падавших в воду уток собака достала сразу. Пару лежавших на другом берегу увидела, когда рассвело, и сплавала за ними. Остались две шилохвосты, утянувшие далеко, метров за 150, на противоположный берег. Андрей пошел за ними с Радкой. Я видел, как собака бегала перед ним по лугу. Насторожилась, потянула, остановилась и взяла трофей. Другую искала дольше и сделала три круга. По отрывистому взлаиванию я понял, что дичь где-то близко. Собака скрылась в высокой прибрежной траве (утка далеко отбежала по направлению к воде) и выпрыгнула вслед за вспорхнувшей шилохвостью. Когда Андрей подошел, Радка стояла, наступив острохвосту на оба крыла и вцепившись в шею.

Вот они идут к броду. Радка прыгает около Андрея – нюхает и кусает привязанных уток. У берега она его обгоняет, настораживается, замечает темную палку на моей стороне и плывет, думая, что это утка. Обнюхав кол, не вышла на берег, а поплыла ко мне вдоль берега, где булькались щучки.

Потом вместе пошли разыскивать вчерашнего острохвоста. Только поднялся на луг, заметил стайку широконосок, присел в траве и выстрелил. Один соксун отделился и спланировал в протоку. Радка его видела в падении и сбегала как за учебной палочкой. Десять аппортов за утро. На первой практически охоте на уток для шестимесячного щенка результат очень даже удовлетворительный.

А днем уже можно было считать, что за одну охоту полностью был сдан экзамен на уток. На довольно широком озере, где Леда когда-то брала свою первую утку, я подстрелил на взлете пару гоголей. Они упали ближе к другому берегу, но один вскоре поднял голову. Рада вошла в воду и сразу оказалась в островке густых водорослей. Сильно хлопая лапами, пробилась через них и подплыла сначала к подранку. Он с всплеском погружался, но тут же всплыл. Радка несколько раз хватала утку, та вырывалась и ныряла.

Наконец, собака схватила гоголя за лапу и поплыла ко мне. С трепыхающейся добычей вновь запуталась в сплетении травы и забуксовала, как когда-то Джойка с чирком. Хорошо, что на мелком месте. Я забрел, взял утку, а Радка пошла за мной, пытаюсь отобрать

трофеей. На берегу бросил его в траву и что тут было. Она яростно давила, трепала, переворачивала и обнюхивала гоголя, имеющего резкий, “рыбный” запах.

Из-за водорослей не стал посылать собаку вплавь за второй уткой – пошли в обход. С другой стороны к утке шел Андрей. Увидев его, Радка побежала, сплавала за гоголем, вытащила его на крутой берег задним ходом. Андрею не отдала, а пошла за ним к машине. Наверное, метров 50–70 тащила утку как личную добычу, высоко подняв голову.

Теперь можно было твердо сказать, что состоялась утиная собака: налицо все качества – азарт, чутье, любовь к воде, цепкий поиск и почти нормальный аппорт, если не считать стремления поиграть и сразу не отдавать с почтением добычу. Ну, чего желать большего, если охотнице всего полгода.

Андрей рассказал, что видел нашу утку, растрепанную воронами. Между тем, резко похолодало, усилился северный ветер, небо стало мрачно-свинцовым. На юг пролетело несколько кроншнепов, перекликающихся печальными стонами. Большой треугольник королевских куликов вдруг сломал на высоте строй, покружился, словно прощаясь, над большим лугом, снова построился и взял курс на Африку. А мы поехали домой.

Дела не позволили мне побывать больше той осенью на охоте. Через неделю сын брал Раду на пролетное озеро уже как форменную профессионалку. Говорил, что на третьей зорьке даже не выходил из скрадка. Всех уток Рада принесла к своей “лежанке”. Я бы, наверное, не поверил, если бы не привезли видеопленку, которую и сейчас часто смотрю.

Вот Радка дрожит от страха, треска мотора и встречного ветра на коленях у Андрея, впервые оказавшись на быстроходной мотолодке. Вот идет в озеро, догоняет острохвоста-подранка, давит и доставляет к скрадку. Вот усталая бредет с утренней охоты и, не доходя метров двадцать до стана, ложится на траву – силы кончились. Подходит Андрей с чашкой корма. Она ест жадно, но лежа. Еще кадр в палатке. Поднимает голову из спального мешка, аппетитно зевает и презрительно отворачивается от объектива.

Там же появился проблеск надежды на интерес Рады к настоящей болотной дичи (турухтаны и веретенники – не в счет как кулики-ручейники). На стерне по набродам она учуяла и выгнала дупеля, а убитого быстро разыскала в некошеной траве верхним чутьем.

... Весной 1994 года я несколько раз брал ее на тягу вальдшнепов. Стоял у выхода просеки к пойме таежной речки. Рада сидела на привязи под деревом. Лесных куликов заметить не удалось, только слышали. Но утки летали по сторонам каждый вечер, и собака, увидев их, поднимала настоящий скулеж. Шесть селезней удалось подстрелить и всех Рада почти галопом выносила с кочковатого луга, покрытого густой полегшей осокой.

Второе поле начали с разминки по знакомым куликам-ручейникам. Прохладный пасмурный день с низкой облачностью. Куликов на обмелевшей протоке великое множество. Завидев нас, они начинают улетать и снова возвращаются. Первым под выстрел попал малый веретенник. Рада с ходу его вытащила, даже не вспомнив, что от такого получала клювом в нос. Тут же сбил трех турухтанов над водой. Двух собака отдала мне на берегу, а одного принесла к машине, где стоял Андрей с видеокамерой.

Недалеко, на сенокосе, заметили кроншнепа и пошли знакомиться с новой дичью. В это время королевский кулик зашел в густую траву, что облегчило скрадывание. Когда он с хлопаньем поднимался и переходил на пологий полет, Радка даже привстала на задние лапы. Я специально чуть задержал выстрел, чтобы она рассмотрела птицу. Битую очень быстро нашла и потрепала, брать не стала. Также поступила со вторым кроншнепом, налетевшим на нас. Здесь же заметили еще одного. Он прореагировал на свисток, но шел далековато. После дуплета "девяткой" и "семеркой" утянул метров за триста на некошенный луг. Радка обскакала несколько травянистых островков, сделал дугу, нюхая воздух, остановилась и метров двадцать шла с поднятой головой, пока не наткнулась на мертвого кулика.

Всю дальнейшую охоту Андрей заснял на видео. В первом сюжете мы сидим с Радкой в траве. Я подманиваю кроншнепа. Он появляется в кадре, делает два облета, приближается. Королевский выстрел. Собака бежит к трофею, треплет, но опять не берет. Еще картинка: летят два королевских кулика. Звучит очень быстрый дуплет – птицы падают. Спаниель их кусает, пытается в прыжке вырвать подобранного мною. Азарт на новую дичь пробуждается.

Еще штыковой выстрел – кроншнеп падает в высокую траву. Рада заходит против ветра, делает пару свечек. Потом на стерню выбегает кулик с перебитым крылом. Собака бросилась к нему, но кроншнеп развернулся, выгнул словно петух шею, распустил здоровое крыло и с резким каркающим пронзительным криком пошел в атаку. Радка от

неожиданности ретировалась, как всегда при опасности, под ноги к хозяину. Добитого кулика крепко потрепала и принесла. С тех пор всех кроншнепов-подранков она с какой-то яростью давила, жадно хватала и приносила.

Той же осенью встретили на сенокосе пять королевских куликов. Они нас, конечно, не подпустили на выстрел, но с помощью свистка удалось подманить и взять. Радка галопом бегала за ними. Одного разыскала и вынесла из густой травы. Другой утянул очень далеко к берегу протоки и скрылся за высокими тальниками. Обнаружила его собака в густом сплетении закоряченной осоки, где мне без нее никогда бы даже такого большого кулика не найти.

По пути домой спугнули с дороги кроншнепа, отлетевшего недалеко на стерню. Я пошел его скрадывать, оставив Радку в "уазике". Охотничья страсть и обида вызвали у собаки громкий лай в перемежку с жалобным поскуливанием. Не успел я отойти и пятнадцати шагов, как эта "песня" резко прекратилась. Обернулся, а собака уже на земле, совершив более высокий, чем когда-то Леда, прыжок.

Постепенно луга подсохли и как бы ожили. Расцвели над травами сине-лиловые горечавки, желтые вербейники, серо-белый пахучий тысячелистник-хрящ, а на земле – нежно-голубые незабудки и розовые гречишки. Хотелось быстрее испытать собаку на болотно-луговой охоте, к которой я ее, собственно, и готовил.

Иду в самое надежное на всем огромном лугу место – к заросшему по краям густой затопленной осокой озеру-пруду в глубоком овраге-ручье с влажным илистым дном. Есть где кормиться и прятаться благородным долгоносикам. Спускаемся с высокого склона. Рада включает нижнее чутье, учащенно машет хвостом. И миг желанный наступил. Вспархивают сразу два бекаса. Мгновенная мысль о красивом дуплете тут же отвергается для верности. Выцеливаю одного, чуть отпускаю и стреляю. Собака бежит к месту падения трофея по прямой, но не берет, а только внимательно обнюхивает.

Вскоре подвела еще к одному на удачный выстрел, но подобрать не смогла, хотя мы вместе вытоптали озерный подтопленный тупик площадью, наверное, в сотку. Рада вся измазалась в коричневой грязи, обнюхивая почти каждую кочку. Не знаю, может быть, кулик попал мне под сапог и был затоптан в ил или убежал по воде, не оставив запаха. Собака заметно расстроилась и, казалось, удивлялась отсутствию битой дичи – такое случилось у нее впервые.

Зато третьего бекаса взяла в более сложных условиях. На выко-

шенном лугу она потянула к травянистой низинке, где прятался кулик. После дальнего выстрела он пошел круто вверх, как Ту-104, а потом опустил перебитую лапу, начал постепенно снижаться и сел за длинным глубоким озером. Радка поплыла, а я пошел в обход. Собака сделала в траве только одну дугу и довольная принесла бекаса ко мне. Все же какой-никакой аппорт.

Теперь дело за дупелями. Идем на их давно проверенные уголья, где старая вездеходная дорога с глубокими влажными колеями пересекает годами некошенный луг. Обочины ее дренированы и покрыты полосой цветущих вперемежку желтых вербейников и белых тысячелистников. По старой личной примете я должен обязательно для удачи сорвать, помять и ощутить пряный запах “чахотной травы”.

Радка вела себя спокойнее – меньше внимания обращала на трясогузок и стрекоз, летавших над травой. Но больше чувствовался и охотничий азарт. Поиск ее стал шире, хотя “челнок” не всегда получался. Иногда убегала в сторону, а иногда резко скакала по траве кругами. Приходилось удерживать свистком и голосом. Вдруг остановилась, понюхала землю, пошла по набродам. Подняла голову, повела носом и как-то боком начала осторожно подходить к маленькой низинке. Чувствую – вот он, толстяк. Бекас бы уже давно взлетел. А этот без обычного шума поднялся из-под носа собаки и не спеша полетел. Я отпустил его подальше, чтобы не разбить кучным снарядам, и выстрелил, а Рада “в узёрку” взяла на кошенине.

Когда на озерах стали появляться утки, у Рады прямо-таки прорвалась любовь к воде и настоящая жажда поиска. Подходим к середине водоема, чтобы “достать” птицу в любом конце. Она заплывает, тщательно обследует один тупик, затем другой, время от времени делает одной ей понятные развороты и зигзаги.

Первую в сезоне крякву она выгнала из небольшого озера, покрытого сплетенными водорослями и отороченного пятиметровой полоской кочкарника с осокой. Крупная утка поднялась свечой и, сраженная в зените, также вертикально упала под противоположный берег. Радка забежала в озеро, заметалась, заплывала в одну сторону, в другую, потом взяла правильное направление, но почему-то вернулась. Постояла в воде, понюхала воздух, учуяла утку и поплыла прямо к ней. Тащила ее за хвост и лапы, продираясь сквозь водоросли. На берегу положила и, жадно нюхая остропахнущую птицу, явно заявляла свои права на трофей, как на личную добычу.

Но следующую утку мы потеряли. Проходили мимо труднодос-

тупного, глубокого озера, заросшего травой. Сравнительно твердым и сухим был только один мыс, расположенный как раз напротив того моста, к которому мы подошли. Этим я решил воспользоваться, стреляя поднятую Радой из крепей крякву. Когда она подлетела к мысу я первым выстрелом перебил ей крыло, но зная способности крякуши прятаться, добавил из второго ствола. Она тяжело ткнулась в заметный травяной куст, и как мне показалось, замертво. Обойдя озеро, утку там не увидели. Радка долго и упорно искала, каждый раз выходя к воде. Ясно, что кряква ушла в озеро, а в зарослях ее не поймать. Увидев кровь на сосках и животе собаки, я прекратил поиск. В это время красиво под углом налетела широконоска. Рада бросилась в водоросли и выплыла с уткой в зубах, взяв неравноценный, но реванш.

Затем состоялись две подряд очень динамичные комплексные охоты на болотную и водоплавающую дичь, для каких, собственно, и предназначен спаниель-универсал. Чтобы подчеркнуть интенсивность выходов, замечу, что оба были во второй половине дня. В первый раз стояла идеальная погода для охоты на благородных долгоносиков – прохладная и влажная. На обмелевшей протоке, которую мы переходили вброд, скопилось много речных и озерных чаек. Несколько крачек с резкими криками начали атаковать спаниеля, то пикируя, то зависая на одном месте. Они провожали нас до огромного выкошенного луга. Радка порой останавливалась, принимала угрожающую позу и пугающе лаяла, сделав несколько прыжков в сторону агрессоров.

На покосе, несмотря на активный поиск, ничего не обнаружили, кроме стабунившихся желтых трясогузок. Я уже собрался перейти на соседнюю низину к большому и глубокому вытянутому озеру, но собака вдруг насторожилась, понюхала воздух, в глазах появился хищный блеск, хвост завибрировал. Когда она пошла по стерне, работая нижним чутьем, я подумал, что нашла старые наброды. В результате не сразу среагировал и от неожиданности пропуделял близко крутившегося по своей синусоиде бекаса. Наградив меня удивленно-укоризненным взглядом, Радка повела челноком в другую сторону. Тут уж я под лозунгом “Вперед, наготове!” двинулся наперерез. Бекас взлетел с чистой низинки на стерне, а упал по “закону бутерброда” в густую траву на обочине луга. Радка явно видела куда, потому что побежала как по линейке, нырнула в заросли и вышла с куликом.

Луговина закончилась, и мы направились к озеру, в заболочен-

ных тупиках которого всегда прятались долгоносики. Подошли только метров на семьдесят, как из прибрежной травы вылетел чирок, сделал разворот, облетел нас и быстро пошел параллельно озеру на предельной дистанции. Я выцелил его с небольшим поводком и большим упреждением. Он резко остановился, как бы наткнувшись на преграду, и под тупым углом “колесом” свалился в некошеную высокую траву. Радка скрылась в ней и вскоре выбежала с трескунком в зубах.

Снова приблизились к водоему. На этот раз пара шилохвостей взлетела недалеко и круто. После дуплета одна комком шлепнулась в воду, а другая, подстегнутая промахом, почти со скоростью чирка повторила его путь, закончив в зубах у Рады. Когда вернулись на озеро, сбитую шилохвость не заметили. Собака поплыла искать в водорослях. Обследуя береговую линию, я вспугнул и застрелил бекаса, упавшего в высокую затопленную траву. Радка быстро приплыла на звук выстрела, нашла кулика и тут же повела в сторону верхним чутьем. Взлетевший бекас тоже упал в крепи, но найден был еще скорее, чем первый.

Утка же исчезла окончательно – скорее всего уныряла под покровом плавающей травы или спряталась в ней, выставив один клюв. В поисках я обошел все озеро, Радка обшарила каждый травяной островок. Наверное, от расстройства потеряли еще и бекаса, сбитого над широкой, закочкаренной осоковой оторочкой.

Затем наши старания и страдания вознаграждаются утешительным призом. Радка красиво подводит к дупелю, а потом выносит чирка из тонкого илистого ручья.

Дальше по низине было еще одно небольшое озеро, где я заметил чирка. Когда подошел, он заплыл в траву, а из-под берега красиво поднялась пара шилохвостей. В первую попал, а другую позорно промазал. Только принял у Радки трофей, как она повела и выгнала бекаса. Заметил по часам – искала его шестнадцать секунд. Принесла, легко отдала, но снова жадно нюхала в тороках. Прошло каких-то четыре часа, а в нашем “ассортименте” – четыре бекаса, столько же уток и дупель.

Второй выход был еще более насыщенным интересными эпизодами и эмоциями. День ветреный и по-летнему жаркий. Далеко за обмелевший протокой вышли к незнакомому узкому озеру, сплошь покрытому крупными лютиками. Издали мне показалось, что это обманутая поздним теплом калужница – весенний северный первоцвет.

В заросшем травой тупике Рада подняла чирка. С перебитым крылом он упал на чистую воду и распластавшись поплыл к берегу. Только собрался добивать, как вылетел еще один. Я его чуть отпустил и застрелил над травой за озером. Радка поплыла на другую сторону, а я побежал в обход. Пока шел, она нашла битую утку и выбежала с ней мне навстречу. Подранок же успел спрятаться в траве. В замеченном месте собака заволновалась, но вместо чирка в сторону озера взлетел бекас. Сплавав за ним после выстрела, Радка продолжила поиск. Чирок выпорхнул у нее из-под носа и нырнул. Посадив Радку строгой командой, подождал, пока утка отплывет подальше и добил. Дрожащая от азарта собака шумно бросилась в озеро и взяла добычу.

На соседнем озере дичи не оказалось, а на следующем поднялись рядом чирок и шилохвость. Я задумал взять их на один выстрел, но промахнулся, а из второго ствола все-таки сбил шилохвость. После непродолжительного поиска в водорослях Радка вынесла ее на берег, накрыла головой, как амбразуру, и затеяла игру. Сначала рычала на меня, потом подала утку и сразу потянула обратно. Здесь же в приозерной низине подвела к бекасу. Взяв его, пошли выше по склону, где Радка начала челночный поиск нижним чутьем, громко фыркая по набродам. Сначала далеко поднялась пара бекасов, потом шумно – крупный дупель, ставший нашим трофеем.

На сей раз все так же быстро, красиво, но, главное, без потерь. И домой мы не торопились, потому что на вечер у нашего многолетнего стана около большой утиной перелетно-кормовой протоки была назначена встреча с Андреем. Он обещал привезти на охоту трехлетнего сына Костю. А это – событие, тем более отец его впервые побывал на настоящей охоте в пять, а дед – только в шесть лет. Но не даром говорится, что раньше были времена, а теперь – моменты.

Довольные и не спеша, мы шли с Радой по обочине разбитой техникой сенокосной дороги со множеством рытвин, ухабов и луж. Навстречу мчался парень-сенокосник на самодельном “сооружении” из мотоцикла и трех толстенных пневмоколес, обмотанных веревками. Он часто останавливался, привставал в седле, осматривая из-под руки окрестности, – вероятно искал лошадей, тогда транспортная конструкция резко и громко стреляла, выпуская клубы синего дыма.

Такая остановка была и метрах в семи от небольшого заросшего озерка. Поэтому минуя его, я не мог даже предположить, что там могла остаться какая-то живность. Но Радка потянула к воде, заплыла и выгнала крякву, поднявшуюся высокой свечой. Я снял ее “се-

меркой” в начале перехода на горизонтальный полет. Собака не без усилий тащила тяжелую крупную утку через густые заросли осоки. Случай еще раз подтвердил, как крепко затаиваются кряковые.

Отдохнув около оставленного на высоком сухом берегу “уазика”, я решил съездить к известному читателям Т-образному озеру или “Треугольнику” как мы его еще называли, и где Радка пока не была. Вокруг него раскинулся сухой выкошенный луг с желтой травой и редкими влажными низинками. С одной из них собака подняла бекаса. И надо же, куда он опять упал после выстрела? В узкую кочковатую невыкошенную полоску – единственный островок на словно выбритом безбрежном сенокосе. Вот и постреляй долгоносиков без собаки даже на кошенине. Рада пофыркала носом в мокрых кочках и принесла самого мелкого из всех добытых мною бекасов, почти бесхвостого и с синими трубочками на маховых перьях.

На озере мы подстрелили острохвоста, за которым Радка сплавала к противоположному берегу. В травянистом длинном тупике я дважды прозевал вспугнутых собакой бекасов и красиво взял крупного дупеля, взлетевшего очень шумно, но без кряхтения. Тут я заметил, что собака то поднимает заднюю лапу, то ложится и лижет ее, пытается что-то убрать зубами. На подушечке пальца увидел маленький, с полсантиметра, полукруглый порез, неглубокий, почти некровоточащий, но с надорванными кусочком кожи. Он, видимо, и беспокоил собаку. Я срезал его ножницами из фирменного шведского складного ножа и залил ранку коньяком. И хотя время еще оставалось, охоту пришлось прекратить и ехать к стану.

Там я стал готовить все для красивого ужина у костра: сухие дрова, чайник с водой, плащ-скатерть. Радка в то время зализывала рану и даже не сопровождала меня, когда я ходил за сеном и ветками для скрадка и относил их на берег. Для экономии времени, чтобы успеть построить скрадок при Косте, понес туда и манщики, которые всегда складывались в отдельный рюкзак. А поскольку руки были свободны, взял ружье. Радка и на это не среагировала – продолжала лежать на своей подстилке. Но стоило мне обстрелять летящего над водой веретенника, собака тут же прискакала на трех лапах и, как когда-то травмированная Леда, принесла мне кулика, причем почти на том же месте. Вот тебе и закон парных случаев.

Андрей немного задержался, поэтому наскоро перекусив, поехал с другом на зорьку. Радка же так просилась в их машину, что невозможно было удержать. Потом они говорили, что не зря. Трех уток на

глубокой протоке им бы без собаки не достать. Хорошо, что берег был мягкий, илистый, и ранку она, как говорили раньше в Сибири, “не разбередила”.

Внук с интересом участвовал в разведении костра, подкладывал в огонь сучья, пил чай из большой эмалированной кружки. Вечер был тихий и теплый. Над протокой, словно в волшебном танце, кружились, падали в воду и взлетали с пойманными мальками розовые в пологих предзакатных лучах чайки. Низко над нами просвистела пара уток.

– Какие это уточки, дедка? – спросил внук.

– Чирки, – ответил я и от ласкового слова “уточка” вдруг задумался – а ведь нельзя сегодня убивать их на глазах ребенка. И повел внука к протоке на образцово-показательное строительство скрадка, не взяв ружья. Расставляя вброд маншки, называл Косте их породы: свиязь, острохвост, соксун.

– А эта уточка-гоголь, – удивил меня внук, – папа такую привозил...

Только обустроились, к протоке подъехали рыбаки с неводом. Пока наблюдали два притонения, принесшие десятка четыре щук-двухлеток, начался красивый закат. Ровно в девять часов большое золотое солнце село в ясном небе на кусты тальника за рекой. Над ним протянулось узкое светлое облако в блестящей окантовке. В сумерках мы разожгли костер. Костя немного подремал у огня и отправился спать в “уазик”.

Увидев огни машины Андрея, я начал варить картошку и накрывать “стол” к торжественному ужину. Но небо и вода были еще светлыми, и молодые охотники, не удовлетворенные вечерником, взяли ружья и сели на невысокий обрывчик в надежде еще пострелять. Вскоре раздались четыре выстрела. Радка поскакала к протоке. Вышел к стрелкам и я. Смотрю, Радка поочередно выносит на край берега трех связей, а с четвертым скачет на трех ногах ко мне, на крутояр. Значит, страсть спаниеля не только сильнее страха, как у Джойки, схватившейся с глухарем, но и сильнее боли.

После такого настоящего собачьего подвига Радка больше недели была “на больничном” с забинтованной лапой, а я думал, какая же у меня все-таки собака. Неужели больше утятница?

Ответ дала последняя в сезоне охота. Вторая половина дня, собирается дождь. У озера-пруда Радка выгнала бекаса, который упал в воду, невидимый за прибрежной травой. Собака сделала заплыв по

дуге, учуяла или увидела кулика и поднесла ко мне. Но у ног легла на него, как на любимую кость, прикрыв головой и лапами. При попытке взять рычала и показывала, играючи, зубы. А отпустив, несколько раз подпрыгнула, чтобы выхватить из рук. Другой долгоносик взлетел на противоположном берегу и упал в высокую осоку. Нашла она его быстро и сразу отдала, но пыталась кусать в тороках. Я понял: запах “закреплен”, азарта хоть отбавляй, надо отработать поиск и аппорт.

На соседней широкой низинке с пологими травянистыми берегами Рада стала темпераментно распутывать ночные наброды куликов по вязкому дну высохшего ручья среди островков осоки. Единственный поднятый бекас упал в заочкаренный пырей. Начали искать, но

помешал сильный дождь. Меня спасали только плотный жилет и фуражка, остальное, хоть отжимай. Так к двум потерянным за осень куликам прибавился еще один.

Последнюю подачу сезона я бы даже не назвал просто аппортом, а в какой-то мере и анонсом. Рада тщательно обыскивала два длинных узких озера, переплывая с берега на берег, а я шел рядом по стерне. Пусто. На пути оказались круглая заросшая по краям густой травой лужа с зеркальцем воды метра три на три. Спаниель стоит в воде, принюхивается. Я отворачиваюсь, отхожу. Слышу отрывистый лай. Собака на берегу, над ней два бекаса. Бью дальнего – промах. Ближний после выстрела резко идет вверх и летит вдоль озер. За вторым останавливается и, часто махая крыльями, опускается в прибрежную траву.

Заметив примерно место, иду в обход озер и теряю ориентир. Но Рада, переплыв оба водоема, уже крутится на месте падения кулика. Вдруг бежит ко мне, встречает и по своему следу в некошенной траве ведет к озеру. Там три-четыре минуты поиска. Слышу фыркание, сопение, раздвигаю над собакой шатер травы и вижу, как она с горящими глазами жадно нюхает бекаса, ставшего ее любимой дичью. Экзамен сдан. Я снова обладатель бекасино-дупелиного спаниеля. Об этом же свидетельствует и сезонный трофейный перечень: уток одиннадцать, а болотных птиц 52, в том числе двадцать дупелей и бекасов. Та осень стала временем окончательного становления Рады как настоящей охотничьей собаки. Для второго поля это прекраснейший результат. Но такой вывод я сделал только по окончанию следующего поля, которое Рада проработала старательно, красиво, временами артистично и без единой потери трофеев.

Осень 1995 года – мой тридцатый охотничий сезон со спаниелем. Весенний разлив не затопил всю пойму, и на традиционных сенокосах из-за недостатка влаги выросла низкая, редкая, чахлая трава. Более или менее густой травостой образовался лишь на низинах, поздно освободившихся от водополья. На наших постоянных угодьях красная дичь почти не гнездилась. Но хотя общая добыча была вдвое меньше прошлогодней, удовольствия от охоты со спаниелем я получил предостаточно.

Первый выезд, как и все остальные четыре, был в сухую и жаркую погоду. Бекаса встретили только одного. Радка учуяла его через узкое озеро. Потянула, вошла в воду и подняла на противоположной стороне. После выстрела она поплыла точно по направлению к месту падения птицы. Однако в высокой траве сначала потеряла ориентир, сделала два-три круга и приплыла ко мне с куликом.

Убедившись в отсутствии благородных долгоносиков, пошли к машине. Почти рядом я подманил свистком и сбил пару больших кроншнепов. Тут же мимо пролетел средний кроншнеп, долетел до речки, развернулся и очень быстро и невысоко пошел обратно, пополнив наши трофеи. Всех трех королевских куликов собака относила прямо к машине, минуя меня. Я поощрял такую инициативу, что бы не отбить желание самостоятельно работать на утиных перелетах, доставляя уток к скрадку без команды.

Рассмотрев трофеи, увидел очень большую разницу в размерах, достал безмен и рулетку. Один большой кроншнеп был довольно тяжелый – 900 с лишним граммов и имел сравнительно длинный клюв – 14 сантиметров по хорде. А другой оказался на треть легче и с клювом одиннадцать сантиметров. Средний же кроншнеп весил полкилограмма. Приведу и результаты измерений, поскольку такой кулик встречается не часто. Длина клюва по хорде 7,8 см., крыла по хорде – 36, лапы (вытянутой) – 17,8. Общая длина 43 сантиметра от конца клюва до кончика хвоста. Уже дома я заметил, что он был очень жирный, не просматривалась даже обычная куличина “талиа”.

Вторая охота оказалась не менее интересной. В заросшем высокой травой и чуть подтопленном тупике озера Пропавшего острохвоста Радка подвела меня к бекасу и красиво, верхним чутьем быстро нашла трофей. Я его еще привязывал к поясу, как собака повела к воде и выгнала крякву, даже не прореагировавшую на выстрел по бекасу. Поскольку ружье было на плече, я сбил утку, но не наповал. Пока перебрался через топи, Радка поймала живого крякаша метрах в двадцати от места падения. Взяла азартно, в прыжке, принесла с

горящими глазами, крепко вцепившись в перо.

Прошли вдоль берега каких-то 20-30 метров и Радка снова выгнала из водорослей крякву, которая упала в густую и затопленную траву на глубине. Собака сделала три заплыва, пока обнаружила битую птицу. Подранок точно бы ушел. Когда обходили второй озерный тупик, Радка повела верхним чутьем и чуть ли не носом подняла из кочек дупеля, которого после выстрела очень быстро разыскала и принесла.

Уходили от озера по сухой гриве, поросшей редкими былинками травы. Радка начала вдруг челночить по каким-то набродам.

Опять эти луговые трясогузки наследили, – подумал я, – забыв, что многочисленных в жару кузнечиков и кобылок любят и красные кулики. Поставил ружье на предохранитель, повесил на плечо и иду себе, отдыхая, по твердому лугу. А Радка, смотрю, уже стелется и поднимает сразу трех бекасов. Был бы наготове, наверняка, пару снял. А сейчас даже и выстрелить не успел.

Расстраиваться, конечно, не стал. Пусть летят – всех не перестреляешь. А тут и реванш появился. Подманил свистком большого кроншнепа, Радка его додавила и мы с чувством исполненного долга пошли к стану, который был у стога только что сметанного зеленого и душистого сена. Машина стояла чуть поодаль на высоком некошешном участке. Рядом, метрах в двадцати, узкий ручей, вытекающий из большой обмелевшей илистой низины.

Я так блаженствовал, навалившись на стог, что во-время не заметил стайку кроншнепов, пролетавших совсем рядом. Радка проводила их азартным взглядом и вдруг повела глазами вдоль ручья. Над ним по направлению к низине летела широконожка. Собака следила за уткой, пока та не развернулась вдали и не пошла обратно. Я, практически предупрежденный Радкой, красиво сбил соксуна во время крутого снижения к воде. Радка сплавала за ним и принесла к “столу”. Положила, подумала мгновение, снова схватила и бегом к машине, крыша которой была видна от стога. Но добежав до стены некошенной травы и потеряв “уазик” из вида, потопталась немного и вернулась с уткой ко мне.

Через пять дней мы снова на озере Пропавшего острохвоста. На этот раз ни одного выстрела. Но трофей был. Рада повела, прыгнула и вышла из зарослей с живой кряквой в зубах. По сине-зеленым зеркальцам определил, что это селезень, а ранен он, судя по плотному утолщению на сгибе крыла, еще весной. Не очень упитанный, но и не тощий. Я похвалил собаку, а подранка с миром отпустил незаметно в

кочках.

Не обнаружив на окрестных лугах ни одного бекаса или дупеля, направились к четверем, переходящим цепочкой друг в друга, озерам-болотцам, заросшим сплетенными водорослями и окруженным высоченным густым вейником почти с человеческий рост. На пути Рада выгнала из некошенной травы пару кроншнепов, что в общем-то бывает не часто. От неожиданности взял только одного, второй улетел, не прореагировав на мой свисток. Со стороны полноводной протоки высоко и на штык налетела шилохвость. Сбитая королевским выстрелом она упала чуть ли не на Радку, которая испуганно отскочила в сторону, а потом вцепилась в утку, как когда-то Кукла.

С трудом продрались сквозь топкий кочкарник к озеркам. Когда я перебрался в блюдце первого из них, путаясь в полегшей траве, Радка подняла бекаса. Обстрелять его я просто не смог, боясь потерять равновесие. На втором озере воды было больше, а вместо водорослей – травянистые кочки. Рада сразу что-то учуяла и начала бродить между ними, возбужденно вибрируя хвостом. Из травы медленно вылетел погоныш и, обстрелянный, упал в высокую траву на другом берегу. Собака сама бросилась к месту падения птицы, но сделав одну дугу, вернулась на озеро и продолжала там свой поиск. Я отозвал ее и опять тоже самое: дуга и возвращение к воде.

Понял, в чем дело, заметив в стороне утенка-хлопунца широконоски. Собаку горячил знакомый острый запах уток. Позвал ее к замеченному ориентиру и сам начал раздвигать траву. Радка сделала два или три круга, повела, выгнула спину, завиляла хвостом и почти под ногами у меня ткнулась носом в погоныша, но в зубы не взяла, а только с интересом обнюхивала.

Такая живописная оказалась курочка, что я вышел на сухое место, расположился на бревне-плавнике и занялся измерениями и описанием оперения. Размеры совпали с ранее известными, а окраска перьев нуждалась в уточнении. Верх головы темно-коричневый с мелкими белыми пестринами, брови темно-бурые с сединой, щеки темно-серые. Спина очень красивая: черные перья с коричневым окаймлением по низу и белым – по бокам. Кроющие перья крыла цвета крепкого кофе с молоком и как бы украшены мельчайшими черными, буквально миллиметровыми перышками с белой полосочкой, что дает эффект выпуклых пестринок на общем, отливающим зеленью фоне. Надхвостье черное с пестринами, выше к спине коричневатое, подхвостье кремовое. Крайние маховые перья аспидные, подкрылья пестрые, наружный сгиб крыла окаймлен узкой белой полоской. Жи-

вот с серым оттенком, грудь светло-коричневая с красивыми пестринами как и на кроющих перьях крыла.

Знакомство с новой дичью и неожиданная передышка отвлекли собаку от уток, и она впереди хозяина побежала к следующему водоему. Здесь я решил удовлетворить ее утиный интерес, но пропуделял далековато поднявшегося чирка. Выстрел еще дальше поднял бекаса, который мог бы стать нашим трофеем, не отвлекаясь мы от болотной на другую дичь. Озеро оказалось труднопроходимым. Я пошел у берега по топкой грязи, раздвигая густой высокий вейник. Рада брела по моему следу и все-таки выгнала бекаса. Он вылетел у меня почти из-под мышки и сделал крутой вираж. Я даже не сумел развернуться для выстрела, долго вытягивая ноги из ила. На последнем в “ожерелье” озере решил уток не стрелять и был вознагражден красивым выстрелом по бекасу. Правда, кулик оказался очень маленьким: клюв 5,5 см., крыло – 16,5, длина – 32,5.

Практически безошибочная и заинтересованная работа Рады по бекасам и дупелям подтвердилась на следующей самой добычливой и наиболее комплексной охоте. Искала красиво и азартно, “челночила” галопом, только уши мелькали, делала высокие свечки с разворотом. Быстро находила куликов и в сухой некошенной траве, и на затопленных берегах озер, и, что наиболее трудно, – в их почти непролазных болотистых, закочкаренных тупиках. Четыре бекаса и дупель за выход – и с каждым трофеем связаны свои особенности подхода, выстрела, поиска и аппорта.

Добыча после этого шести кроншнепов на выкошенных лугах не представляла уже никаких трудностей ни для охотника, ни для собаки. Первому достались красивые выстрелы, Радке – азартные аппорты.

Росла и квалификация Рады-утятницы. Все четыре утки этой охоты оказались широконосками, большими любителями крепей и мелких, заросших, труднодоступных водоемов. На одном озере Радка выгнала небольшую стайку. После дуплета три соксуна упали в высокую прибрежную траву противоположной стороны. Радка плавала за ними несколько раз. Иногда показывалась из зарослей без утки, чихала, кашляла, разворачивалась и снова в поиск. Еще одна широконоска упала за озером на сухой берег, но перебиралась туда собака вплавь и возвращалась с трофеем через густые водоросли.

Кстати, кроме всех десяти взятых мною за осень уток, Радка провела довольно сложный поиск и аппорт сбитого другим охотником лутка, очень хитрой, небольшой нырковой утки-дуплогнездника, на-

зываемой еще малым крохалем. Раненного в крыло, его очень трудно добить даже с лодки на открытой воде. Настолько далеко он ныряет, мгновенно скрываясь под водой, а выныривает тихо, порой показав только клюв. На водоемах же с травянистыми берегами и водорослями серо-коричневую утку очень просто потерять и с собакой.

Мы шли с новым напарником Анатолием Дикаловым по двум сторонам лугового ручья, впадающего в обмелевшую неширокую протоку. Вокруг заброшенные сенокосы, с годами некошенной высокой травой. Обходя густые кусты тальника я услышал выстрел, поднял голову и заметил снижающуюся утку. Когда мы с Радкой перебрали протоку, товарищ уже стоял у замеченного им места падения птицы метрах в сорока от берега. Безветрие, сухость воздуха, земли и травы затрудняли поиск. Радка галопом сделала несколько кругов, то шумно обнюхивая кочки, то выпрыгивая высокими "свечками" из травы, чтобы поймать запах.

Уловив его, пошла к протоке, переплыла ее, нашла входной след и пошла уже вдоль берега ручья. Молодой и сильный Анатолий бегом еле успевал за ней. Как нырнул луток, выгнанный Радкой из травы, он не слышал и не видел. Собака вошла в воду и стала нюхать воздух, глядя на противоположную сторону ручья. Там по направлению ее взгляда партнер увидел распластавшегося под корягой подранка и добил.

Ну, а последняя охота сезона, как я заметил, несет всегда какой-то свой заключительный аккорд. То ли это красивое природное явление, то ли необычная дичь, то ли проявление собачьего мастерства, то ли удачный выстрел. А тут – весь набор. Абсолютно летний, жаркий, необычный для конца сентября, день. С утра золотистый рассвет по всему небосводу. Пойма как бы ожила, помолодела. Расцвели большие и карликовые лютики, высокие вербейники, добавив лугам солнечной желтой краски. Много стрекоз, кобылок, оводов, комаров. Трава на возвышенностях низкая, светло-зеленая, матовая, на низинах – бурая, высокая.

На первом же узком травянистом ручье, Радка подняла пару бекасов, но взял с дуплета только одного. Снова подводка, взлет и... пудель. Стареем, видно. Ручей извилистый и длинный. Успеваю все-таки одного долгоносика застрелить, чтобы окончательно не опозориться перед четко работающей собакой.

На некошеном лугу из травы, словно дупель или бекас, шумно взлетает необычно темный большой кроншнеп. И Радка приносит мне впервые добытого королевского кулика западного подвида. Когда взял

его в руки, с удивлением отметил, что очень похож по окраске на благородных долгоносиков. Общий фон оперения светло-коричневый, намного темнее, чем у восточного собрата. Голова в густых коричневых полосках, можно сказать, коричневая со светло-коричневыми полосками. Шея и грудь светло-коричневые с узкими темно-коричневыми полосками-штрихами. На животе фон тот же, но пестрин меньше. Хвост светло-коричневый с поперечными темно-коричневыми пестринами на рулевых. Надхвостье светло-коричневое, спина и кроющие темно-коричневые с продольными светло-коричневыми полосами, крайние маховые почти черные. Подкрылья кремовые. Это оказалась взрослая особь 700 граммов весом. Длина 63 см, крыло 48. Клюв 12,5 сантиметра, сильнее изогнут. Похоже, такие птицы и были изображены на старой римской фреске.

А вскоре на влажном блюдце обмелевшего озера Рада находит еще одного бекаса, быстро подбирает его в густой травяной прибрежной оторочке. И, наконец, демонстрирует то самое предпочтение к запаху этого кулика, как у Леды было по отношению к дупелю. Подходим к небольшому водоему, образовавшемуся в длинном глубоком ручье. Оторочка озера и тупики низины поросли густой темно-зеленой осокой, частично затопленной. Высокие берега почти лысые, с отдельными куртинками вейника, вербейника и тысячелистника.

Рада, ведомая верхним чутьем, спускается по крутому склону, я поднимаю ружье и стреляю быстрым дуплетом по вылетевшим враз чирку и бекасу. Они падают за озером недалеко друг от друга. С высоты мне хорошо видно, где, у каких травяных кустиков.

Маленькая собака, естественно, из ручья этого не видела, поэтому пробежала чуть дальше, сделала дугу и сначала уловив более острый запах утки, поскакала к ней галопом. Вдруг резко остановилась, повела носом, подняла лапу, замерла, словно легавая, бросилась к бекасу и поймала его чуть в стороне. Принесла и, как по компасу, пошла за чирком, который отбежал метров на десять-пятнадцать. Теперь-то наверняка можно было говорить об охотничьем мастерстве трехпольного русского спаниеля в возрасте всего трех с половиной лет. А всякое мастерство требует постоянного совершенствования.

Такой процесс я наблюдал и в какой-то мере направлял осенью следующего, 1996 года. Не календарно, а фактически, то был тридцатый полный сезон моей охоты с русскими спаниелями. Читатель помнит, что в 1986 году мы с Ледой выходили на луг лишь однажды

и ненадолго, а красную дичь вообще не видели.

Осень-96, как и всякая другая, имела свои особенности: прохладную погоду с частыми дождями и освоение новых угодий. Если все прошлые годы я ездил к обским бекасиным лугам на машине, то до иртышской поймы от дачи, где я писал в отпуске эту книгу, было всего полтора километра по заброшенной дороге. И каждый выход начинала и завершала неспешная прогулка по пихтово-кедровой тайге, где можно пособирать грибов, вспугнуть выводок рябчиков или, сидя на пне, понаблюдать за белками, бурундуками или муравьями.

На разведку ходили с Радой дней за десять до открытия болотной охоты и немного припозднились. К пойме вышли уже в сумерках. Слева лесной массив разрывался неширокой заболоченной поймой лесной речушки, уходящей в луга. Впереди была длинная низина ручей, и только за ней возвышалась более или менее проходимая грива, вдоль которой мы и пошли к ближайшему озеру. Уже в темноте Рада подняла с одного места несколько бекасов. Я их только слышал, как и уток, с кряканьем улетающих от озера. Значит, дичь есть, а то, что луга сырые, уже не важно.

Но потом целую неделю шли сильные дожди и я решил открывать сезон на более твердых и высоких обских лугах. За мной на "уазике" приехали Андрей с Костей, и через двадцать минут мы были на знакомых до кочки местах. От сенокосной дороги перед машиной поднялся большой кроншнеп с висящей перебитой лапой и полетел за речку. Вскоре взлетела целая стая королевских куликов и удалилась, не обратив никакого внимания на рулады моего выверенного по кроншнепиному тембру свистка.

На бекасином лугу Рада взволнованно носилась по набродам, пока не вспугнула пару долгоносиков. Они были близко, но полетели в разные стороны и дуплет не получился. Первого я промазал, а второй после дальнего выстрела пролетел еще метров сто и опустился в траву. Радка искала быстрым челноком. Уловив запах кулика метров за пятнадцать, резко остановилась и, задрав голову, пошла прямо к нему, встала, подняла переднюю лапу и прыгнула. Через мгновение с хищным блеском в глазах вынесла бекаса из травы.

Опять галопирующий челнок и взлет пары долгоносиков, опять первый пудель, на втором выстреле красивое попадание в боковом полете. Этот эпизод наблюдали со стороны Андрей с Костей.

Внук сначала обрадовался и закричал:

– Папа, смотри, дедка бабахнул, кулик кувырком в траву!

Потом, когда я дал ему бекаса в руки, он уже как-то печально

спросил:

– А зачем ты его убил?

И на сделанном тут же снимке, Костя с ружьем и куликом не выглядит бравым охотником, а скорее взрослым человеком, задумавшимся над смыслом охоты. Я тоже засомневался – а стоит ли воспитывать из него охотника в эпоху экологического кризиса? Пусть лучше будет рыбаком. Интерес внука к рыболовским снастям и поездкам с отцом на зимнюю и летнюю рыбалку удочками замечал давно. И сейчас они отправились к речке блеснить щурогаек, а мы с Радкой пошли по дороге вдоль берега к машине.

По сторонам раскинулся очень сухой луг с низкой, жесткой травой. Что тут может быть, кроме трясогузок? Взял ружье на плечо и отпустил Радку в свободный поиск. Когда собака, наклонив голову, побежала дугой в сторону речки, я даже не одернул ее и не ускорил шаг, думая о своем. Вдруг раздался частый, громкий стук крыльев. Навстречу мне поднялся дупель и полетел над линией крутого склона. Я попытался выцелить, когда кулик мелькал в понижениях рельефа и между травяными кустами. После двух промахов он на бреющем полете появился из-под берега, пересек дорогу и сел на луг. Не подпустив нас на выстрел, дупель также шумно и быстро взлетел и опять низом ушел под берег. Но куда полетел дальше – направо или налево – я не видел. Рада долго бегала по высокой прибрежной траве, фыркала и чуть ли не грызла кочки.

Кое-как отозвал ее на дорогу, успокоил и решил сделать заход по лугу против ветра. Немного побегав по набродам, она насторожилась и очень близко подвела меня к дупелю, которого красивым выстрелом удалось снять в боковом полете. Собака взяла его с особой страстью после неудачи с предыдущим долгоносиком. Как результат сезонного дебюта я с удовольствием отметил азарт, старание и настойчивость Рады в поиске.

На иртышскую сторону пошли с Андреем после трехдневного прояснения, когда луга чуть подсохли. У первой низины вне выстрела поднялся необычный у нас светло-серый долгоносик – азиатский бекас. Такого я видел еще весной сидящего на вершине сухой пихты около дачи. Затем он взлетел и токовал над оврагом, поросшим березой и осиной. Полет своеобразный – очень широкая, высокая дуга и резкий свист пикирующего бомбардировщика при снижении. Это вселяло надежду на осеннюю встречу с выводком. В том, что она состоялась, стало ясно, когда Радка подняла, правда, также далеко еще пару таких бекасов. Мы решили с Андреем застрелить одного на чу-

чело, а других не трогать.

На илистом берегу речки собака взволнованно забегала по местам ночной кормежки куликов, переплыла на противоположную сторону и, сделав дугу, выгнала из чахлой травы обыкновенного бекаса (впредь таких буду называть просто “бекас”). Он с необычным шумом летел на меня, быстро набирая высоту. Боясь промахнуться на штык (вот был бы выстрел) я развернулся на 180 градусов и сбил его в угон. Радка приплыла, сходу пошла челночным галопом и нашла трофей в некошенной траве.

Поднявшиеся к вечеру несметные полчища комаров, выгнали нас с луга и мы засветло возвратились на дачу. По обочинам дороги насобирали полную фуражку маслят, а на дренированной кочке под огромным кедром Андрей нашел красивый белый гриб. Слышали шум поднявшегося в чаще рябчика и дважды видели огромного филина, ловко маневрировавшего среди деревьев. Хорошо, что начавшийся сильный дождь не успел нас намочить.

Он лил до утра и после небольшого перерыва почти весь день. Поэтому на охоту я собирался не без некоторых колебаний. Но неожиданно прояснило, стало тепло и почти сухо. Искать бекасов решил все-таки на более высоком лугу, примыкающем к коренному берегу. Но он тоже оказался неудобным для ходьбы – сырой, кочковатый, с высокой сплетенной травой, давно не знавшей косы. Радка быстро что-то учуяла, начала выпрыгивать из травы, потом повела прямо и довольно близко выставила бекаса. После удачного выстрела я по неистребимой привычке стал дозаряжать ружье, а собака, побежавшая за трофеем, подняла еще одного долгоносика.

Мог бы обстрелять и третьего, но выпустил из-под контроля Радку, залюбовавшись по-новому освещенной поймой. В зависимости от игры света между облаками и вечернего наклона лучей она сверкала желтыми и ярко-зелеными пятнами. На возвышенностях расцвели плакун-трава и вербейник, образовав красивейший желто-сиренево-фиолетовый ковер на фоне золотисто-коричневых колосков и стеблей увядающих трав.

Поскольку дожди не прекращались, съездили еще раз (последний в сезоне) на обские луга. Поднявшийся с утра сильный ветер разогнал тучи и подсушил траву. На первом же лугу Рада начала красивый классический поиск челноком в сухой невысокой траве. Носилась галопом, искала нижним чутьем, поднимала голову, нюхала воздух. Ловя запахи, резко останавливалась на бегу. Словом, самый настоящий, ровный челнок с некоторым нагоном. Первая подводка

против сильного ветра была длинной. Рада долго подкрадывалась к учуянной птице. Необычно далеко с шумом поднялся дупель. И что-то знакомое показалось в его низком, быстром полете. Летевший сначала прямо на меня, он резко, как бекас, начал делать вираж и выстрел сразил его в трудном для попадания угловом ракурсе.

Когда Рада принесла тяжелого, интенсивно-рыжего кулика, явно старого, я с удивлением обнаружил, что он одноногий. Вместо левой лапы была гладко и давно заросшая культяпка чуть ниже голени. Так не тот ли это хитрец, дважды улетававший от нас, скрываясь под берегом? Может быть, он стал таким осторожным от инвалидности?

Мы перешли на широкую влажную низинку, где Рада сверхстарательно искала бекасов сначала по ночным набродам у илистого ручья, потом по травянистым склонам, где они прятались днем. Одного долгоносика выставила очень удобно с левой стороны. Первый раз стрелял его на синусоиде и очень близко, поэтому промазал, а второй выстрел, уже дальний, тоже не дал результата. Но охота есть охота – не всегда следуешь расчету и известным правилам – азарт берет свое. Другого бекаса взял первым выстрелом. Доставив его, Рада почему-то ускорила поиск. Я еле успевал за ней по вязкому илу и пропуделял пару куликов. После второго промаха собака, помоему, сильно разозлилась на старого хозяина-мазилу. Она стремительно скакала по лугу так, что уши развевались словно крылья. Уходила в высокую траву, выпрыгивая в красивых свечках с полуоборотом.

Я уже начал уставать и обрадовался, когда увидел на лугу знакомую машину. Подъехал Андрей с другом детства и постоянным партнером по охоте Юрием Нуждиным. Они поздравили меня с наступающим днем рождения и подарили пачку из 25 патронов “Тайга”, хорошо снаряженных в пластиковые гильзы с высоким донцем и очень сильных – 1,7 грамма пороха “Сунар” и 35 граммов дроби-четверки. Конечно, не для луговой охоты, но чтобы испытать, я вложил их в стволы.

И только захлопнул ружье, как увидел, что прямо на машину летят два кроншнепа метрах в 25 над землей. Ближнего я красиво и не близко снял королевским выстрелом. Второго развернул свистком и сбил еще эффектнее в угловом полете. В это время Рада, нашедшая первого кулика, бросила его, побежала в месту падения второго, разыскала в траве и принесла к машине. Потом сбегала за другим.

Ребята попросили нас собрать на речке битых турухтанов, потому что Юрин сеттер-ирландец еще не шел в воду. Первого кулика с се-

редины речки Рада доставила сходу. А второй был далеко под противоположным берегом и, чтобы показать его собаке, пришлось сделать в ту сторону пару выстрелов.

На этой охоте от работы Радки я получил ощущение близкое к настоящему счастью. Что еще надо старому охотнику? Красивый луг, разнообразная дичь, одинаково волнующие попадания и промахи, а, главное, хорошая собака, работающая не только с азартом, но в какой-то мере уже осмысленно. Физическая форма – просто блестящая, что ни прыжок – то полет, хотя всякие “чаппи”, “педигрей” и “манстеи” даже нюхать не желает.

Разрешение охоты на водоплавающих для нас с Радой особого значения не имело, так как местные утки вблизи дачи на иртышских лугах почти не водились. Даже большие кормовые озера, удаленные от леса на два-три километра и привлекательные для пролетной северной утки, о чем свидетельствовали остовы скрадков по тонким берегам, были пока пустынно. Но открытие – есть открытие. Выбираем наиболее легкий для ног путь вдоль более или менее дренированного берега обмелевшей таежной речушки. У воды затопленная высокая и зеленая трава, чуть выше сравнительно ровная и твердая гривка, о чем свидетельствует далеко видная полоска вербейника в перемежку с тысячелистником – этакая желто-серая условная тропа.

Прошли по ней совсем недалеко, как Радка вышла к воде, понюхала воздух, поплыла и выгнала с противоположной стороны круто взлетевшего чирка. Удачный выстрел. Собака исчезает в зарослях и вскоре появляется с уткой, маленькой и худой. Нет, таких стрелять не стоит, еще рано, – подумал я. В то время Радка скрылась за поворотом, зашлепалась в воде. Вдруг какая-то небольшая птица, часто махая крыльями, показалась над травой и тут же опустилась. Вероятно, кулик или пастушок – утка бы улетела, услышав вблизи собаку. Отозвал Радку и подвел со стороны берега к тому месту. Она почти бегом повела к воде.

Опять почти свечой поднялся чирок – пришлось стрелять ради собаки, нашедшей дичь. Утка комком вниз, раздался характерный шлепок по воде. Подхожу – ничего нет. Радка скачет туда-сюда по траве, вся какая-то ошалевшая от исчезновения добычи. Проплывая второй раз у противоположного берега, унюхала что-то и вошла в траву. По движениям травинок вижу, что ловит убегающую утку. Вышла к берегу с чирком в зубах и остановилась перед тем, как плыть ко мне.

– Смотри, хозяин, какая я ищейка и как красиво держу трофей –

животом вверх, голова опущена вниз, крылья чуть провисают – доставай свою “мыльницу” и фотографируй.

Далеко над лугом видели пролетавшую стайку шилохвостей и больше ничего. Над нами ровно и высоко в сторону пойменного разрыва пролетела кряква. Между лесными мысами сыграла вниз, затрепетала крыльями и сделала крутой вираж на озеро. Недалеко от него я видел толстое бревно – не посидеть ли там. Только вернулись и устроились, как с луга стремительно налетела пара чирков. Я успел снять только одного, колесом упавшего в заболоченную траву у озера. Радка быстро его разыскала и принесла. Опустившаяся темнота заставила прекратить охоту, но место нам понравилось.

Как только чуть прояснило после череды дождливых дней, мы вновь отправились туда и сели на бревно, т.к. искать бекасов было поздно, вечерело. На лугах полная пустыня. Птицы “запали”, чувствуя перелом погоды. С Запада, с лесной стороны, на пойму шла огромная, почти во все небо туча. Усилился ветер, пошел дождь. Меня спасла бледнозеленая пластиковая накидка с капюшоном, рукавами и завязками на груди. Привезенная Андреем из Италии, она в сложенном виде свободно умещалась в кармане, а ширины была такой, что хватало места и Радке.

Постепенно тучу отнесло на юго-восток. Там под ней возник почти вертикальный радужный столб. Слева бледная, матовая зеленая полоса, затем раза в три более широкая и очень яркая розово-фиолетовая. Между тучей и землей появилось еще какое-то космато-полосатое, не очень приятное, даже немного зловещее красноватое свечение, напоминающее отдаленное зарево пожара.

Перед окончанием дождя, застигнутые непогодой, из травы тут и там стали вылетать трясогузки и перемещаться в лес к местам ночных убежищ. На прояснившейся северо-западной стороне поплыли темно-серые, почти черные облака, словно клубы дыма, только вытянутые горизонтально. Их сменили такие же узкие, но пушистые белые облака. Закатное солнце нарисовало по их краям золотую кайму.

Опустились сумерки, но беспрестанно всматриваясь вдаль, я только дважды замечал пролетавших в стороне уток. Вдруг из-за моего левого плеча вылетела какая-то небольшая птица и стала садиться за ручьем. Только тогда я заметил, что это бекас. Зову Радку, а ее рядом нет. Оборачиваюсь – плывет по озеру, выбегает ко мне с коротким взлаиванием, дает понять, что нашла дичь. У ручейной низины Радка выгнала сразу трех азиатских бекасов. Но согласно “конвенции”, я застрелил только одного и еще раз убедился, что здесь целый

выводок.

Забегая вперед, скажу: вечером первого мая 1997 года над тем же лесным оврагом снова токовал азиатский бекас, а чуть в стороне тоже над оврагом, но уже вырубленным под дачи, летал второй. Натужное “тух-тух-тух” при наборе высоты, затем, в зените – радостное типично куличинное “чив-чив-чив” с поднятыми крыльями и почти грохот в крутом пике я слышал несколько раз в течение двух недель.

Рассмотрев принесенного собакой ранее невиданного близко кулика, я был просто поражен красотой его рыже-золотистой окраски, хотя в большинстве источников написано, что он просто светлее обыкновенного.

Вдохновленный редкой добычей и предвкушая предстоящее описание птицы, чтобы найти что-то новое или обнаружить неточности, допущенные другими авторами, я решил еще посидеть на бревне. Тем более небо было светлым для стрельбы влет. В половине девятого заметил летящую с луга крякву. Высокий выстрел под острым углом и утка падает метрах в семи. Радка так сильно ее трепала, что после аппорта на морде у нее остался целый пук перьев.

Наутро я начал с измерений. Уже длина клюва – семь сантиметров – не позволила согласиться с бытующим всюду утверждением, что он у азиатского бекаса короче, чем у обыкновенного. Остальные размеры совпадают у обоих подвидов и “характеристика” хвоста в литературе дается правильно – рулевых перьев намного больше, крайние из них короче и уже средних.

Ну, а окраска меня просто очаровала, как разочаровали некоторые описания ее даже в солидных книжках. Особенно красива спина с удлиненными коричневыми полосами-мазками по внутренней стороне перьев. Надхвостье нежно-серое с белой поперечной рябью, переходящее в рыжие кроющие хвостовые перья с серыми штрихами. Кончики средних рулевых перьев еще более рыжие с поперечными темными полосами.

Нельзя согласиться с Атласом охотничьих птиц и зверей СССР (М. 1952), где говорится, что на нижней стороне больше распространен белый цвет. В чистом виде его, можно сказать, вообще нет. Брюхо с нежно-кремовым или желтоватым оттенком. Нижние кроющие перья крыла (подбой) и подмышечные светло-серые с поперечными темно-серыми пестринами. Нижняя часть кроющих перьев серая. Вот почему бекас в боковом полете кажется серым.

Грудь, зоб и горло с мелкими продольными коричневатыми пестринами на светло-рыжем фоне. Подбородок кремовый, уздечка золо-

тистая. На голове золотисто-коричневая шапочка, разделенная посередине желтоватой прерывистой полосой. Те две черные продольные полосы, которые контрастно видны на голове обыкновенного бекаса, у азиатского коричневые на светло-коричневом фоне.

Клюв коричневый с более темным кончиком. Примерно двухсантиметровые концы подклювья и надклювья ("пинцет") чуть расширены, более плоские и имеют снаружи насечку как у надфиля. Цвет лап светло-коричневый с желтизной, без доли свинцового оттенка. Маховые перья цвета кофе с молоком, такие же верхние кроющие, только с беловатыми кончиками. Нижние кроющие золотистые. Поэтому кулик со сложенными крыльями весь кажется сказочно-золотистым.

Пока я изучал внешний вид азиатского бекаса, заметный с утра седой иней растаял. Я услышал, как с железной крыши по желобу начал стекать конденсат. Около девяти часов заморосило и неужи-

данно повалил густой мокрый снег. Хлопья на лету увеличивались и через полчаса был сильный настоящий зимний снегопад, на земле стал просматриваться снеговой покров. Снег перешел в продолжительный дождь.

Через четыре дня снова отправились с Радкой под вечер на луга. Положив патронташ на бревно, прошлись вдоль бекасиной низины. Азиатские бекасы куда-то исчезли, но Рада нашла одного обыкновенного. Он взлетел под углом, остановился после выстрела с вытянутой шеей и распушенными крыльями и плавно упал, не складываясь в бесформенный комок. Собака, полная азарта, сначала пробежала его, потом вернулась, покрутилась и пришла с куликом в зубах.

Остатки вечера просидели на своем месте. Уток совсем не видно. Вдоль низины пролетел подорлик. Вдали низко над лугом летал болотный лунь. Перед закатом, несмотря на несколько заморозков, поднялось много комаров. Несколько еще не уснувших стрекоз охотились за ними над озером. Впереди, за низиной, ловила последних насекомых желтая трясогузка. Посидит на колышке, торчащем из травы, поднимется, потрепещет на одном месте как пустельга, схватит комара и опять на свой насест.

Наконец, заметил пару приближающихся с лугов кряковых. Летящую на штык успел обстрелять почти над головой и она комком упала метрах в десяти за спиной в травянистую болотину. Радка бросилась туда и устроила шумную возню, пока задавила самую крупную и по осеннему тяжелую утку. Я пошел на помощь и увидел вытопанную в траве площадку, примерно с квадратный метр. Собака стояла, крепко прикусив лежащую крякву. Даже в сумерках глаза ее горели изнутри каким-то красноватым отблеском. Подняла утку и пробежала мимо меня к засидке.

Вполне удовлетворенные добычей “своей” дичи и королевским выстрелом, не стали дожидаться темноты и отправились к домику, где нас ждала натопленная печь.

По разным причинам следующая и последняя охота сезона состоялась только в конце сентября. Поскольку большинство куликов давно улетело и уже прошла северная утка, это был скорее ритуальный прощальный выход.

Удалось поднять только пару бекасов. Первый взлетел очень далеко. Второй чуть ближе, на предельном расстоянии. Но я его обстрелял и ранил в кончик крыла. Когда Радка приблизилась к нему, он выпорхнул из травы и был схвачен ею в прыжке. Кулик показался необычно темным по общему фону раскраски, как будто больше чер-

ных и коричневых пятен. Может быть, это и закономерно, потому что так поздно я бекасов раньше не стрелял.

За весь вечер видел три раза парных и одиночных шилохвостей. И уже в почти полной темноте, когда мы возвращались по широкой, но сырой сенокосной тропе, бесконтрольная Рада выбежала на заболоченный берег большого озера и далеко от меня подняла погоньша. Он взлетел в сторону воды и пересек примерно пятидесятиметровый озерный залив. Собака очень долго искала его в траве, заплывала в озеро, но тщетно. Разгоряченная неудачным поиском, на обратном пути Радка не оставила необследованной ни одной низинки. Даже на лесной дороге забредала в затопленные колеи. С последней охоты пришла на дачу такая мокрая и грязная, что перед входом пришлось обтирать не только лапы, но и всю собаку.

Утром меня разбудил узкий, но яркий луч света, проникший в щель между ставнями. Я вышел на крыльцо. Ясно, холодно, еще горит в одиночестве Звезда моей Охоты – Венера. Слышу гоготание гусей. Большая стая гуменников, увидев дачный поселок, сначала смешалась в кучу, потом разделилась на две части, снова образовала классический треугольник и плавно полетела на юг.

За свое четвертое поле Рада без потерь аппортировала пару дупелей, восемь бекасов, двух кроншнепов и шесть уток. Как видно, количество трофеев постоянно уменьшается, а качество работы собаки неуклонно повышается. Итак, на ее счету 24 охоты, а среди трофеев 115 болотных птиц шести видов. С Ледой за 63 выхода мы взяли 345 штук болотно-луговой дичи двенадцати видов.

А теперь представьте полтысячи волнующих моментов, увенчанных трофеями или переживаниями, связанными с промахами, “зевками”, а иногда с потерей подранков. Это сотни неповторимых картинок природы, собачьей мудрости, красивых выстрелов, новых находок, связанных с повадками охотничьих птиц. Разве не интересно! И такое стало реальным всего каких-то шестнадцать лет назад, когда безраздельно командовавшие в автономных округах Обского Севера тюменские охотчиновники, скрепя сердце, решились на открытие в более ранние сроки охоты на болотно-луговую дичь для владельцев породистых легавых собак и спаниелей. И в то же время напридумывали столько ограничений, что большинству легашатников и спаниелистов она поначалу была недоступна. Например, выделялись для этих целей единичные охотхозяйства, а собаки должны были обязательно иметь полевой диплом по болотной дичи. И никто не подумал, есть ли возможность у простого охотника попасть на спецгоде или

поучаствовать со своей собакой в полевых испытаниях.

Принципиально против были и многие охотничьи начальники в округах, особенно в обществах охотников. Их заправила, привыкшие бесконтрольно бить лосей, ловить соболей и стрелять белок с лайками, понятия не имели ни о болотной охоте, ни о болотной дичи. Ну, кулики и кулики. Кому нужна такая мелочь, когда есть постоянная возможность пострелять в недоступных другим местах гусей, глухарей и тетеревов.

А уж в более ранние сроки? Извините, как это вы пойдете на охоту со своими собаками, а другие охотники хуже, что ли? Они тоже имеют право и расстроятся, когда услышат на лугах выстрелы, хотя и законные. Опять же фактор беспокойства – на озерах много уток с выводками и так далее.

Ох, уж это наше стремление к запретам, перестраховке, а в общем – обычная бюрократия и попытка прикрыть свою охотничье-биологическую неграмотность личиной борцов за охрану природы!

Помню, председатель районного общества охотников, хотя разрешение охотинспекции было, долго не подписывал мне путевку на свои угодья под предлогом отсутствия егеря для присмотра. Тогда я попросил быть своим “контролером” находившегося в отпуске, руководителя окрохотобщества А.Г. Дюбу. Прекрасный таежник, побывав со мной на лугах, он сказал, что знал о такой охоте только понаслышке. А она, оказывается, рядом и такая красивая, увлекательная, необычная.

Пытались примазаться к болотной охоте и владельцы других пород: фокстерьеров, такс, гончих, лаек, мотивируя тем, что их собаки идут на любую дичь, значит, могут и на болотно-луговую. Кое-кому путевки давали, хотя для тех пород есть свои льготы на “профильных” охотах.

Слава, Богу, ситуация изменилась к лучшему. Все больше грамотных охотников, любителей болотной дичи и хороших собак. Приятно, что спаниели, встречаются чаще других, есть и все островные легавые. Кроме курцхааров и дратхааров появляются другие европейские собаки. Я видел даже щенка золотистого ретривера. То ли еще будет, если охотничьи организации создадут повсеместно кинологическую службу, клубы любителей легавых и спаниелей.

Ханты-Мансийский районный отдел спортивной охоты уже пригласил через средства массовой информации местных легашатников и спаниелистов зарегистрировать своих питомцев и пообещал владельцам чистопородных собак бесплатные двухнедельные путевки на

болотную дичь в льготные сроки. Значит, кому-то пригодятся и мои записки. Подробно написав о главных субъектах: охотнике и собаке, а также о возможных объектах болотной охоты, немного расскажу об оружии и снаряжении.

Я думаю, что при стрельбе бекасов, дупелей, других мелких куликов, пастушков и перепелок калибр ружья для хорошего стрелка не имеет значения, можно и двадцатый. Лишь бы оно было прикладистое, давало ровную и широкую осыпь. Теперь редко встретишь стволы с цилиндрической сверловкой, значит, нужны соответствующая пристрелка и обязательно мелкая дробь.

Все шестнадцать сезонов специальной болотной охоты я стрелял из "ИЖ-12" двенадцатого калибра в штучном исполнении со стандартным дульным сужением. В 1996 году удалось приобрести "ИЖ-27 СТК" того же калибра ручной сборки с удобной ореховой ложей "монтекарло", деревянным затыльником и сменными стволами-"цилиндрами". Патроны применял различной фабричной снарядки, вплоть до стендовых с контейнерами, и дробь № 9, т.к. мельче в России не выпускают. Даже нормального "бекасинника" (№ 10–11–12) не найдешь, не говоря уже о более мелких – "дунсте" или "бусе". Кроншнепа как птицу "мясистую" и осторожную, в зависимости от расстояния можно стрелять и "семеркой" и "пятеркой".

В начале сезона, в жару, охотиться порой приходится в одной рубашке, поэтому лучше, если ружейный погон будет мягкий, патронташ – двухрядный с парными тороками-удавками по обеим сторонам. Его легко закинуть за спину, чтобы не мешал. Очень удобен жилет, лучше камуфлированный и не из синтетической ткани. У него обычно с обеих сторон есть два открытых патронташа на 8–10 патронов. Их желательно закрыть клапанами из тонкой кожи. По краям левого патронташа нужно крепко пришить кожей два кольца для крепления удавок, чтобы дичь не закручивалась, к карабинчику можно присоединить вертлюжок. Если слева на груди нет маленького патронташа, обычно на четыре патрона, его следует пришить, если есть, – также защитить от влаги клапаном. Лучшими застежками являются "липучки", плотные и регулируемые. Пуговицы цепляются за что угодно, а молнии часто ломаются, и в наглухо "задраенном" жилете летом жарко.

Для ношения крупных и тяжелых трофеев – уток и кроншнепов, я рекомендую пришить сзади под воротником куртки или по верхней кромке жилета крепкую кожаную петлю-вешалку и к ней прикрепить пару-тройку стандартных удавок. Дичь не бьется об ноги при ходьбе

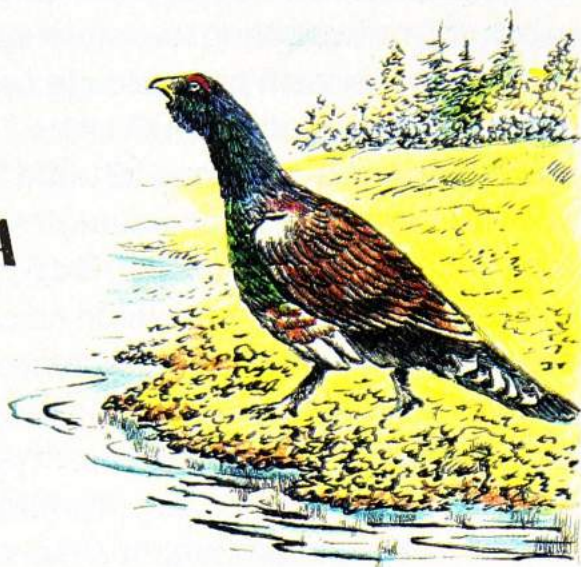
и нести намного легче.

Другое дело, если за спиной рюкзак, тогда крупных птиц можно крепить к нему. Гораздо удобно для ходовых охот жилет-рюкзак – не давит на плечи и не съезжает назад. Я не советую носить дичь в рюкзаке или сумке, если нет специального сетчатого кармана, и совершенно неприемлемыми для себя считаю сетки-ягдташи на тонкой плечевой веревке и заплечные сумки, свободно болтающиеся на боку. Фотоаппарат, бинокль, очки, блокнот, безмен, рулетку и документы ношу в небольшом твердом кожаном кофре.

Что касается фуражек и костюмов, камуфлированных и просто защитных, различных сапог, длинных и коротких, то теперь каждый может выбрать согласно своим вкусам и возможностям.

В этой главе я поделился с читателями всем, что познал на практике о болотной охоте со спаниелями. Ратуя за свою любимую породу, хочу чтобы множились ряды не только спаниелистов, но и любителей легавых. Давайте вместе возрождать классическую охоту по красной дичи. Приглашаю всех на осенние луга, где наши азартные питомцы исполнят поисковый галоп. И мелькнет рыжей молнией ирландский сеттер, сделает высокую фирменную “свечку” ушастый спаниель, замрет в скульптурной стойке пойнтер, словно вырубленный из мрамора античным мастером.

IV. ЛЕСНАЯ ОХОТА

1. ГЛУХАРИНЫЕ РАССВЕТЫ

Осенью 1964 года братья пригласили меня и нашего общего друга, известного ямальского фотографа Виктора Рочева, на глухариную охоту. Представился прекрасный случай испытать первопольную утятницу Джойку по боровой дичи. Ехать предстояло километров за 160 до северной границы лесной зоны, “языками” примыкающей к лесотундре по берегам рек.

Взяв отпуск, мы почти двое суток не спали – снаряжали патроны непривычной для утятников дробью-”двойкой” с усиленными зарядами пороха, закупали продукты, готовили одежду, укладывали все необходимое на полмесяца таежной жизни. И хотя предусмотрительные братья заранее разместили по пути следования пару 180-литровых бочек бензина, экономная и правильная загрузка нашего судна в расчете на четырех пассажиров была просто необходима.

Деревянная лодка-бударка с заостренными носом и кормой имела яйцеобразный полуморской обвод корпуса. Построенные в начале тридцатых годов ссыльными астраханскими рыбаками, они до сих пор используются на так называемом плавном лове (дрейфующими сетями) ценных осетровых, сиговых и лососевых рыб в низовьях Оби. Сначала были гребными и парусными, а в послевоенные годы их стали оснащать различными стационарными моторами. Наиболее удачной, безотказной, позволяющей применять как водяное, так и воздушное (поздней осенью) охлаждение, была серия отечествен-

ных двигателей “Л-3”, “Л-6”, “Л-12”, т.е. трех-, шести-, двенадцатисильных и соответственно имевших один, два, четыре цилиндра.

В намеченный для выезда день с утра прекратился дождь, беспрестанно ливший целый месяц. Ясно и тихо. Но как ни старались, смогли отплыть только в 23 часа 30 минут. Итак, наша одиссея началась 16 сентября в кромешной темноте. И снова мелкий дождь, ветер, пронизывающий холод. В открытой лодке уютно чувствовали себя только Виктор, забравшийся со своей аппаратурой в узкое носовое отделение, да Джойка, антирадикулитным поясом расположившаяся под моим суконным гусем (одежда типа малицы).

Проверенный “Л-6” мерно стучал в своем небольшом отсеке с откидными крышками, где устроились братья, то и дело пристраивая чайник на блоке цилиндров у выхлопной трубы. Я нес “собачью” (ночную) вахту, сидя у штурвала дистанционного управления рулем, беспрерывно в течение пяти с половиной часов. За это время преодолели против течения всего сорок километров, достигнув устья извилистой речки Собты-Юган, текущей среди высоких берегов, покрытых уже не лесотундровой, но еще и не таежной растительностью.

Здесь темпы передвижения заметно упали – пришлось целый день под морозящим небесным душем “считать” мели. В лучшем случае проталкивались по мелководью при помощи весел и шестов, а чаще всем “квartetом” вылезали за борт и подвигали лодку вперед по сантиметрам, на каждом шагу рискуя оставить сапоги в илистом дне. С одной затопленной косы снимались около двух часов. Уже в сумерках, казалось, выбрались на нормальное русло. Володя, принявший управление, дал “полный вперед”... и мы еще трижды “садились” на косы, потратив примерно час на освобождение.

Насквозь промокшие поздно вечером пристали к Юган-Горту – осеннему стойбищу рыбаков и ондатроловов. Половина пути. Темное время скоротали в гостеприимном чуме старого знакомого ханта с библейским именем Пилат, данным ему при крещении дореволюционным обдорским священником. О тех временах напоминала потемневшая икона Николая-угодника, наиболее уважаемого аборигенами русского Бога.

Наутро никакие боги не миловали, и верный спутник-дождь оставался с нами. Узкая и извилистая, как спираль электроплитки, река, казалось, не имела конца, хотя близость берегов создавала иллюзию быстрого движения. Серая скучная дорога изредка прерывалась ко-

роткими солнечными минутами, когда по берегам вспыхивал яркий калейдоскоп красок. Шоколадно-зеленые ольхи, желтые березы, бледно-зеленые лиственницы, а на фоне темных елей и кедров – контрастные огненные рябины с оранжевыми гроздьями плодов, сиренево-багровый голубичник, крупные желто-малиновые ягоды шиповника. Навстречу плыли первые опавшие листья. В заводях они скапливались и кружились причудливыми разноцветными колесиками-водоворотиками.

В тихих затоках на мутно-зеленой от планктона воде кормились местные утки-гоголи и лутки, гнездившиеся в дуплах прибрежных деревьев. Изредка из-под склонившихся с берега ивовых ветвей выплывали неосторожные чирки. Других серых уток почти не было. По середине, беспрестанно ныряя, спускались вплавь к Оби чернозобые гагары, покинувшие лесные гнездовые озера. Порой они возникали из воды почти рядом – темноголовая мама и пепельно-серый гагаренок. Их заостренные и поднятые вверх клювы напоминали перископы подводных лодок.

А вот и объект предстоящей охоты – одинокий глухарь настороженно вытянул толстую, как палка, шею и на удивление легко, почти вертикально взлетел с песка. Все это с интересом наблюдала Джойка, которой надоело почти сутки сидеть в темном, хотя теплом и сухом укрытии. Она ловила новые запахи, хищно смотрела на встречающихся птиц и принимала участие в попутной охоте на чирков для котла, если они падали на берег.

Только к концу дня, оставив позади добрые полторы сотни километров, мокрые, уставшие и совершенно невыспавшиеся, добрались до места. Это был высокий лесистый мыс на почти прямоугольном повороте реки. Сюда в предрассветные минуты прилетали глухари и рассаживались на верхушки елей и кривые сучки старых лиственниц, чтобы осмотреться перед перелетом на большую песчаную отмель противоположного берега. Там они клевали мелкую гальку, выполнявшую роль своеобразных жерновов в их желудках для перетирания грубой зимней пищи – хвои и почек. Слева отмель переходила в высокий густой березняк, который опоясывал изгиб старицы, напоминающий очертанием след лося или оленя. В переводе с хантыйского урочище так и называлось – “Третье копыто”.

Лодку удобно причалили к добротному плотнику, оставшемуся от какой-то экспедиции. Быструю разгрузку стимулировал разгулявшийся

дождь, такой, что Джойка даже не захотела оставаться на берегу и снова спряталась в бударке. А мы в темпе установили брезентовый навес под припасы, сделали стол с сидениями, соорудили высокую постель из лапника. С палаткой же неожиданно пришлось повозиться – кто-то явно подшутил над нами. Веревки-растяжки были не только запутаны и завязаны, но и местами заплетены в тройные косички. Зато, когда туго растянули большое, белое полотнище, привязав одним концом к осыпанному ягодами и склонившемуся к обрыву рябинового кусту, – он выпрямился и как вымпел запламенел над нашим станом.

Флаг охоты поднят! На трескучем еловом костре ведра с утятинной и чаем. Достаются брусника, копченая рыба, лосятина от Пилата, а так же вверенная мне, как старшему по возрасту, пятилитровая канистра с палящей перцовой настойкой “два стручка”. За удачу! Забылись холод, усталость и дождь, который как по заказу прекратился на время ужина. Братья, не раз бывшие здесь, определили нам с Виктором стрелковые номера. Подъем назначили на четыре часа, чтобы затемно быть на местах.

Трудности дороги сделали свое черное дело: под мерный, ритмичный шум дождя мы проспали рассвет. Когда в седьмом часу выбрались из потемневшей от влаги палатки, на песке еще разгуливали три птицы. После торопливых винтовочных выстрелов две улетели, а одна, не торопясь, ушла в лес. Оставалось только поздравить друг друга с “удачным” началом сезона.

К пасмурной погоде примешался сильный ветер, когда ни один глухарь не решится сесть на качающиеся верхушки прибрежных деревьев. Тут мы сами проявили инициативу в поисках дичи и предприняли поездку вверх по реке. Экспедиция продолжалась недолго. Примерно на четвертом километре за кормой что-то громко треснуло, и с шумом всплыл полугнилой ствол березы. Лодка остановилась, хотя мотор заработал еще громче, почти с ревом. Все ясно – отлетела лопасть винта.

Как назло, кругом крутые берега. Долго искали более или менее пологий, чтобы поднять корму. Поставить запасной винт несложно. Надели на вал, оттолкнулись и поехали. Но опять мотор ревел, а лодка – на месте. Оказывается, винт посадили слабо. А так как уже отнесло от удобного места, пришлось долго плыть по течению до очередной отмели. Снова причалили и уплотнили винт шайбой. И опять заковыка

– не подходит фабричная шпонка. Инженерная мысль нашла простой выход – применили обыкновенный гвоздь, выдернутый из борта. Ремонт окончен, но и время охоты прошло. Глухарь – птица утренняя.

Оставалось заняться рыбной ловлей, расставив в заливе пару сетей. После удачного их просмотра, назначенный постоянным поваром, я приготовил двойную рыбацкую уху, сварив сначала семь крупных окуней, головы и хвосты трех щук-двухлеток. Затем запустил в бульон круглые картофелины, куски щучьего филе, лук, перец-горошек и лавровый лист. Если бы где-то рядом был медведь, он наверняка пришел бы на аромат этого блюда. Насладиться лесным кушанием нам пришлось в тесной палатке, спасаясь от зарядившего на всю ночь дождя.

На следующее утро встали во время, вскипятили чай, закусили холодной рыбой в желе из загустевшей ухи (что тебе заливное!) и осторожно разошлись по местам. Я весь был обращен в слух и мое волнение телепатически передавалось собаке. Она то нюхала воздух, то с фырканьем рылась во мху, то садилась около меня прямо на сапог и вздрагивала от каждого резкого звука. Вот кашлянул брат: “кха-кха”. Тут же пересмешница-сойка резко передразнила его: “ка-а-а, ка-а, ка-а!”. Совсем близко раздалось отрывистое лосиное мычание. “У-у-у!” – закричала сойка и улетела.

Джойка вздрогнула от шума, с которым на вершине высокой ели усаживался глухарь, а когда тяжелая птица, ломая ветви падала на землю, собака в панике забилась мне под ноги. После того, как я ее успокоил и подвел к глухарю со знакомой командой “ищи!”, она осторожно обнюхала его, и заметив, что тот подает еще признаки жизни, азартно вцепилась и пыталась сдвинуть с места. Но, естественно, тщетно.

Услышав выстрел Володи, стоявшего рядом, убежала и потрепала его глухаря. Потом уже при свете заметила севшую невысоко от земли глухарку, затаивкала на нее, как лайка, и стала яростно царапать когтями ствол лиственницы.

Виктор на утренник не ходил в надежде заняться днем съемками, если позволит погода. К нашему приходу он заварил свежий плиточный чай. Мы с удовольствием расселись за столом, но разом почувствовали необычный цвет и вкус напитка. Оказывается, в ведро свалилась кожаная перчатка, сушившаяся на тагане. И это не последний поварский сюрприз.

Недалеко было большое лесное озеро, куда мы перетащили маленькую лодку, чтобы поставить сеть на карасей. Пока ребята плавали в поисках лучшего места, а Виктор фотографировал, я добыл несколько рябчиков: часть подманил свистком, часть Джойка подняла с земли. Причем работала по ним с удовольствием, быстро разыскивала и доставляла убитых. Вечером всем виделось, конечно, изысканное жаркое из рябчиков. И оно удалось бы на славу, не попади случайно в котел вместе с картошкой кусочек хозяйственного

мыла.

Редчайший случай! Охотники, давась от смеха и проклиная “шеф-повара”, довольствовались чаем. Джойка аппетитно похрустывала деликатесной птичкой, хотя до этого в рот не брала мясо не только уток, но и куликов. Поистине, – “лошадь ела пряники, а мужик – овес”. Я тут же вымыл котел и заварил принесенного ребятами крупного золотистого карася, в котором оказалась целая тарелка икры. В качестве компенсации пришлось налить каждому из канистры. Но пиршество опять прервал дождь.

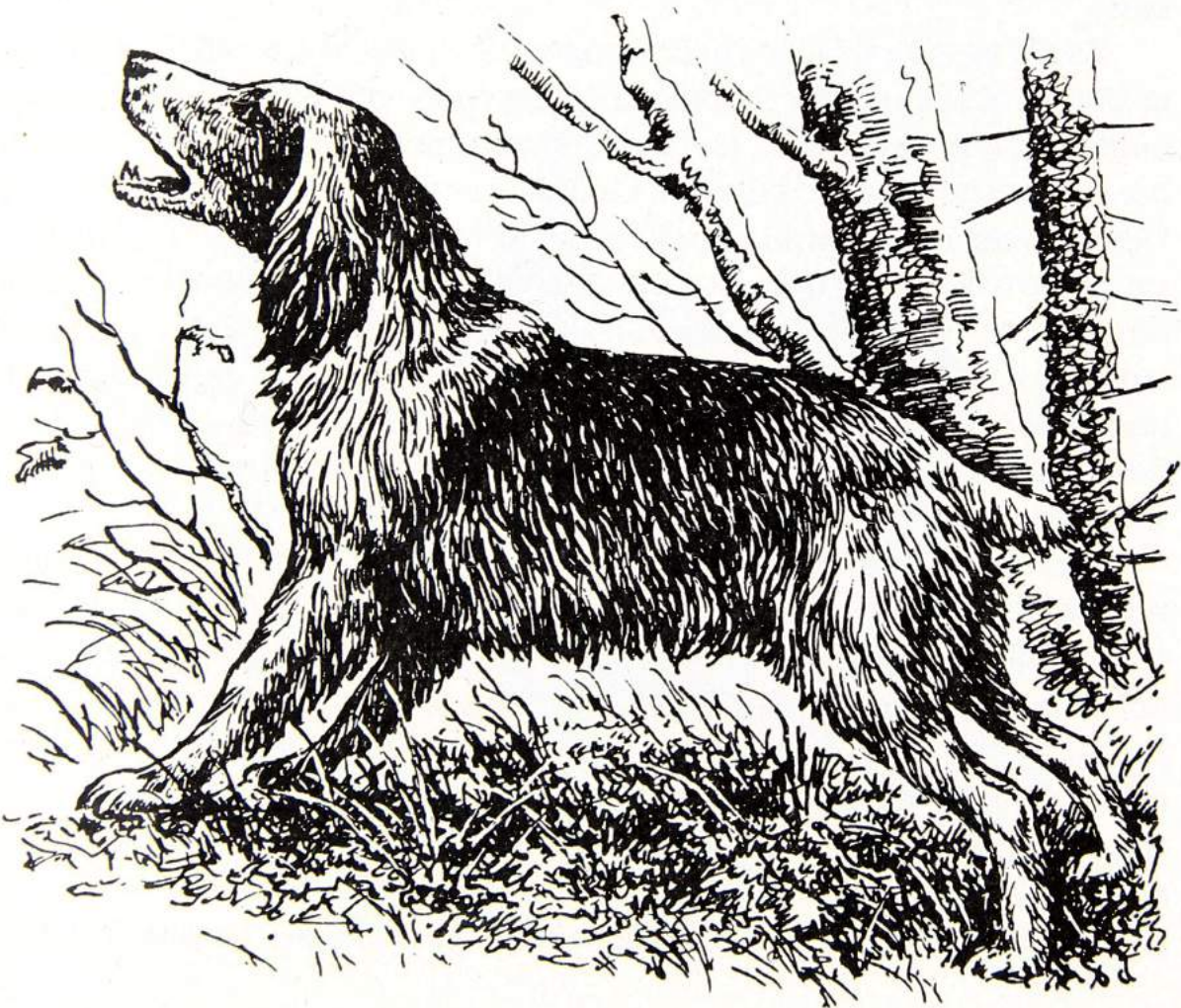
Были дни, более удачные и менее также. Под навесом появились трофеи. Общее, что объединяло наши охотничьи будни, – относительное тепло и сплошные дожди. Ночью на свет костра вылетали мотыльки и другие насекомые, а днем и вечером заедал гнус. Особенно мелкие, с игольное ушко, осенние мошки. Они атаковали целыми полчищами, нанося очень болезненные укусы. Хватало и обычных крупных мошек, и тривиальных комаров-кусак. Наши лица, шеи, руки покрылись красными волдырями. Шел конец сентября – обычная пора морозных утренников и застывания озер. Но вместо инея и льда утром двадцать первого мы наблюдали типично летнее явление – сильную продолжительную грозу. Появились признаки прояснения – высоко в небе парили четыре орлана-белохвоста.

На следующий день впервые увидели солнце. Лес засветился последним золотом. Еще через день был первый заморозок. Глухари активизировались, все взяли за утро по три штуки. Начался листопад

у ольхи и березы. Вместе с их листвой ветер срывает с елки перо глухарки, и оно медленно парашютирует к земле. В предчувствии холодов на болоте радостно забормотали белые куропатки – моя любимая по спортивности стрельбы боровая дичь. Насколько красиво ходить на них со спаниелем. Работая поочередно нижним и верхним чутьем, Джойка вплотную подвела меня к выводку, а после дуплета галопом бросилась разыскивать трофеи.

На нашей флаг-рябине побывала веселая стая хохлатых звонко-голосых свиристелей – верный показатель близкого похолодания. Затрещали под ногами опавшие листья, заблестел первый тонкий ледок. Облака окрасились в холодные бледно-лиловые тона. Слышатся прощальные крики лебедей и гусей, резкий свист утиных пролетных стай. Закружились первые редкие снежинки. Они все гуще, но такие легкие, что как звездочки, повисают на протянутых между деревьями паутинках и сверкают на солнце искрящимися ожерельями.

На подстывшую землю выпал золотой дождь лиственничной хвои. Она всюду: в котелках, кружках, за нашими воротниками, желтой зак-

рученной струей плывет по речной стремнине. На оголенных березах за речкой расселись тетерева и заворковали почти по-весеннему нежными булькающими голосами.

– Ставь прицел мелкокалиберки на 120–130 метров, – сказали братья. Все легли на обрыв и, тщательно выцеливая, сделали выстрелов двадцать, пока стайка не разлетелась. Свалилась с деревьев только пара косачей, и мы поехали за ними на лодке. Увидеть чернышей на светлом ковре листьев не составляло труда – обошлись бы без собаки, хотя она их тоже заметила и потрепала.

Зная, что крупные птицы, порой даже пробитые насквозь маленькой свинцовой пулькой, сгоряча улетают довольно далеко, мы углубились в лес. Вот тут-то Джойка себя показала. При помощи только верхнего чутья, понюхав воздух и поймав запах, она как-то боком, с поднятым носом вышла поочередно на двух еще теплых лирохвостых красавцев. Через некоторое время взяла след, долго крутилась вокруг большой кучи бурелома и выгнала юркого подранка, которого пришлось достреливать. Теперь весь набор лесной дичи стал ей знаком.

Золотая осень была грубо прервана утром 26 сентября штормовым северным ветром со снегом. Вокруг все побелело. Днем ветер и снегопад прекратились, снова установилась сухая погода. Начали понемногу собираться домой. Сходили все на озеро за лодкой и сетями. Вечер провели за ухой у костра. Утром поднялся ветер, поэтому вылет был плохой. Подманивали на свисток рябчиков. Один петушок сел на противоположный конец вывороченной ели, в корнях которой я устроился как в кресле. Отсидев зорьку, вышел на крутояр полюбоваться речкой, ставшей еще более темноводной от черных безлистных кустов и текущей в белых берегах. И тут случилось событие, в центре которого была Джойка.

Братья еще не покинули свои позиции, когда на противоположном песке появился глухарь. Щелкнуло несколько винтовочных выстрелов. Одна из пуль пробила глухариное крыло, и он, развернувшись, поспешил в спасительный лес. Ребята бросились мимо меня к лодке, Джойка – за ними. Через некоторое время вижу выходящую из леса процессию. Впереди прыгающая с визгливым лаем собака, за ней Борис с громадным живым глухарем под мышкой и замыкает Владимир с неестественно отставленной левой рукой.

Оказывается, собака по следу настигла глухаря на лесной полян-

ке метрах в пятидесяти от берега и бросилась на него как на какую-нибудь куропатку. Вцепилась в хвост, вырвала несколько перьев, но получила такую оплеуху крылом, что отскочила метра на два. Оторопела от неожиданности, залаяла и снова схватила подранка, получив очередной крепкий удар.

Тогда Володя, довольно высокий и крепкий парень, сделав перед этим презрительное заявление, что та не собака, которая не может взять глухаря, навалился на него сам. Обхватил птицу правой рукой, а левой хотел поймать за шею. Тут глухарь пустил в ход свой могучий клюв и долбанул захватчика по указательному пальцу, вырвав небольшой клочок кожи.

Подумалось, что схватка может вообще отбить у Джойки охоту брать крупную дичь. Но братья дострелили глухаря, а собака осторожно приблизилась к нему, понюхала и злобно вцепилась в голову. Это вселило какую-то надежду на отсутствие у нее морально-психологической травмы.

Прощальный вечер. Запылал костер из толстых бревен. К ужину извлекли неприкосновенные запасы и просидели почти до рассвета. И вот занялось последнее утро охоты. На востоке из чернильной темноты появилась узкая зеленовато-серебристая полоска зари. Сверху к ней добавилась широкая розово-красная дуга, как купол над восходящим солнцем. Постепенно серебрянная полоса стала ярче, заблестела металлическим отливом. Западная часть неба посветлела и окрасилась в нежно-розовый цвет. А на вершинах деревьев заиграло золото первых лучей.

Заключительный день все, кроме Виктора, встретили на своих местах, но из-за сильного ветра пришли без трофеев. Зато фотограф всех удивил, добыв трех глухарей прямо у костра. И теперь уже мы его фотографировали в позе удачливого охотника. Пока снимали лагерь и грузились, небо заволочило темными тучами, усилился ветер. Место казалось осиротевшим. Прилетели новые хозяева – суетливые черно-оранжевые сойки. С разноголосыми криками они начали свой пир вокруг угасающего костра.

27 сентября в полдень двинулись в обратный путь.

По течению лодка шла намного быстрее. Уток мало. Из-за крутого поворота почти вплотную подъехали к паре пасущихся у берега лосей. Великан-рогач и стройная самка красиво, копыто в копыто, умчались в лес. Из прибрежных тальников спугнули несколько стаяк куропаток, кочующих ближе к пойме. Пробежал посветлевший заяц.

Подъезжая в сумерках к Юган-Горту, почувствовали заметное похолодание. На бортах стала застывать вода. Хорошо, что не было дождя. Наш друг Пилат, только что вернувшийся с рыбалки, угостил “нярхулом” из чира. В переводе с хантыйского это деликатесное блюдо означает буквально – “голая рыба”. Только что пойманную рыбу очищают от чешуи и срезают полосками мясо без костей, но на коже. Его едят слегка присолив, или макая в раствор соли. По этому случаю использовали “НЗ” перцовки.

Утро было классическое глухаринное, какого не выпало нам на охоте. Звенящая тишина. В небе ни облачка, лишь узкие как тонкие штрихи голубые полосы. Вода на быстрой речке отливала металлом, а небольшой залив у стойбища покрылся зеркальным льдом. Сильный мохнатый иней. На ветровых стеклах лодки морозные причудливые узоры. И явный признак близкой зимы – стайка пуночек.

И опять полоса испытаний. Только отчалили, задул северный ветер со снежными зарядами. Благодаря спаду воды, многие мели ста-

ли заметными, но не все. Когда застряли на последней, речку перелетал тетерев. Я успел взять ружье, и он упал с перебитым крылом на берег. Джойка выпрыгнула, догнала бегущего косача, быстро задавила и задним ходом начала тянуть к воде. Здесь я окончательно успокоился – схватка с глухарем не повредила собаке, а, наоборот, – разожгла страсть.

– До города четыре с половиной часа, – гордо объявил наш капитан и главный механик Володя. А через несколько минут в сконструированном им самодельном редукторе, ускоряющем ход лодки, раздался скрежет текстолитовой шестеренки. Стоп машина! Якорь в воду! Иначе встречный почти шквальный ветер унесет в обратную сторону. Выручил знакомый рыбак, отбуксировав нас до ближайшего поселка. Ремонт длился три часа. Торжественно отплыли, но минут через пятнадцать вторая шестеренка осталась без зубцов. Еще три часа на замену. Ну, кажется, поехали. Километрах в пяти от светящегося огнями Салехарда новая авария – лопнул тросик рулевого управления и в самом неудобном для соединения месте. Работали по очереди, царапая пальцы, и на ощупь, так как все батарейки уже сели.

На исходе тринадцатых суток полного приключений путешествия причалили к родной пристани. В небе приветственным салютом бушевало сильное Полярное сияние, переливаясь ярко-зелеными сполохами, как символ охотничьего счастья. А путь к нему, как известно, лежит через трудности.

2. ОСЕНЬ В ТАЙГЕ

Переехав в июне 1970 года из лесотундрового Салехарда в таежный Ханты-Мансийск, вплотную окруженный подковой нетронутого елово-пихтово-кедрового урмана, я с интересом следил за фенологическими изменениями в настоящем темнохвойном лесу.

Лето стояло грибное. Хотя первая половина его была, можно сказать, засушливой, августовские дожди сделали свое доброе дело и вскоре на пригорках и светлых склонах оврагов, освещаемых солнцем лесных полянах, стали появляться короли леса – крепкие с шоколадными шляпками боровики на коренастых толстых ножках. Вместе с ними красноголовики-подосиновики и обабки-подберезовики.

Вторым слоем пошли маслята – жители более затемненных и сырых лесов. Их здесь два вида: желто-зеленые сырые – лиственнич-

ные и более крепкие сухие – белые. Потом пришла пора пластинчатых грибов, годных для соления: желтые крепкие грузди-еловики и обычные, черные; мохнатые лиловые волнушки, рыжики, лисички и менее ценные – сыроежки, путики, бычки.

Не меньше было и ягод. На южной стороне бугров созрела брусника, спелая черника отливала матовым восковым цветом, янтарно-красными капельками поблескивала костяника. Гроздь рябины и крупные ягоды шиповника стали нежно-оранжевыми. Ветки черемухи покрылись черными точками круглых, как пузырьки, плодов.

На исполинах-кедрах тоже урожай, богатый и ранний. Он привлек очень много желающих полакомиться и сделать запасы. Очень часто встречались рыжие шустрые белки. Юркие полосатики-бурундуки, не обращая внимания на людей, спокойно и деловито набивали орехами защечные мешочки. В кедровниках, недалеко от города, видели и медведей-”шишкарей”.

Разумеется, все они способствуют и распространению семян сибирской сосны (так правильно называется кедр) по тайге. Но главный их разносчик и сеятель – кедровка-ронжа. В начале августа на подлете к кедровникам можно было даже в городе враз наблюдать около полусотни этих, вообще-то полезных разбойниц. А ведь в конце двадцатых годов журналы призывали “Убей кедровку!” И охотники частенько по ним стреляли. Теперь наука установила, что кедровки прячут орехи небольшими кучками и не где попало, а чаще на вырубке или гари, т.е. там, где надо посеять кедр. А почему уносят на пустыри? Да очень просто. Там меньше снега и легче найти запасы.

В конце августа заморозков еще не было, но на коренных берегах вспыхнули первые мазки осенних чарующих красок. Желтые листья ивы и березы, бордовые осинового, красные рябиновые, золотистая хвоя лиственниц украсили некоторые деревья и пестрым, хотя и редким пока ковром легли на прибрежный песок. А в глубоких лесных оврагах уже увял, пожелтел, словно побитый морозом, высокий орлик. Еще более печально, как после сильного инея, выглядели на границе леса и поймы заросли толстого, напоминающего бамбук борщевика.

В начале сентября цвет червоного золота господствовал в кронах почти всех лиственных деревьев, только кустики ольхи оделись в шоколадно-коричневый наряд. Каплями крови алели ягоды брусники и клюквы, рябины и шиповника. А у бересклета даже ветви были окрашены в бордовый цвет.

Недели через две заметно похолодало. Меньше стало обитателей лесных и пойменных пространств. Улетели на юг кулики, мелкие чайки, многие певчие птички. Дрозды стабунились и начали тренировочные полеты, оглашая лес своими резкими, дробными, как короткая пулеметная очередь, криками. Но листва не опала. Коренные берега Иртыша и Оби в пестрой мозаике красок. Темные островерхие пирамиды елей сливаются в зубчатый рисунок, на фоне которого горят, рдеют, полыхают кострами лиственные деревья и кустарники. Только в последний день сентября почувствовалось в Обь-Иртышье холодное дыхание Арктики. Пронеслись снежные заряды, прошумели сильные ветры-листодеры, прозвенели настоящие заморозки. Почти полным листопадом закончился первый период осени.

Темно-бордовым стал помрачневший лес. Светлеют лишь белые стволы берез да желто-зеленая опушка ивняка у подножья коренных берегов. Среди деревьев островки мягкого, как вата, снега. Еще видны шляпки замороженных грибов, “стеклянные” ягоды клюквы, брусники, черники, а под кедрами – опавшие шишки.

С каждым днем становилось холоднее, стыла земля, пряталось и замирало все живое, блекли краски природы, но и тогда она была по-своему прекрасна. Лес полон жизни. С тяжелым хлопаньем срывается с сухой лиственницы копалуха-глухарка и летит на песчаный берег речки собирать мелкую гальку. В березняках “полощут горло” тетерева-косачи. Из ельника слышится серебряный свист рябчика. А вот и сам лесной петушок с громким “фр-пр-пр...” вылетает и-под ног, садится на дерево и... исчезает – природа дела ему умение мастерски маскироваться в ветвях. Пронзительно кричат раскрашенные франтихи-сойки, продолжают сбор орехов кедровки. А лесные зверьки еще в летней одежде: заяц рыжий с чуть побелевшими ушами, белка “красная”, лишь на лапках пробивается голубизна.

Последний абзац я взял из дневника. Примерно так выглядел девятого октября 1970 года типичный урман, где я в первый и единственный раз побывал с Джойкой на таежной охоте под Ханты-Мансийском. Солнечным, тихим, ранним утром мы сошли с попутного катера на правом берегу Оби недалеко от высокого поворотного мыса, где великая река, сливаясь с не менее могучим Иртышом, не только меняет направление своего течения с широтного на меридианальное, но и название “среднюю”, на “нижнюю” Обь.

Тайга на горе была настолько дремучей, темной, с непроходимыми буреломами, что боясь заблудиться, я ограничился маршрутом по заброшенной просеке, оставшейся от дореволюционной телеграфной линии Тобольск-Обдорск. К ней вела старая полузаросшая тропа, по которой раньше ходили линейные надсмотрщики. Сама просека шла недалеко от реки, и вода или широкая обская долина всегда были видны. К берегу спускалось немало распадков, поросших черемухой, ольхой, рябиной и другими кустарниками. Любимые места обитания рябчиков.

Услышав их свист из оврага, попытался имитировать его своим

новым металлическим свистком, да, наверное, с непривычки выдал не тот тембр и ритм. Птички замолчали. Не дождавшись ответа, послал собаку искать. Она громко фыркала, шелестела сухой листвой, лавировала между валежниками и сплетениями кустов. И вдруг с треском взлетающих ракет фейерверка и таким же кону-

сом взрывается выводок рябчиков и рас-
саживается на деревья по обоим скло-
нам. Вижу только одного метрах в
пятнадцати. Что делать? Если попаду
центром снаряда, от него ничего не ос-
танется. Испугнуть и стрелять влет бес-
полезно – мгновенно скроется за
деревьями. Приходится бить беззащит-
ную птичку, целясь чуть в сторону, что-
бы зацепить боковыми дробинами.
Серый комочек, роняя перья, падает
куда-то вниз. Джойка без команды ис-
чезает в распадке и появляется с “полуоципан-
ным” трофеем – обо-
драла в зарослях, пока тащила.

Представляю, как долго бы искал добычу без собаки в этой “ур-
доме”, если бы вообще нашел. А Джойка довольна – глаза сверкают,
прыгает, нюхает рябчика, висящего у пояса. Какое ей дело до “само-
едствующего” хозяина, обвиняющего себя в убийстве сидящей пти-
цы. Был выстрел, дичь найдена и доставлена, значит собака свою
задачу выполнила. Я ее похвалил и, естественно, сам порадовался.
Что поделаешь, такой характер лесной охоты. Не хочешь стрелять по
неподвижным мишеням – наслаждайся таежными картинками и запа-
хами, общайся с природой.

Идем дальше вдоль просеки, заросшей по обочинам кустарни-
ком. Я смотрю на деревья в поисках дичи, посвистываю в пищик,
прислушиваюсь. Джойка бежит передо мной челноком, как на лугу.
Неожиданно с земли опять взлетает выводок. К большой радости
успеваю выстрелить влет и Джойка важно приносит почти непомятого
петушка. Насколько он красив в волшебном сочетании природных
красок! Такой, светящийся изнутри нежносерый цвет бывает, по-мое-
му, только в оперении птиц. Рассмотрите внимательно весеннюю ок-
раску селезней чирка-трескунка или широконоски!

Через некоторое время встретился участок более редкого леса и
я осмелился углубиться в противоположную от реки сторону. И что
же увидел, а вернее, услышал? Оживший писк морзянки рядом со
сгнившими столбами и ржавыми обрывками проводов, по которым
еще в начале века передавались важные депеши и житейские людс-
кие сообщения из губернского центра к Полярному Кругу. “Ти-ти-тии”,
“ти-тии-ти”, “ти-ти-ти”, – перекликаясь свистели рябчики. Трудно ска-
зать, сколько их там было. Я без труда застрелил, а точнее – расстре-

лял трех. Охотничьи гуманные термины: “взял”, “добыл”, “заполевал” – здесь совершенно неуместны. Джойка также легко находила птиц в невысоком брусничнике или черничнике, обнюхивала и приносила, обязательно оставляя на морде несколько прилипших перышек.

И хотя в глубине леса не смолкала “радиоперекличка” рябчиков, пора возвращаться к месту высадки, где уже гудела сирена “Ярославца”. Собиравшие бруснику “катерники” перевезли меня в деревню на пойменной стороне Оби, где были по служебным делам уже известные читателям друзья-охотники Иосиф Никитин и Александр Львов. После моих рассказов быстро закончили работу и под вечер мы приехали на просеку втроем. Они, полные азарта и страсти, а я просто, за компанию. Часа за полтора, убили по четыре рябчика без особых эмоций, а по принципу: пришел, увидел, выстрелил и в сумку.

Такая охота, как и много лет назад в Пуровской тайге, особого интереса не вызывала, кроме удовольствия от работы собаки да сознания того, что спаниель – хороший помощник и в лесу. Понимаю, насколько занимателен процесс умелого подманивания рябчика, но ведь доверчивая птица, обманутая свистком, иногда садится чуть ли не на голову охотника. Я со своей давней и твердой приверженностью к стрельбе только влет тогда окончательно отказался от осенне-зимней лесной охоты по перу на тетеревиных.

После Джойки у меня в течение двадцати лет жили поочередно спаниели Джек и Леда, вообще не видевшие боровой дичи, кроме весенних вальдшнепов. А вот с последней, Радой, довелось поохотиться на осенних тетеревов, но... в пойме. В 1996 году из-за неурожая ягод и бескормицы в лесах, косачи и тетерки с конца сентября переселились на луга, где клевали семена трав и почки тальника. Их было так много, что часто встречались стайки, сидящие на электропроводах, идущих над сенокосами.

Иногда тетерева вылетали, поднятые собакой из травы, словно дупеля и бекасы, иногда удавалось подходить к кормящимся на кустах. За два выхода мы взяли восемь штук. И замечу, что Радка работала по ним очень азартно, горячо исследовала наброды, яростно давила подранков, но не аппортировала.

Однажды я шел к небольшой протоке в надежде обнаружить уток, а мимо очень быстро пролетали два тетерева. Еле успел вскинуть ружье, но, как говорится, “обзаядил” и “обнизил”. Дробь попала в живот ближе к хвосту. Это я понял сразу, когда увидел, что птица поджала лапы и учащенно замахала крыльями. Оба тетерева развернулись

под прямым углом и скрылись в высоких густых тальниках, примыкающих к лесистой горе. Было до них метров 150. Мы долго ходили среди кустарника. Сначала я слышал шуршание подмерзших листьев под бегущей собакой, потом хлопанье крыльев и увидел, как тетерев вертикально, но тяжело взлетел и с трудом сел у вершины высокой ивы. Добить его было проще простого.

Поскольку другая птица по логике должна улететь в лес, я поднялся по склону. Там было несколько небольших ягодных полей, где Радка что-то учуяла и начала азартно искать, чуть ли не роя носом опавшие листья, как кабан. Из-под ольховника спугнула пару рябчиков. Один тут же сел на куст в каких-то полутора метрах над землей. После выстрела она подбежала к нему, долго нюхала, но в зубы так и не взяла. Также получилось со вторым – нашла битого в кустах и встала над ним. Взять и принести заставить не смог.

Апофеозом той охоты стала добыча глухаря. Он сидел на обочине лесной дороги. “Морализовать” – бить не бить сидящего – не было времени, да и кусты кругом, влет можно не взять. Выстрелил в него рябчиковой “семеркой” метров за двадцать. Сильная птица забилась на земле. Радка подскакала галопом и в полторы минуты задавила почти равный ей по размеру трофей. Вид у нее после этого был вполне разбойничий: блестящие глаза, кровь и перья на морде. Тащить его в отличие от тетеревов и рябчиков она пыталась, но еле сдвинула с места.

Подтверждая в заключение свое отношение к описанным видам лесных охот: красиво, занимательно, эмоционально, но не спортивно по стрельбе, и показав полную пригодность и полезность на них спаниелей, я оставляю за собой мечту о неосвоенной пока, будем считать, резервной для меня и Радки летне-осенней лесной охоте по тетеревиным выводкам. Вот где самые немыслимые ракурсы стрельбы для охотника и хитросплетения набродов для спаниеля. Если Бог даст испытать – обязательно постараюсь поделиться ощущениями.

3. ВЕСНА. ТЯГА ВАЛЬДШНЕПА

Рассказывая о благородных болотных долгоносиках, я коротко упомянул о вальдшнепах как возможном объекте осенней охоты, познакомил со своим восприятием его сложной, удивительной окраски, результатами измерений и взвешиваний. Но он, являясь постоянным жителем леса, “по статусу” относится к боровой дичи. Это единственный кулик, на которого разрешается охота весной, причем с примене-

нием легавых собак и спаниелей.

Так как стрельба вальдшнепов на тяге в Северо-Западной Сибири практикуется намного реже, чем даже малораспространенная охота по болотной дичи, я решил включить в эту книгу часть своей переработанной обзорной журнальной статье о странном, таинственном и немного мистическом лесном кулике.

...Вальдшнеп любит полуболотистые лесные участки, перемежающиеся с открытыми пространствами, ручьями. Предпочитает невысокий, граничащий с крупным, лес с подлеском, кустарником, невысокими деревьями. Неважно, хвойный или лиственный, главное условие – рыхлая лесная (только не песчаная) почва, в которой он мог бы рыться клювом в поисках червей, улиток, личинок насекомых, молодых корешков растений.

Как у других бекасовых клюв у него прямой, гибкий с подвижным мягким кончиком, способным чувствовать и захватывать добычу в земле. Как и все бекасовые вальдшнеп – ночная птица, очень скрытная. Днем прячется под защитой кустарников, молодых деревьев, папоротника, в сумерках оживляется, ищет корм. При этом не только погружает клюв в землю, но и переворачивает листья, кусочки коры, веточки.

Из прочих особенностей можно назвать его умение садиться иногда на воду или на деревья. М.М.Пришвин видел однажды целую семью вальдшнепов на елке. В июле 1996 года среди большого лесного болота в окрестностях Ханты-Мансийска я заметил вальдшнепа, сидящего на вершине сухой сосны. Интересна способность самки вальдшнепа в случае опасности переносить своих птенцов по воздуху – в лапах или между клювом и шеей.

Отличается он также большой головой, короткими, оперенными до пяточного сочленения ногами, некоторой неуклюжестью на земле и поперечными темными полосами на голове.

Если продолжить разговор о цвете оперения, то различия я заметил во многих из добрых двух десятков просмотренных при подготовке статьи книг. Сошлюсь для начала на С.Т.Аксакова: “все пятна или пестрины его тела состоят из смешения темных, красноватых и серо-пепельных оттенков, неуловимых для описания, как и у других бекасиных”.

А как не верить подробному описанию вальдшнепа Альфредом Бремом? Но он и некоторые авторы видят на голове у кулика четыре бурых и четыре ржаво-бурых поперечных полосы и карие или бурые глаза. Другие считают, что чередуются черно-бурые и ржаво-бурые

полосы, а глаза темно-бурые. Все, видимо, зависит от восприятия или популяции птицы.

Я, например, из всех встреченных в литературе считаю наиболее удачным определение расцветки нашим бывалым охотником и хорошим писателем В.Е.Германом:

“В окраске преобладают ржаво-бурые тона, на голове, затылке и зашейке по четыре черно-бурых и ржаво-желтых полосы. Остальная часть верхнего оперения испещрена ржавыми, ржаво-серыми, ржаво-желтыми, серо-бурыми и черными пятнами. Горло беловатое. Нижняя часть оперения серо-желтоватая в бурых волнистых полосах. Маховые и рулевые перья черно-бурые с ржавыми пятнами. Глаза очень большие, далеко отставлены назад, темно-бурые, почти черные...”

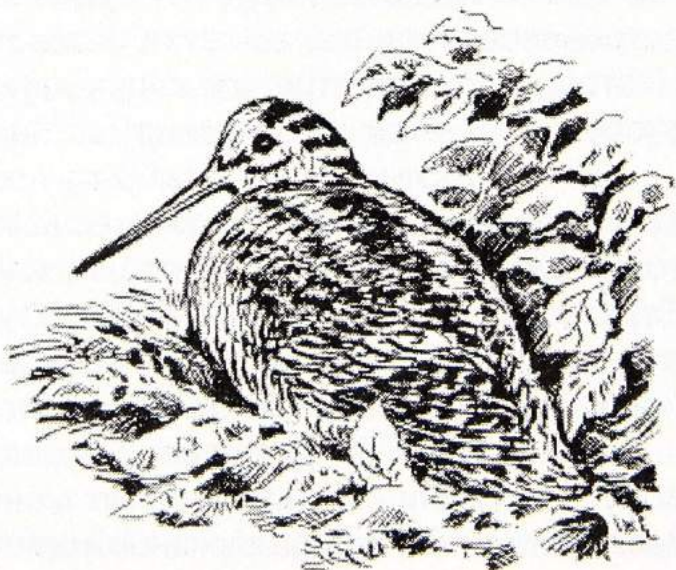
В чехословацкой, богато иллюстрированной цветными фотографиями, энциклопедии птиц Яна Ганзака оперение вальдшнепа характеризуется мраморным рисунком. В солидном, прекрасно оформленном лучшими художниками-анималистами В.А.Ватагиным, А.Н.Комаровым, М.М.Далькевичем и Н.Н.Кондаковым, “Атласе охотничьих птиц и зверей СССР” есть тонко замеченная особенность – “серебристые пятна украшают плечи, крылья и концы черных рулевых перьев”.

Кстати, обратимся еще к одной известной чехословацкой книге “Охота в иллюстрациях” А.Б.Герцага, где сообщается, что первые недоразвитые маховые перья вальдшнепа носят как престижный трофей на охотничьих шляпах, трофеем являются и пуховые перья из надхвостной части.

И есть еще одно интересное перышко (рудиментальное первое маховое) – острое, тугое, оно используется художниками для нанесения акварелью самых тонких, изящных линий.

Но главная особенность этой красивой птицы – возможность весенней охоты, причем охоты, ни с чем не сравнимой. Как писал А.Брем, это “одно из лучших удовольствий охотника-знатока”.

С.Т.Аксаков считает, что “вальдшнеп бесспорно превосходнейшая пер-

вая дичь во всех отношениях; он даже первенствует в благородном семействе бекасов, к которому принадлежит, по отличному вкусу своего мяса, по сходству с ним в пестроте перьев, красоте черных глаз, быстроте и удовлетворенности полета, по способу добывания птицы и даже по трудности стрельбы”.

Малоизвестный нам самобытный охотничий писатель второй половины прошлого века А.Н.Савельев писал:

“Кулик этот – первая, лучшая дичь. С таким заключением, конечно, согласится большинство охотников; лично о себе нечего и говорить: я просто влюблен в этого красавца! Для меня нет ничего красивее его больших темных глаз, его стройного вида, его красивых красновато-сереньких перышек; для меня лучше всякой музыки – взлет из лесной чащи этого красавца и лучше всякой картины – его изумительно-быстрый полет... А как невыразимо сладостно бывает то мгновение, когда этот ловкий полет удастся победить еще более ловким выстрелом”.

Весенняя тяга вальдшнепа... Это токовый полет, когда в сумерках самец, с призывными звуками разыскивая подругу, обследует лесные полянки, дороги, просеки, ручейки, заросшие вырубки. Чаще он летит вдоль границы высокого леса, повторяя его очертания. Открытые места старается облетать по краю, а перелетает их только над грядами кустарников или отдельными деревьями.

В облачные, влажные вечера птицы тянут раньше, медленно и низко, в холодные, ясные и ветреные – поздно, высоко и быстро. При этом, как говорят охотники, вальдшнеп-самец хоркает и цикает. Сначала звучит скрипучее глухое хорканье – оок... оок, затем резкий металлический свист – цсси... цсси. Самка только свистит. Иногда она тоже взлетает в воздух и плавно летает в паре с самцом. Самцы, встречаясь в полете, тоже лишь свистят и преследуют друг друга. Поэтому надежнее стрелять хоркающую птицу, а если летят парой, то вторую, т.к. самец обычно следует сзади.

Для охоты лучше всего выбрать небольшую поляну у опушки невысокого леса, на перекрестке лесных дорог или просек с учетом не только вероятных путей полета, но и удобства кругового обстрела. Стрельба в темноте всегда трудна, а тут еще кругом лес и не знаешь откуда прилетит кулик, хорошо, если заранее услышишь долгожданное хорканье. Словом, охотничьих эмоций здесь сколько угодно.

Почитайте И.С.Тургенева: “Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг – но одни охотники поймут меня – вдруг в глубокой тишине раздаются особого рода карканье и шипение, слышится мерный взмах

проворных крыльев – и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу”.

Охота на лесного долгоносика, как правило, недобычлива: чаще одна-две птицы да и то если есть терпение и выдержка, чтобы не бегать по лесу от места к месту, над которым только что пролетел кулик. А

кроме того, – чуткое ухо и умение быстро и точно выстрелить. Номера дроби (7–9) зависят от боя ружья – чем кучнее и резче, тем мельче. Остальное и, пожалуй, основное в этой охоте созерцание пробуждающейся природы, ощущение весенних звуков леса, единение с природой.

Михаил Михайлович Пришвин вспоминал, стоя на тяге, “ всю флору и фауну лесную”, “ слушал на тяге воду” и считал, что “ в согласии с водой вальдшнеп хрипит”.

Есть прекрасная сцена вальдшнепиной охоты у Левина в романе Л.Н.Толстого “ Анна Каренина”, известны поэтические зарисовки тяги вальдшнепов и в произведениях других больших русских писателей, дозволенных к изданию в СССР бдительными партийными цензорами.

С перестройкой и обретением свободы слова мы узнали много новых и порой не менее талантливых авторов из, так сказать, “ ранее запрещенных”. Несколько лет назад в России впервые была опубликована философски-поэтическая, полная музыки и чувства “ Тяга вальдшнепа” Константина Николаевича Давыдова. И заметьте, не в каком-нибудь охотничьем издании или литературном альманахе, а в журнале “ Химия и жизнь”.

Автор – гордость отечественной и мировой науки зоолог-акаде-

мик, путешественник и писатель с 1923 по 1960 (год смерти) жил во Франции. Специально для охотников назовем его произведения: “Перелеты птиц”, “Глухари”, “Тетеревиный ток”, “Наброски об охоте в России”, “Впечатления и настроения натуралиста”, “Олонецкая тайга”.

Но вернемся к вальдшнепам. Позволим всего две цитаты: “Знаете ли вы, что такое вальдшнеп? Если ваши знания ограничиваются тем, что эта птица кулик, то вы рискуете меня не понять. Вальдшнеп – это совершенно особенная птица. Другой такой нет. Кулик, а к воде никакого отношения не имеет. Живет всегда в лесу отшельником, одиноко. И повадки у него какие-то странные, необычные для птиц. Потревожьте гнездо вальдшнепа – и вальдшнепиха-мать схватит пухового птенчика в лапы и летом унесет прочь – и так всех птенцов перетащит в другое место... Вообще какая-то мистическая, непонятная нам, таинственная птица. Говорят, глаза есть зеркало души. Так вот, посмотрите на его глаза. Таких других глаз нет. А оперение! Тоже совсем особенное”.

Вальдшнеп прилетает к нам в апреле и по вечерам летает над лесом, облетая огромные пространства, вызывая, разыскивая самку, которой подает на лету свои любовные сигналы, тоже какие-то мистические. Это и есть тяга – любовное объяснение, призыв к любовной встрече в росистой голубизне весеннего неба, на фоне чудесного весеннего заката, над нежно зеленой дымкой распускающейся листвы благоухающего березового леса...”

А сейчас самый волнующий момент, последний аккорд перед тягой. Когда смолкает птичий концерт и звучит лишь задумчивая мечтательная песнь дрозда, которую слушает вся притихшая природа:

“Как зачарованный, слушает эту изумительную импровизацию и охотник. Он уж давно потерял власть над своим разумом – да разум ему и не нужен в эти чудесные часы вальдшнепиной тяги. Все его существо всецело проникнуто лесными настроениями, весь он во власти весенних звуков. И сколько волшебных видений проходит перед его раскрывшейся под влиянием этой чудесной весенней мистерии душой! И где она сейчас, эта душа? Она разбрелась по всему лесу, и лишь маленькая ее часть продолжает думать о вальдшнепе. В самом деле, меня спросят: а где же, действительно, охота? Да это, в сущности, и есть охота. Поэтому я и назвал ее самой чудесной из охот, что на ней охотник сам приближается к той лесной мистерии, которая служит прелюдией к появлению над прогалиной главного действующего персонажа – вальдшнепа. Вы весь вечер ждете его появления на этом фоне зачарованного весенними звуками леса и в

конце концов, под влиянием нахлынувших грез, как-то забываете зачем пришли – забываете и о вальдшнепе и о тяге. И только тогда, когда эта магическая минута наступает, вы сразу находите себя. И тут только вы понимаете, что все вами пережитое, перечувствованное в этом весеннем лесу, вместе с этим весенним лесом, были лишь прелюдией к этой минуте и о что ее-то и ждала с таким напряжением природа”.

Охота на тяге воспета в стихах многими русскими поэтами. Не один автор публикации о вальдшнепе брал в качестве эпиграфа вот эти строки из Дм.Виленского:

*“Люблю я вечером стоять в лесу на тяге,
С природой матерью свободно и легко,
Тут забываются мирские передраги,
И думы смутные уходят далеко...
Забьешься в уголок знакомой луговины
С ружьем в руках и знаешь наперед,
Что над вершинами березы и ольшины
Направит вальдшнеп свой полет”.*

А вот стихотворение Алексея Константиновича Толстого (1818-1875)

“На тяге” я хотел бы привести полностью:

*Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листвы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды,
Как нехотя, свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды.
У ног моих явилось отражение;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах... Внезапно легкий свист
Послышался, за ним, отчетисто и внятно
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул – вне выстрела. Другой
Летит из-за лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зрение
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несетя на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,*

*Я выждал верный миг – вперед на пол-аршина
И вскинул – огонь блеснул, по лесу грянул гром –
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижимом воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота –
И стихло все опять – и в глубине ветвей
Жемчужной дробью защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло неожиданно
И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, среди явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?*

Испытать причастность к такому волшебству можно и в наших краях. По ряду данных вальдшнеп гнездится до 60-64 параллели. Авторитетный профессор В.Н.Шнитников проводит северную границу его распространения от 62 до 70 градусов северной широты. Местные охотоведы наблюдали неплохие тяги в Октябрьском районе, граничащем с Ханты-Мансийским с Севера, известный знаток птиц Ю.И.Гордеев, орнитолог А.М.Антипов и автор этих строк – в окрестностях города.

Своего первого в жизни вальдшнепа я добыл 5 мая 1972 года, но не в лесу, а на иртышской пойме в паре километров от Ханты-Мансийска, куда пришел, чтобы не потерять вечер открытия охоты, т.к. уехать подальше было некогда. Просидев без выстрела до темноты, я вдруг отчетливо услышал циканье вальдшнепа. По звуку определил, что он вылетел из лесистого мыса и сделал дугу над лугом. Через секунды уже где-то сбоку послышалось и хорканье. Я обернулся в сторону реки, и в узкой ярко-золотистой полоске зари увидел низко летящую птицу, довольно быстро машущую крыльями, навскидку выстрелил, боясь, что она исчезнет в тени.

Десятилетний Андрей быстро нашел кулика на сухой выкошенной поздней осенью гриве и с недоумением крикнул:

– Бекас, веретенник, дупель... не знаю кто!

– Вальдшнеп, – подсказываю.

– Точно, ты же говорил, что глаза у него почти на затылке.

Окраску рассмотрели уже дома. Сравнивали с разными книжками, находили расхождения, спорили. Но в одном сошлась вся семья, отведав жаренного вальдшнепа. Нам он показался лучше других бекасиных и прочих куликов, не говоря уже о рябчиках и чирках. Чувствовался какой-то пикантный тонкий лесной нюанс во вкусе и аромате.

Побывать на тяге довелось случайно, в 1982 году, когда была запрещена весенняя охота на уток. И подвиг меня на это приезжавший в Ханты-Мансийск известный художник-анималист Олег Отрошко. Охотовед Анатолий Антипов “выправил” разовое разрешение, и мы дважды встречали закаты в лесу. Увидеть вальдшнепов не довелось, но слышали все.

Первого вальдшнепа на настоящей тяге удалось взять через пять лет. Седьмое мая 1987 года, сравнительно ранняя весна. Теплый, ясный, тихий вечер – идеальнейший для брачных полетов лесных долгоносиков. Устроился на взгорке, где широкая лесная дорога пересекалась с просекой от заброшенной телеграфной линии и опускалась к большой болотистой низине, поросшей молодым послепорубочным березняком.

Сижу на пеньке, слушаю птичий гвалт, страстное кваканье проснувшихся лягушек, люблюсь меняющимися в сумерках красками глубокого северного неба. Фиксирую новые весенние приметы: столбик комаров над вытаявшей кочкой, появление большого мотылька, полет жука-плавунца.

Леда с горящими глазами, а порой и взлаиванием провожает в вышине утиные стаи и проносящихся вдоль просек бесшабашных чирков.

Птичий хор явно слабее, чем в классических описаниях. Но предзакатный финальный концерт дроздов поражает мощью и полифоничностью. В десять тридцать звучит последнее соло и воцаряется тишина. И через какие-то минуты я слышу сзади заветное: ци-и-и, ци-и-и. Осторожно проворачиваюсь и вижу со стороны красно-розового заката резко очерченный силуэт, напоминающий совиный. Широкие крылья, мягкий полет, опущенная голова как бы скрывает шею. Идет медленно, но высоко, на уровне вершин елей и кедров.

Красивый штыковой выстрел. Кулик плавно, словно парашютируя, опустился почти под ноги. Леда увидела его в падении, но не рассчитала, выбежала чуть вперед. Возбужденная вернулась, учуя-

ла долгоносика, упавшего в кусты и буквально погрузилась в его запах. Схватить трофей я не разрешил, чтобы не помять прекрасное оперение.

Через две недели всю постоянную страничку "Охотничьи зори" нашей газеты (позже она называлась "Клуб охотника", теперь "Охота и природа") заняла моя статья "Весенняя тяга вальдшнепа", положившая начало сбору и пропаганде материалов об этой интереснейшей птице. Было там и предложение охотничьим организациям – заняться учетом вальдшнепа и подумать об открытии охоты на тяге.

После этого я почти ежегодно ездил, в основном, посмотреть и послушать лесных куликов в их брачном полете. И только через десять лет, в первых правилах охоты Ханты-Мансийского автономного округа (раньше руководствовались областными) была официально разрешена весенняя охота на вальдшнепа во время утренней и вечерней тяги с применением легавых собак и спаниелей.

Приятно, что в последнее время стала больше писать о вальдшнепах охотничья пресса, особенно часто и квалифицированно – наш самый элитарный журнал "Природа и охота". Появился клуб "Вальдшнеп", ведутся широкие учетные работы. отошлю своих земляков-охотников к этим публикациям, чтобы встретить следующую весну теоретически подготовленными и с подготовленными собаками, среди которых, по моему мнению, на первом месте опять же спаниель, способный забираться за трофеем в любую чащу.

ПТИЧЬИ ГОНЧИЕ

(историко-кинологический обзор)

Прирученная человеком не один десяток тысяч лет назад именно ради охоты, собака помогала ему в добыче крупных животных, чаще парнокопытных. При промысле пернатой дичи собаки в первое время служили для подманивая водоплавающих. Еще в конце 40-х годов мне довелось познакомиться в низовьях Оби с таким “первобытным” охотником Ильиным. Ранней весной он сооружал небольшие укрытия из дерна возле гусиных садбиц (открытых лугов с мелкой травой), а его маленькая грязно-желтая собаченка типа оленегонной подводила на выстрел целые стайки гуменников и белолобиков. За сезон старый гусятник обычно брал несколько десятков птиц. На лесных озерах я видел однажды как турпаны с любопытством подплыли к бегающей по берегу белой лайке.

Другим видом охоты был розыск и облаивание птиц, которых древние охотники поражали, вероятно, палками и камнями, а затем при помощи дротиков, луков и пращей. Более комплексная работа собак по перу почти по классической формуле: поиск, выпугивание и подача сбитой дичи – стала возможной на соколиных охотах. Дальнейшее развитие охоты на птиц с накидной сетью, арбалетом и, наконец, с дробовым ружьем, – способствовало образованию различных специализированных пород птичьих собак.

Наиболее распространенные из них легавые: сеттеры, пойнтеры, континентальные и другие, делающие стойку (остановку) перед найденной птицей и предназначенные для охоты на полевую, луговую, болотную и боровую дичь (вальдшнепы, выводки тетеревиных).

К розыскным собакам относят работающих без стойки ретриверов-аппортировщиков, предназначенных для поиска и подачи убитых и раненых птиц, в том числе водоплавающих. В эту группу входит и целое созвездие разновидностей спаниелей – небольших сеттерообразных длинношерстных и длинноухих собак, универсальных для охоты по перу. Как легавые, они разыскивают птицу, подводят к ней охотника, поднимают на крыло, а как ретриверы не делают стойку и умело находят и подают трофей.

Если говорить в целом о спаниелях как о породе, то она одна из наиболее распространенных, популярных и в то же время самых древних, пришедшая к нам из глубины веков. Считают, что ей 6000 лет. Кроме письменных источников, о которых скажем позже, есть указания на существование вещественных доказательств – скелета спаниеля, жившего 5000 лет назад, терракотовой фигурки того же “возраста” и костей, датированных 1400 годом до н.э.

Существует много версий происхождения, становления и распространения породы, а точнее различных пород спаниелей. Первое и однозначно непревзойденное, научно-выверенное, подробное и хорошо иллюстрированное исследование истории и описание существующих на конец XIX века породных групп спаниелей – особенностей их охотничьих качеств, экстерьера и стандартов, дрессировки и натаски – сделал наш знаменитый классик охотничьей литературы и ученый-охотовед Леонид Павлович Сабанеев (1845-1898) в первой книге (“Легавые”) уникального энциклопедического труда “Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые” (Москва, 1896 год).

Исследовав бесчисленное количество источников и опираясь на мнение большинства зоологов и охотников разных времен, он считал возможной родоначальницей всех длинношерстных птичьих собак так называемую испанку (отсюда одно из толкований слова “спаниель”) – длинношерстную птичью гончую небольшого роста, с вислыми ушами, азиатского происхождения. Самым характерным и наиболее постоянным признаком испанки, сохранившимся на века, является бурая масть с различными оттенками.

Как настоящий, объективный и беспристрастный ученый, Л.П.Сабанеев рассматривает разные версии происхождения самой испанки. В то время считалось несомненным фактом, что родиной ее должна

быть Испания, но он обращает внимание на отсутствие в этой стране “коренных” длинношерстных собак, что позволило некоторым охотничьим писателям справедливо выразить сомнение в испанском происхождении этой собаки.

Сабанеев пишет, что еще до новой эры на соколиных охотах, зародившихся в Индии и через Персию и Малую Азию перешедших на Балканский полуостров, применялись небольшие собаки с длинной шерстью и висячими ушами. Были такие собаки в Древней Греции, например, у самого Одиссея; изображен подобный пес и сидящим на знаменитой бочке Диогена. По авторитетному свидетельству Аристотеля, фракийцы еще во времена Александра Македонского, занявшего престол в 336 г. до н.э., занимались охотой с ловчими птицами при помощи собак. Есть указания, что изображения вислоухих собак чеканились на монетах отца Александра – царя Филиппа.

От фракийцев соколиная охота и такие собаки попали к кельтам (галлам) древнейшим охотникам, которые жили тогда почти по всей Европе от нынешней Болгарии до северо-запада Испании и от северной Италии до юга Германии, а также на Британских островах. Приводит автор и предположение, что на острова небольшие вислоухие длинношерстные собаки, получившие в середине века повсеместное название испанских, вывезены кельтами, предками современных ирландцев, еще за 900 лет до новой эры.

Здесь речь шла пока о подсокольих собаках. Первыми в Европе превратили их в легавых (от корня “лѣг”, “лечь”), т.е. делающих остановку перед обнаруженной дичью, итальянцы при охоте на птиц с сетью, которой одновременно накрывали добычу и стоящую или лежащую собаку. Они же первыми сделали легавую подружейной собакой.

Приоритет в охотничьем собаководстве в зависимости от экономической ситуации переходил последовательно от Италии к Испании, позже – к Франции, от нее, после Великой Революции, к Англии и, наконец, к Германии. Л.П.Сабанеев подробно проследил процесс формирования птичьих собак и описал все существующие в его время породы (более 50!). Он разделил их на три группы: длинношерстных эпаньолов, отнес к ним и спаниелей; короткошерстных браков и жесткошерстных грифонов.

Подобную теорию происхождения длинношерстных птичьих собак Л.П. Сабанеев считал наиболее вероятной, тем не менее признавал, что оно (происхождение) “еще очень темно”, и только последующие изыскания в Испании, на Балканском полуострове, в

Малой Азии и Персии могут пролить свет на этот вопрос.

Поскольку нас интересуют современные спаниели, а их второй, а, возможно, и основной родиной, стала Англия, познакомимся со взглядом Л.П.Сабанеева на развитие островных длинношерстных птичьих собак. По его мнению там из “испанки” выработались два типа: крупные длинноногие сеттеры (“setter” – от слова “sett” – ставить, класть) и приземистые спаниели на коротких ногах. Они стали применяться для того, чтобы выгонять тетеревов, вальдшнепов, фазанов из крепей, где невозможно заметить стойку, а затем на куропа-ток, уток и болотную дичь.

Упоминания об английских спаниелях в литературе относятся к X веку в законах короля Уэльса, согласно которым за их кражу назначался штраф. Более определенные сведения, как и изображения спаниелей художниками встречаются в XIV столетии, а в XVI веке их уже делили на сухопутных и водяных. Первые применялись на соколиных охотах и ловле птиц сетью, вторые загоняли в сети линяющих уток и гусей, участвовали в охоте на них с луками и арбалетами.

К началу XIX века появились подробные описания ряда пород уже подружейных спаниелей. Сухопутные делились на крупных спрингеров-прыгунов и мелких кокеров, с которыми охотились на тетеревов и вальдшнепов (англ. woodcock). Лучшие спрингеры водились в графстве Суссекс и получили название суссексов, появилась и особая порода уэльских спрингеров – вельш-спрингеры.

Развитие ружейной охоты и стрельба влет способствовали возникновению других самостоятельных пород; крупных норфольков и полевых – филд-спаниелей. Л.П.Сабанеев дает описание и единственного спаниеля, завезенного в Англию из Франции еще во второй половине XVIII века. Это так же довольно крупный кламбер или немой спаниель, преследовавший дичь без подачи голоса. Из водяных спаниелей он описывает английского и ирландского.

В связи с многообразием пород в 1895 году был создан спаниель-клуб, призванный следить за их чистотой.

В России распространение спаниелей проходило медленно и началось, видимо, в конце XVIII - начале XIX веков. В первых русских охотничьих изданиях Левшина – переводном (1774 г.) и оригинальном – “Книге для охотников” (1814) упоминаются испанские собаки, названные у нас “шпанками”, с которыми вначале охотились на уток. Их кофейный, шоколадный, каштановый цвет стойко сохранился у помесей, которых звали часто каштанками. Красивых породных спаниелей можно видеть на полотнах русских художников первой поло-

вины XIX века. Это широкоизвестная “Всадница” К.Брюллова (1832), его же “Портрет дочерей князя Волконского с арапом” (1843) и картина К.Зеленцова – “В комнатах”.

Первые сведения об участии спаниелей на российских выставках и применении их на охоте мы также находим у Л.П.Сабанеева.

Впервые английские кокеры, принадлежавшие великому князю Николаю Николаевичу, показывались на I выставке Невского общества охотников в 1885 году, а на I выставке Общества любителей породистых собак в 1888 г. (тоже в Петербурге) было четыре кокера этого владельца. Здесь же впервые участвовала пара ирландских водяных спаниелей, получивших бронзовые медали.

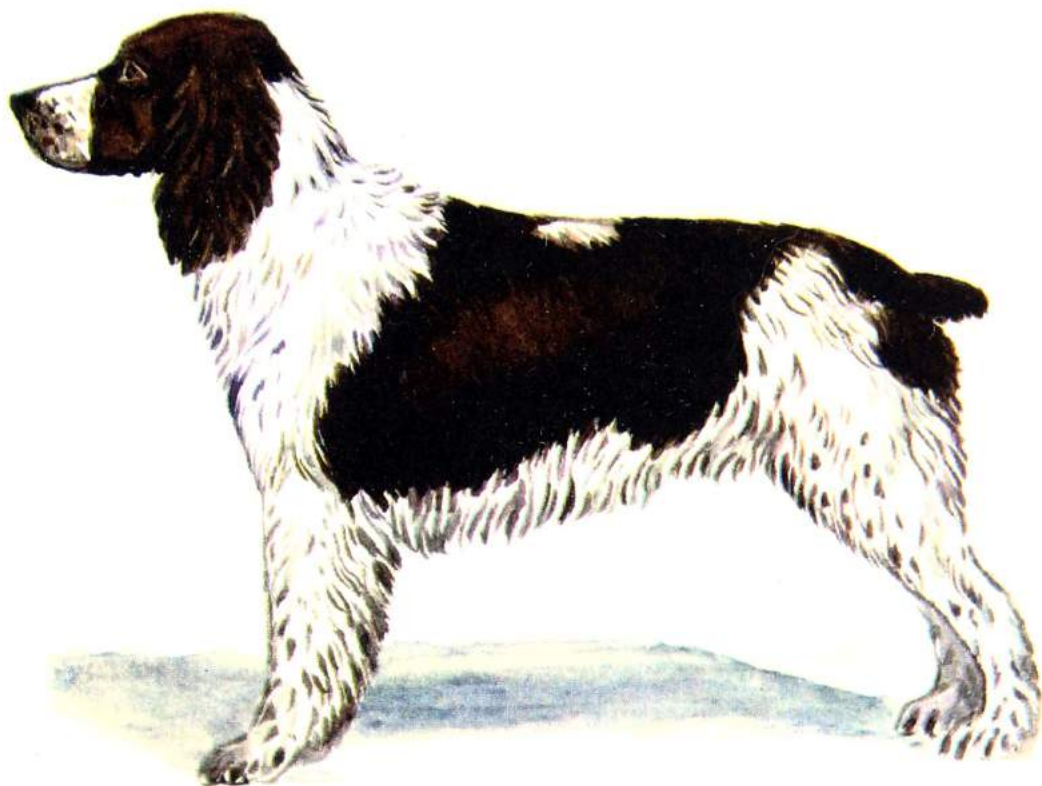
Почти единственный русский охотник с суссексами Э.Н.Новицкий, в основном применял их для того, чтобы выгонять куропаток из зарослей в чистое поле. Суссексы хорошо вытапывали коростелей и водяных курочек, поднимали вальдшнепов, искали и подавали с воды уток, прекрасно ныряли за ними. На Московской XVI выставке его кобель Скамп получил большую серебряную медаль, а сука Бесс – малую. На VII выставке Общества любителей породистых собак в Петербурге большая серебряная медаль присуждена суссексу Рендольфу (владелец В.Р.Диц).

На следующих выставках этого ранга участвовали два филд-спаниеля (черных). В Москве Нелль того же Новицкого был удостоен большой серебряной медали, а в Петербурге золотую медаль получил Дэт (владелец Брант).

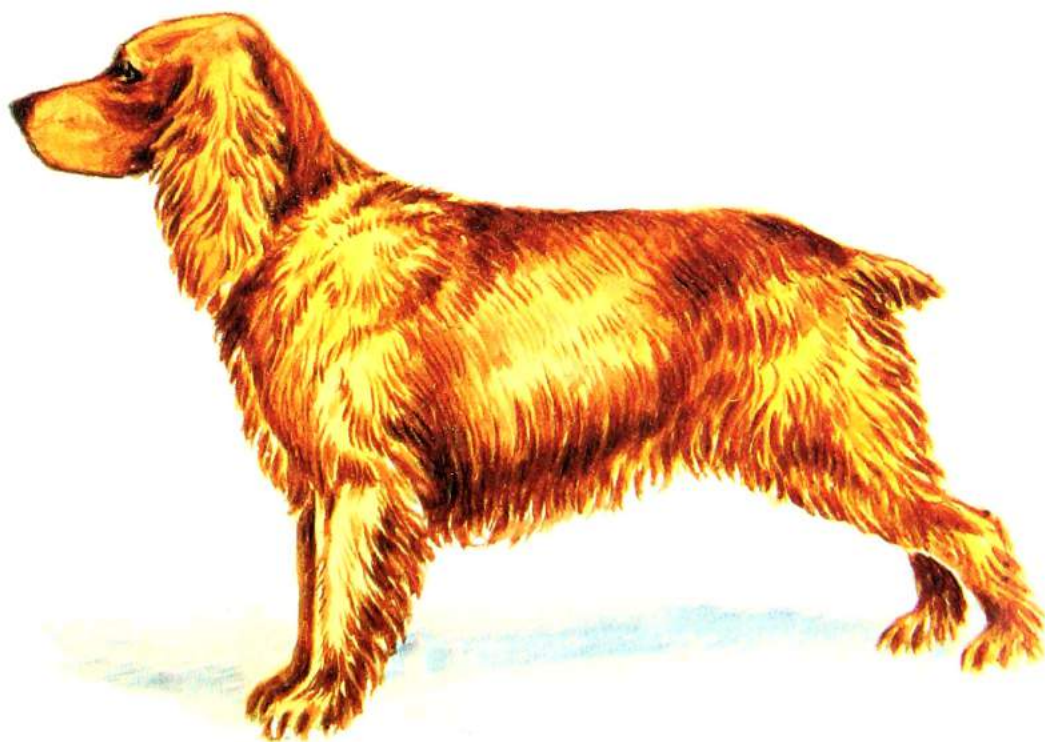
Через два года после выхода книги “Легавые” популярный и авторитетный в то время энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и А.И.Ефрона оценил ее как единственный в своем роде труд не только в русской, но и западно-европейской литературе.

Да и теперь, по прошествии столетия, во всяком случае относительно спаниелей, едва ли можно добавить что-то существенное по охваченному книгой периоду, кроме разве каких-то штрихов к истории породы, о необходимости прояснения, которой говорил сам автор. Здесь есть о чем поспорить, покритиковать одни версии происхождения и распространения, представить более реальными другие, найти новые, неизвестные Сабанееву, или поискать разные объяснения самому слову “спаниель”.

Чтобы убедиться, достаточно прочитать книги Л.А.Корнеева “Слово о собаке” (1989), В.А. и А.В.Корабельниковых “Легенды и быль о собаках” (1993), журнальные статьи (1996) Ю.Гунгера в “Охоте и охотничьем хозяйстве” и О.Малова в “Природе и охоте”. Разумеется, каж-

Английский спрингер-спаниель

Английский кокер-спаниель

Русский спаниель

дый что-то привносит, что-то повторяет, но несомненно одно: спаниель имеет мощный генетический охотничий код, выдержавший тысячелетия. И в этой связи интересно предположение, что спаниель — уцелевший живой памятник высокой и поразительно угасшей высокой культуры эпохи друидов и, возможно, охотничья программа заложена в породу еще до III тысячелетия до новой эры.

Что касается современного состояния мировых пород спаниелей, то почти все они упомянуты в популярной переводной книге Джоан Палмер «Ваша собака» (М. 1988). Автор сгруппировала их по размерам: мелкие — американский и английский кокеры, тибетский, кинг-чарлз и кавалер-кинг-чарлз; средние — вельш-спрингер, голландский водяной, филд, суссекс, немецкий перепелиный; крупные — спрингер, кламбер, ирландский и американский водяные. Как видим, к «сабанеевским» английским спаниелям ничего не добавилось. О.Малов пополнил тот список американским бойкин-спаниелем.

Естественно, в эти годы (XX век) породы совершенствовались, менялись стандарты и приоритеты в разведении и использовании, охотничьем или декоративном. Все это очень подробно, с использованием множества источников исследовал О.Малов в упомянутом цикле статей об охотничьих собаках мира. Прекрасно иллюстриро-

ванные цветными рисунками автора, публикации явно представляют несколько сокращенный журнальный вариант будущей солидной, претендующей на фундаментальность книги.

Историю кокера за этот период проследил и Ю.Гунгер. Именно эта разновидность спаниелей была и практически осталась единственной культивируемой для охоты в России.

Уж, казалось бы, что не нуждается в каких-либо доказательствах и уточнениях из сабанеевского наследия, так это начатая им пропаганда спаниелей в нашей стране. Его советы и через сто лет, к сожалению, не дошли до многих охотников, видящих в спаниеле слабоватую для российских условий, причем лишь утиную собаку, значительно уступающую более крупным породам.

Вот как шло развитие охотничьего спаниелизма в СССР по О.Малову и Ю.Гунгеру (оба они не приводят дореволюционных данных, а последний не затрагивает породу русского спаниеля). В 1925 году Кинологическим съездом принят первый охотничий “стандарт” кокера – “описательный и безразмерный”. В 1927 году в Ленинграде образовалась первая секция спаниелистов. Там же с 1929 года начались полевые испытания по “Временным правилам полевых испытаний”. Перед войной в городе на Неве на выставках показывали до 50 спаниелей, в Москве их было меньше, но в кинологических центрах имелось достаточное количество производителей для ведения породы в чистоте. Кокеры начали успешно применяться на охоте, хотя говорить о целенаправленной племенной работе со спаниелем в предвоенные годы, видимо, не следует.

После Великой Отечественной войны от советских спаниелей (вспомните блокаду Ленинграда!) мало что осталось, зато появилось много “трофейных”, самых различных пород. На Московской выставке 1946 года было представлено 14 кокеров, пять суссексов, четыре фильда и два спрингера. В такой ситуации ведение какой-то одной породы или хотя бы сохранение ее в чистоте было невозможным.

Неуправляемый процесс смешивания разнотипных спаниелей вынудил кинологов выработать утвержденный в 1951 году стандарт русского охотничьего спаниеля, единый для этих собак и разработанный на основе стандарта самого распространенного из них – кокера. Затем этот стандарт переутверждался с небольшими изменениями в 1959 и 1966 годах.

Условия наших охот требовали более сильной собаки, с более прямой и недлинной шерстью и с не очень длинными ушами. В результате лучшие русские спаниели 60-х годов практически не отлича-

лись от уэльского спрингера ни по внешнему виду, ни по рабочим качествам. Русский спаниель стал популярной собакой, и я склоняю голову перед энтузиастами этой породы и в то же время полностью разделяю мнение, что стабилизации породы не получилось.

Многократно отмечавшуюся разнотипность русских спаниелей на выставках я могу подтвердить на собственных собаках и их потомках. Будучи официально русскими, самая маленькая по размерам Джойка и некрупная Леда походили на английских кокеров, стройный красавец Джек-I – типичный фильд, мощный Джек-II похож на английского спрингера, а неумолимая и азартная Рада, после того как потемнели серые пятна, стала черно-подпалой, как спаниель короля Карла. От вязки Джойки с “паспортизированным” русским спаниелем в двух пометах появлялись крупные черные собаки с густой кудрявой шерстью, как у водяных спаниелей. И тут уж ничего не поделаешь – закон наследственности. Но внешние проявления не влияют на главное – их неистребимый охотничий азарт.

Как бы то ни было, русский спаниель существует, он разводится во многих поколениях и применяется охотниками почти повсеместно, от южных степей до Приполярья, работа над породой продолжается и, дай Бог, ей окончательно сложится, обрести и закрепить свои отличительные качества и преимущества.

Я не сторонник искусственной конкуренции и противопоставления отдельных пород спаниелей. И не одна сотня успешных охот с русскими спаниелями на разную пернатую дичь не дает мне основания сказать, что они лучше также распространенных у нас английских кокеров или только появляющихся спрингеров. Я любитель вообще спаниеля как одной из самых универсальных птичьих собак, и надеюсь, что эта книжка поспособствует появлению новых охотников-спаниелистов в России.

*“До охотничьей души
надо дослужиться у Бога...”*

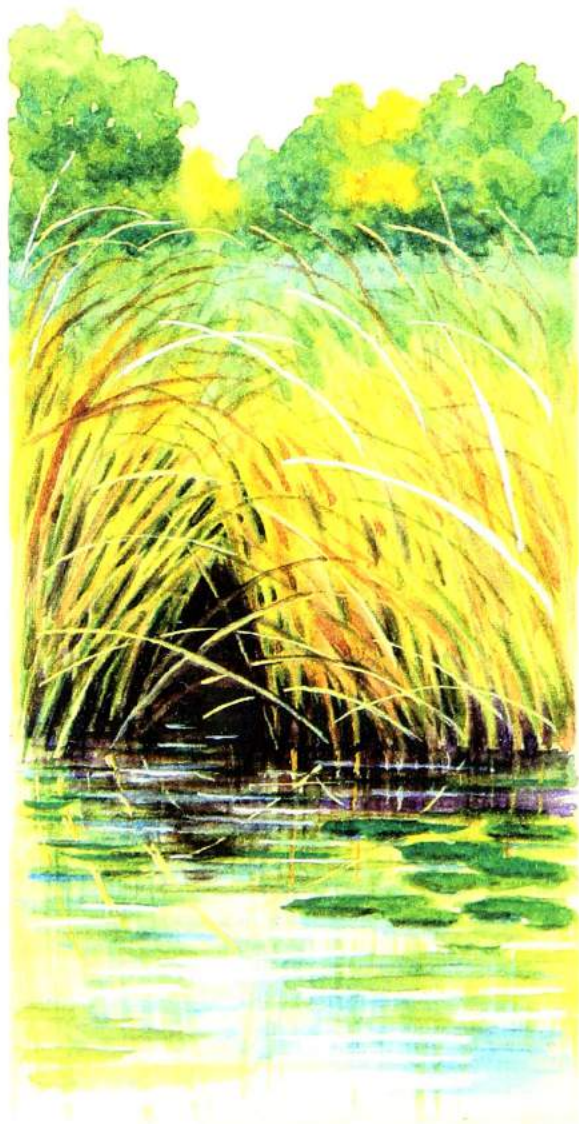
Г.П.Данилевский.

ВЫСШИЙ СМЫСЛ

Примерно половину моей охотничьей биографии занимает ямальский период. Затем более четверти века охотился в не менее интересных местах у слияния Иртыша и Оби. Об особенностях охоты со спаниелем в тех краях я рассказал в повести “30 лет со спаниелем”, которая напечатана в Ханты-Мансийском краеведческом журнале “Югра” за 1994 год (отдельные главы – в альманахе “Охотничьи просторы”), а также в книгах “Планета любви” (1995), “Болотно-луговая охота со спаниелем” (1996).

Кроме сотен газетных статей о природе и охоте, написанных за сорок лет, в последнее время посчастливилось напечатать в московских, ленинградских и местных журналах серию заметок о птицах Обского Севера, занесенных в Красную книгу России или находящихся под защитой закона, статьи об охотничьем собаководстве, о кольцевании и перелетах пернатых, несколько рассказов и этюдов об охоте и природе.

Осмысление многолетнего

опыта и дневниковых записей при работе над публикациями непроизвольно высветило понятие – “высший смысл охоты”. Что это – непреодолимая страсть, инстинкт, зов предков? Или более тонкие чувства: романтика скитаний, поэзия закатов-рассветов, интерес естествоиспытателя к гармонии всего живого на Земле? Да все вместе. И еще – постижение собственного единства с Великой Природой. И не просто как с красивым ландшафтом, а в более широком, может быть, даже космическом плане.

Теоретическое изучение наук, связанных с сельским хозяйством: основ ботаники, зоологии, лесоведения, метеорологии и астрономии; практическое познание местных птиц и зверей, деревьев, трав и цветов, народных примет; фенологические наблюдения, сравнения и описания увиденного – неизменно вели от радостно-эмоционального созерцания к размышлениям, попытке осознать те или иные явления или хотя бы глубже понять и больше узнать.

Сначала заставила задуматься часто наблюдаемая взаимосвязь постоянного и переменного в природе: погода, смена дня и ночи, времена года, движение Луны, определенная цикличность явлений. Особенно рано заинтересовали перелеты пернатых. Постепенно, изучая проблемы их миграции и кольцевания, подержав в руках не один десяток меток перед отправкой в Москву, немало прочитав и написав на эту тему, узнал, какие и куда улетают птицы.

Но больше удивили возможности ориентирования их в пути, порой, очень дальнем, как например, у розовой чайки – от Арктики до Антарктики. Считалось, что днем пернатые путешественники находят дорогу по солнцу и земным ориентирам, ночью – по звездам, в пасмурную погоду – по магнитному полю земли (компас). Все как у людей.

Теперь доказано, что птицы обладают способностью при помощи биокомпаса проводить навигацию, то есть определять свое местонахождение. Замечательный “прибор”, а почему у нас его нет? И встают вопросы: генетики – врожденное программирование? Философии – кто вложил в них неведомый прибор? И, наконец, – бионики – как разгадать подобные принципы и использовать на благо современной техники?

Многое у природы человеком давно заимствовано. Часто осенью по звуку, напоминающему шелест пергаментной бумаги, можно заметить в пожухлой траве умирающих больших стрекоз, слабо трепещущих четыремя длинными крыльями-лопастями. Они не только похожи по форме, но даже раскрашены как фирменный вертолет: кор-

пус под цвет георгиевской ленты – желтый с косыми черными полосами, длинный хвост небесно-бирюзовый с поперечными черными полосками. Их два вида, отличающиеся по окраске. У одного мини-вертолетика большие прозрачные глаза, как сплошная кабина из просветленного (подсиненного) стекла, а у второго – дымчатая, с легким желтоватым светофильтром. А вот стрекоза несет в лапах, словно на вертолетной подвеске, большую пестро-желтую бабочку и не как попало, а по всем законам аэродинамики – головой вперед, крыльями вниз.

Насколько все рационально и красиво в природе!

И первыми ощущают это открывающие раньше всех сезон охотники на болотную дичь с легавыми и спаниелями в пойме. На стыке лета и осени она предстает более яркой и оживленной, чем в более поздний сезон утиной охоты. Тютчевская “короткая, но дивная пора” – самое благоприятное время для творческого восприятия окружающего великолепия лугов. По-моему, Константин Паустовский точнее великого поэта, творившего в такую же пору в Болдино, сказал, что к осени созревает урожай человеческих дум.

Настоящий охотник на болотную дичь в принципе не может быть мясником-заготовителем, как лосятник или даже утятник, поскольку добыча его невелика по размерам и изысканна, как и сама охота на нее. Он не может быть тем примитивным “ремесленником” в поле (определение И.С. Соколова-Микитова), а выступает как наблюдатель-ценитель и поэт в душе, как гурман, но не в кулинарном смысле, а по тонкости ощущения увиденного и пережитого.

Один из представителей плеяды незаслуженно забытых русских охотничьих писателей Е.Т.Смирнов считал, что добывание зверя и птицы, несмотря на ничтожество материальных выгод, доставляет удовольствие, как хорошая книга, толковая музыка.

Глубоко разделяя удачное сравнение, считаю, что если книга, то обязательно поэтическая, если музыка, то не просто звуки, а фантастическое переплетение бесчисленных оттенков семи нот и семи цветов радуги.

Впервые уловив много лет назад всепроникающую природную цветомузыку, я знал только, что такое явление существует. Поэтому почитал о цветном звукосозерцании Н.А.Римского-Корсакова, о знаменитой “световой строке” в партитуре скрябинской “Поэмы огня”, об опытах создания цвето-световой музыки при помощи специальных инструментов венгерского композитора А.Ласло, о “Цветовой симфонии” А.Блисса.

Но все это результаты “цветового слуха”: звуки давали представление музыкантам о цвете и яркости света. А в природе, наоборот, цвет и свет порождают музыкальные ассоциации, чему есть даже научное название – “синопсия”.

Теперь Вы уже точно услышите сами волшебную мелодию, рожденную игрой света и тени, многоцветием красок да еще сопровождаемую по-своему гармоничными флюидами пьянящих луговых ароматов (кстати, говорят, что основных запахов тоже семь).

Сказочный мир красоты, музыки и благовоний, несомненно, вызовет у Вас образное и ритмичное отражение его, т.е. поэтические чувства, не обязательно облеченные в стихи. Со временем поэзия радостно-созерцательная, фиксирующая момент, перейдет в отвлеченно-медитативную. Вы начнете размышлять и через красоту природы постигать ее вечность и очистительную силу.

Таинственный блеск спокойной предзакатной осенней реки подарит плывущие по ней мысли. Ведь течение воды – течение времени, аккумулятор истории, несущий из глубины веков отпечатки прошлой духовной жизни, событий, дум и судеб людских. Вы интуитивно почувствуете то, что ученые давно пытаются доказать и использовать – необыкновенные свойства H_2O как носителя информации.

На зеркальной протоке легкие сиреневые и малиновые тени. Над ней другие респонденты, желающие передать Вам что-то свое, заветное. На фоне золотистого вечернего неба хоровод чаек. Они то пикируют за мелкими рыбками, то взмывают вверх и делают плавные пируэты, то зависают на месте подобно вертолетам. Бело-розовые феи, как заколдованные красавицы, весело играют, радуются хорошей погоде и богатому улову, а в их громких, призывных голосах есть какая-то тайна.

Как стемнеет, Вы, следя за поднимающимися искрами костра, увидите сине-золотое небо, перепоясанное широким, шитым серебром кушаком Млечного Пути. Может быть, это арка, подпирающая небосвод? Коромысло, держащее то, что скрывается за горизонтом? Или дорога, идущая в никуда? Вокруг вечные и неизменные очертания – символы созвездий, ждущие расшифровки, как похожие на них наскальные рисунки первобытных людей.

Самые сложные, часто натыкающиеся на какой-то непреодолимый барьер и не лишённые страха раздумья гипнотически рождает звездное небо: о вечности и бесконечности материи, о неизвестных пока силах, управляющих Вселенной, об абсолютном и относительном, о своем месте в этом странном мире. Как правильно жить, если

во Вселенском всевластном компьютере одна дискета раскручивает Вашу судьбу, а другая – записывает все деяния? Что ждет каждого за отмеренной заранее чертой? Может быть, воцарившаяся ночная темнота, которая, как писал А.И.Куприн, “черна и непроницаема до жуткости”? А там и пушкинские “гроба тайны вековые...”

Плывет в ночь Большая Медведица как золотой ковчег по темно-синему морю, а перед рассветом смотришь – стоит ковшик на ручке. А кто-то другой видит, что он висит. И снова думы: о законах симметрии, о стране “Зазеркалье”, о мирах и антимирах, о своем возможном “двойнике” или втором пришествии на Землю.

И вполне возможно, если все так причудливо переплетено во времени и пространстве. Читатели, возможно, заметили до странности сходные ситуации, описанные в разных главах книги. Как по теории Лобачевского пересекаются параллельные прямые, так, видимо, каким-то образом перекрещиваются и исторические параллели. У философов есть разные объяснения: развитие истории по спирали с повторением пройденных этапов, но на более высокой базе; закон парных случаев; признание возможности аналогии, симметрии, тождества, а проще – сходства, соответствия, совпадения разновременных исторических процессов или явлений.

Народная мудрость гласит коротко и ясно – история повторяется. Немало тому примеров из прошлого обского Севера я встречал в литературе и архивах за десятилетия краеведческих исканий. Почему бы не повториться и жизни.

Но бледно-розовая каемочка заката гаснет и превращается в узкую серую предрассветную полосу. Постепенно расширяясь и удлиняясь по дуге, она станет светло-серой, затем серебряной с матовым платиновым блеском и, наконец, нежно-голубой. Неожиданно низ ее засветится от приближающихся солнечных лучей, и позолоченная бирюза восхода разольется на четверть небосвода. И вспыхнет, выплыв из края Земли, большое малиновое солнце.

Заискрятся росинки, заблестят озера и старицы, засверкают цветы на зеленом травяном ковре, и здесь, на изумрудно-золотых пойменных просторах, при ходовой охоте с благородной собакой Вы наиболее полно ощутите гармонию всего живого и неживого на Земле, человеческое единство с ним.

Так какая же она, осенняя пойма Обь-Иртышья? Дыхание осени сюда приносит август вместе с высокими густыми туманами и холодными сильными росами. Однако земля и вода неохотно отдают накопленное тепло, и осень подкрадывается медленно желто-рыжей

лисицей. Парадоксально – чем жарче и суше лето, тем раньше появляются на лугах мазки осенних красок. Злаковые травы на высоких гривах отцветают, колосятся и блекнут. Над их побуревшей листвой парят в воздухе светло-коричневые колоски с фиолетовым отливом. Создается иллюзия легкой синеватой дымки, проколотой местами высокими шоколадными стеблями конского щавеля, словно осыпанными гречневой крупой.

Из травянистых растений других семейств иногда уже в середине августа, не дожидаясь инея, темнеют и поникают тонкие стебли и соцветия омежника; рано чернеют и стоят, как побитые морозом, высокие кусты орлика, радовавшие взгляд бело-розовыми колокольчиками, и похожие на бамбук заросли толстого борщевика.

На влажных местах – в низинах и у берегов водоемов – травостой из вейника, канареечника, осок и хвощей долго сохраняет более сочный темно- или светло-зеленый цвет. Повсюду островки или небольшие куртинки растущих ярусами цветков. Выше всех желтые метелки крестовика и крупными пушистыми ромашкообразными цветами и похожий на него вербейник; большие ярко-сиреневые соцветия дербенника (плакун-травы); красно-сиреневые – змееголовика; усыпанные множеством мелких белых цветочков зонтики омежника.

Чуть ниже – синие кусты вероники, розовые колоски гречишки. Совсем по земле стелются желтые карликовые лютики, розовые и белые шарики клевера. Дольше других не увядают крупные темно-синие колокольчики горечавки лазурной, кисти мелких розовых цветков зубчатки и зонтики темно-красных цветочков очитка (скрипуна).

Все они, не имея сильных специфических запахов, тем не менее участвуют своей душистой свежестью в общем медвяном ароматическом хоре лугов вместе с прелой травой и свежескошенным сеном. Явным солистом выступает пряный тысячелистник (хряц), называемый в народе чахотной травой. Он и растет иногда отдельно – целыми бело-серыми полями.

Феерический пир осенних запахов и красок почти ежегодно получает отсрочку от увядания и оживляется в “бабье лето”, которое обычно устанавливается в конце августа-начале сентября. Сейчас мы чаще связываем этот термин со второй молодостью женщины. А когда-то так говорили о втором приходе лета, периоде более легких женских сельскохозяйственных работ уже после окончания напряженной страды. В Северной Америке осеннее потепление называют индейским летом, красочным, как пестрая одежда аборигена.

В это время оттенки осенней палитры характерны больше для леса.

Но и в пойме можно увидеть маленькую осинку, вся листва которой стала красно-бордовой и в полный штиль нервно трепещет переливающимся флагом в пологих лучах утреннего солнца. Среди сплошь зеленых ивняков встречаются кусты полностью медно-красные или желто-золотистые.

Наблюдаются типично летние явления: душная жара, сильная гроза с теплым ливнем и продолжительными раскатами грома, яркая радуга и молочно-розовые облака на фоне чисто-голубого неба.

Иногда спровоцированные теплом вновь распускаются первоцветы. Как-то обнаружил два круглых мелких озерца – пару золотых медалей на зеленом парадном мундире природы. Одно сплошь заросло светло-желтыми калужницами, другое – большими лютиками. Как будто снова попал в весну. Привоположные чувства рождают мелкие бледно-лиловые осенние незабудки на ниточках-стебельках. Как сказал А.С.Пушкин: “Цветы последние милей роскошных первоцветов полей”. И у М.А.Шолохова есть подобное – последние цветы милее первых, они будят в сердце уснувшую печаль.

В животном мире все также имеет свой уровень, свой слой, свои циклы во времени и пространстве. Первые седины стареющей природы несут в начале августа расселяющиеся пауки-летчики. Гонимые незаметными движениями воздуха, над лугами плавно летят их паутинки. В середине месяца заканчивается массовый лет стрекоз. В заветренных местах маленькие зеленоватые и коричневатые “вертолетики” еще охотятся за мелкими насекомыми.

На цветах собирают последний нектар толстые трудяги-шмели. На земле стрекочут зеленые кузнечики и крупные коричневые кобылки. У водоемов теплее. Под вечер столбиками вьются комары, свирепствуют больно жалящие мельчайшие осенние мошки. По глади озер и стариц скользят вертячки и водомерки, выписывая замысловатые броуновские движения. Иногда взлетает или падает в воду жук-плавунец.

В низинах прыгают мелкие, с наперсток, лягушата осеннего выводка. В “отшнурованных” лужицах пересохших ручьев, как стрелки, носятся юркие щурята, обреченные на гибель или корм воронам и чайкам. В обмелевших протоках плещутся щуки-двухлетки, охотятся на своих соплеменниц-щурогаек и молодь карповых рыб. Полосатые разбойницы врываются в стайки скопившихся у берега мальков, и те серебристыми брызгами выскакивают из воды. Щучья уха охотнику всегда обеспечена. Большую можно красиво выудить спиннингом, а маленькую – на простой крючок без блесны, была бы наживка из ры-

бьих или птичьих кишок.

Зверьки на лугах почти незаметны. Обычны ондатры и мелкие мышевидные грызуны. Первые от зари до зари хлопотливо занимаются “сенокосом”, вплавь буксируя отборную траву с сочными корневищами к своим земноводным кормовым хаткам-чумам. Присутствие полевок (в зависимости от уровня воды) выдают охотящиеся за ними соколы-пустельги, способные зависать на одном месте, пестрокрылые канюки-мышеловы и болотные совы. Изредка на высоких местах встречаются разрытые крупными грызунами участки земли, а на берегах озер в кочках у самой воды (там теплее) – открытые гнезда с еще голыми мышатами.

По принципу – каждому свое место и время – живет и орнитофауна поймы. Болотная дичь – наиболее скороспелая. По многолетним наблюдениям начинать сезон можно в первую субботу августа. В начале месяца поднимаются на крыло и совершают утренние и вечерние перелеты отлинявшие селезни и ранние выводки речных (благородных) или серых уток. Сначала шилохвость, кряква, чирок-свистунок, затем свиязь, широконоска-соксун и чирок-трескунок. На озерах пока много нелетных серых утят – больше на взлете, меньше – хлопунцов, а изредка попадают даже пуховики из поздних кладок.

Нырковых (черных) уток сравнительно немного. На глубоких озерах и притоках плавают местные выводки хохлатой чернети, изредка – более крупного красноголового нырка (голубой чернети) и пришлые из прибрежных лесков дуплогнездники: птенцы гоголя и малого крохаля-лутка. Очень редко встречаются условно-охотничьи водоплавающие, неосторожные и практически несъедобные птицы – красношейная гагара и похожая на нее маленькая поганка, которые становятся легким, но бесполезным трофеем несведущих “охотников”. Хотя от уток их легко можно отличить по острому клюву, разбегу при взлете и отставленным назад лапам.

Все это будущая законная добыча, которая к открытию утиного сезона в большинстве встает на крыло. А пока здесь охотятся ястребы, соколы, коршуны и самый страшный враг – болотный лунь, бесшумно скользящий над травой и водой. Иногда, пойму всю охватывая взглядом, парит в высоте царь здешних птиц орлан-белохвост.

Но наряду с возвышенными, все чаще посещают охотника и горькие мысли, когда он видит разительные и уже, увы, критические экологические изменения на ранее девственных просторах Обского Севера.

Карандашная запись в блокноте 1965 года. Ямал. Время великих

газовых открытий. Пролетел на вертолете по угодьям своего бывшего совхоза в Пуровской тайге. И там, где на одном песчаном берегу насчитали три года назад 300 глухарей, вспугнули всего четыре птицы. Затем полет от Салехарда к Байдарацкой губе – заливу Карского моря. Вся тундра перепахана десятилетиями незаживающими вездеходными следами.

И неожиданное сравнение. Осенью на Обском Севере преобладают красно-багряные краски, ягоды брусники, клюквы, шиповника, толокнянки, красной смородины, рябины, мелкие листья-копеечки карликовой березки – алеют как капельки крови. И вывод – а не кровь ли это будущего экологического кризиса?

А сейчас он уже наступил – в результате разливов нефти и химикатов, сжигания газа, рубки деревьев в водоохранных зонах и на водоразделах, засоренная лесом и насыпными мостами промысловых рек. И нынешнее состояние природы и общества на первый план выдвигает проблемы морально-этические – всемерное усвоение каждым охотником (рыбаком, туристом, сборщиком дикоросов) тех принципов, на которых должно строиться уважительное отношение к объектам охоты, местам их обитания, природе в целом и к другим охотникам. Необходимы такие качества, которые достигаются только воспитанием и самовоспитанием и закрепляются опытом, практикой.

Разумеется, полноценное, на мой взгляд, восприятие охоты невозможно без соответствующей подготовки человека с малых лет, без знания истории охоты как части национальной культуры. А русский охотник-любитель не был ни спортсменом-коллекционером трофеев, ни промысловиком-добытчиком, он был, по словам М.М.Пришвина, – охотником за собственной душой, ощущая в общении с природой одухотворенность мира и свое вхождение в Божье бытие.

Поэтому важно и своевременное знакомство с книгами Аксакова, Сабанеева, Дриянского, Брема, Сетона-Томпсона, Джека Лондона, Бутурлина, Пришвина, Черкасова, Давыдова, Бианки, Соколова-Микитова, не говоря уже о классиках – Некрасове, Тургеневе, толстовских сценах охоты и так далее, где ярко отражены охотничьи традиции русского народа. Конечно, жизнь у людей складывается по-разному. Но научиться благородному поведению на охоте должен всякий, кто берет в руки ружье.

Основные нравственно-правовые элементы заложены в правилах охоты и в нашем хотя и донельзя примитивном “охотминимуме”, многое можно почерпнуть в возрождающейся охотничьей периодике, а

чаще все-таки стоит вспоминать полузабытые или сознательно игнорируемые охотничьи традиции.

Казалось бы, не так уж много и надо, но беда в том, что одних этому не научили, другие знают, но не выполняют. Только соблюдение писаных и неписаных законов и ощущение себя частицей мироздания определяют правильное поведение человека, оказавшегося с ружьем в руках наедине с природой.

г. Ханты-Мансийск, август 1997 г.

А. Фролов

Библиография трудов Н.Б.Патрикеева

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

1. Планета любви: Из зап. охотника Обского Севера. -М., 1995. - 100 с.
2. Тридцать лет со спаниелем: Документ: повесть // Охот. просторы. -М., 1995. -Кн. 1(3). -С. 106-120.
3. Болотно-луговая охота со спаниелем: Из зап. охотника Обь-Иртышья. -Ханты-Мансийск; 1996. -125 с.

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ ОБ ОХОТЕ:

4. Горностаи // Следы на тополе. -Тюмень, 1958. -С. 7-8.
5. Орел и щука // Там же. -С. 3-4.
6. Счастливый чирок // Там же. -С. 5-6.
7. Сходные случаи // Югра. -1993. -N 2. -С. 59-61. -Из содерж.: В мечте и наяву; Страсть сильнее страха.; Следы на траве.
8. Повторы // Охот. газета. -1993. -N 1-2. -С. 1. -Из содерж.: В первый полет.; Следы на траве.
9. Первое поле.; На лугах со спаниелем // Стерх. -1993. -N 1. -С. 60-61.
10. Планета любви: (журн. вариант): Рожденный с ружьем. // Ямал. меридиан. -1994. N 1. -С. 56-60.; То же // Охотник. -1994. -N 3. -С. 38-39.
11. Планета любви: Первое поле. // Ямал. меридиан. -1994. -N 2. -С. 57-62.
12. Планета любви: Отцовская школа. // Ямал. меридиан. -1994. -N 3. -С. 37-42.
То же // Охотник. -1994. N 6. -С. 41-43.
То же "Охотились и на фронте" (отрывок) // Охотник. -1997. -N 3. С. 14-15.
13. -Планета любви: Осенние тропы. // Ямал. меридиан. -1994. N 4. -С. 36-39.

14. Планета любви: Спаниели в Салехарде. // Ямал. меридиан. 1994. -N 5. -С. 60-62.
15. Планета любви: Весна на Ямале. // Ямал. меридиан. -1994 -N 6. -С. 49-53;
То же // Другая жизнь. -1995. -N 4. -С.13.
16. Планета любви: Весна на Ямале // Ямал. меридиан. -1995. N 1. -С. 51-58. -Оконч.
17. Планета любви: Послесловие автора. // Ямал. меридиан. -1995. -N2. -С. 55-58.
18. 30 лет со спаниелем: Джой – моя радость; Приполярный дебют // игра. -1994. -N2. -С. 59-61.
19. 30 лет со спаниелем: Джой – моя радость; На Обь-Иртышских лугах // Югра. -1994. -N4. -С. 58-60.
20. 30 лет со спаниелем: Джек + утиный ас. // Югра. -1994. N 5. -С 60-62.
21. 30 лет со спаниелем: С Ледой на болотную дичь. // Югра. -1994. -N 6. -С. 59-61.
22. 30 лет со спаниелем: Рада – ищейка и водолаз. // Югра. 1994. -N 12. -С. 50-52.
То же // Охотник. -1997. -N4. -С. 23.
23. Таежный десант // Охотник. -1995. -N5. -С. 40-41.
24. Весенняя тяга вальдшнепа // Югра. -1995. -N5. -С. 24-44.
25. Болотно-луговая охота со спаниелем: Королевские кулики. // Югра. -1995. -N8. -С. 43-46.
26. Болотно-луговая охота со спаниелем: Красная дичь. // Югра. -1995. -N9. -С. 45-47.
27. Болотно-луговая охота со спаниелем: Попутные птицы. // Югра. -1995. -10. -С. 44-46.
28. Со спаниелем в тайге // Югра. -1995. -N11. -С. 44-46.
29. Первое поле - незабываемое // Охотник. -1996. -N2. - С. 39.
30. Охота со спаниелем на болотную и луговую дичь в Западной Сибири // Охот. б-чка: Практ. прил. к альм. "Охот. просторы". -1996. -N8. -С. 18-43.
31. На лугах Обь-Иртышья: 30 лет со спаниелем // Эринтур. - 1997. -кн.1 (2). -С. 227-242.
32. 30 лет со спаниелем: От лайки до спаниеля. // Югра. - 1997. -N7. -С. 46-48; N 8. -С. 45-48.

КОЛЬЦЕВАНИЕ И ПЕРЕЛЕТЫ ПТИЦ

33. Летящие адреса // Югра. -1992. -N3. -С. 60-61.
34. Летят перелетные птицы // Ямал. меридиан. -1992. -N1. - С. 23-25.
35. Кольца рассказывают // Охотник. -1993. -N2. -С. 5-6.

ОХРАНЯЕМЫЕ ПТИЦЫ ОБЪ-ИРТЫШЬЯ

36. Стерх – белый журавль // Ямал. меридиан. -1993. -N1. - С. 68.
37. Орлан-белохвост; Соколы; Скопа // Ямал. меридиан. -1993. -N2. -С. 66-68.
38. Гусь-пiskuлька; Краснозобая казарка // Ямал. меридиан. -1993. -N3. -С. 67-68.
39. Черный аист; Черный журавль // Ямал. меридиан. -1993. -N4. -С. 67-68.
40. Кроншнеп-малютка; Малый кроншнеп // Ямал. меридиан. - 1993. -N5. -С. 68.
41. Малый лебедь // Ямал. меридиан. -1993. -N6. -С. 66.
42. Белоклювая гагара; Орел – царь птиц // Ямал. меридиан. - 1994. -N1. -С. 63-64.
43. Тайны белого журавля // Стерх. -1994. -N1. -С. 24-27.
44. Лебедь-кликун // Ямал. меридиан. -1994. -N2. -С. 66.
45. Пуночка // Ямал. меридиан. -1994. -N3. -С. 68.
46. Серый журавль; Кулик-сорока // Ямал. меридиан. -1994. -N4. - С. 56.
47. Соколиные птицы // Ямал. меридиан. -1994. -N6. -С. 54. - (Под псевд. Н.Борисов).
48. Ястребиные птицы // Ямал. меридиан. -1995. -N1. -С. 58.
49. Стерх родом с Ямала // Югра. -1996. -N3. -С. 43-45. -(Под псевд. Н. Обдорский).
50. Тайна черного журавля // Югра. -1996. -N4. -С. 44-49. - (Под псевд. Н.Обдорский).
51. Водоплавающие: Из Красной кн. // Югра. -1996. -N5. - С.43-45. -(Под псевд. Н.Обдорский).
53. Кроншнепы: Из Красной кн. // Югра. -1996. -N7. -С. 46. (под псевд. Н. Обдорский).
54. Под защитой Закона: Охраняемые птицы // Югра. -1996. -N8. - С.44-45.

55. Дневные хищники: Охраняемые птицы // Югра. -1996. -N8. - С. 47.
56. Ночные хищники: Охраняемые птицы // Югра. -1996. -N10. - С.44-45. -(Под псевд. Н.Обдорский).
57. Совиные птицы // Ямал. меридиан. -1997. -N5.

ЭТЮДЫ И СТАТЬИ

58. Наедине с природой // Югра. -1992. -N8. -С. 21-23.
59. Высокий смысл // Охотник. -1993. -N1. -С. 13-14.
60. Куда дуют ветры (с Новой Земли) /Н.Патрикеев, Б.Слезкин // Стерх. -1993. -N2. -С. 27-28.
61. Концерт для арфы с оркестром // Югра. -1994. -N11. - С. 54-55.
62. Гуси Обь-Иртышья // Стерх. -1995. N2(7). -С. 58.
63. Весна света // Югра. -1995. -N3. -С. 46.
64. Гуси Обского Севера // Ямал. меридиан. -1995. -N3. -С. 97-99.
65. Весна птиц // Югра. -1995. -N5. -С. 45-46.
66. Осенний бал природы // Югра. -1996. -N8. -С. 46-47.

РАБОТЫ ДРУГИХ АВТОРОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕРЕИЗДАНИЮ Н.Б.ПАТРИКЕЕВЫМ

67. Песня, Шуточный рассказ охотника [Хант. фольклор] /Зап. В.Денисенко // Югра. -1993. -N4. -С. 47. -[Прим.: материал взят из фондов Ямало-Ненецкого окр. музея].
68. Няруй: (Ненецкая легенда); Медвежонок: (Ненецкая сказка); Песня старого ханты /Зап. В.Денисенко) // Ямал .меридиан. -1993. - N6. -С. 59. -[Прим.: материал взят из фондов Ямало-Ненецкого окр. музея].
69. На фронте борьбы с волками // Сиб. тракт. -1993. -N10. - С.12. -[Прим.: материал взят из журн. "Урал.охотник". -1925. -N3. -С. 67].
70. Ямальские загибы // Ямал. меридиан. -1994. -N5. -С. 39-40. -[Прим.: Материал перепеч. из журн. "Урал.охотник". -1933. -N1. - С.7-9] (подпсевд. Н.Обдорский).
71. А. Брем на Ямале в 1876 году // Ямал. меридиан. -1995. -N3. -С. 59-63. -[Прим.: из книги А.Брема "Путешествие в Сибири". -Спб., - 1891. -С.314-318]. (Под псевд. Н.Борисов).

ПУБЛИКАЦИИ СО ССЫЛКАМИ НА РАБОТЫ Н.Б.ПАТРИКЕЕВА И ЛИТЕРАТУРА О НЕМ

72. Материалы по фенологии: Вып. III. Сибирь и Дальний Восток. -Л., 1962. -С. 8 - (Геогр. об-во).
73. Поздравление коллеге // Югра. -1992. N8. -С. 23.
74. Н.Б.Патрикеев: Библиогр. указ. /Сост. И.Шевелева; Ханты-Мансийская окр. б-ка. -Ханты-Мансийск. -1993. -12 с.
75. (Н.Патрикеев) // Охотник. -1994. -N2. -С. 14.
76. Энтузиаст // Охот. просторы. -1994. -N2. -С. 253-254.
77. Поздравление автору // Ямал. меридиан. -1995. -N1. -С. 37.
78. Н.Б.Патрикеев: Библиогр. указ. /Сост. Т.Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. -Ханты-Мансийск. -1995. -5с.
79. Булгаков М. Книга с двойным дном. (О кн. "Планета любви") / Ямал. меридиан: -1995. -N2. -С. 59.
80. Белобородов А., Пуртова Т. Югорские краеведы: Материалы к словарю. -Шадринск. -1995. -С. 10, 47, 89-91, 96.
81. Фокин С. Записки охотника Обского Севера: (Рец. на книгу "Планета любви") // Моек. охот. газ. - 1995. -N46. -С. 8.
82. Ревякин Н. (О книге "Планета Любви") // Охотник. -1995. -N5. -С. 40.
83. "Планета любви". (Аннот. на книгу) // Охот. просторы. - 1995. -кн. 3(5). -С. 239-240.
84. Козлов Н. С ружьем, на калданке и посуху: [Рец. на кн. "Планета любви"] // Югра. -1995. -N12. -С. 4.
85. Н.Б.Патрикеев: Библиогр. указ. /Сост. Т.Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. -Ханты-Мансийск. -1996. -8с.
86. Захаров И. Краеведение на подъеме: [О кн. "История Югры газетной строкой" и "Болотно-луговая охота со спаниелем"] // Югра. -1996. -N10. -С. 38.
87. Фокин С. Записки охотника-спаниелиста: [О кн. "Болотно-луговая охота со спаниелем"] // Моск. охот. газ. -1996. -N52. -С. 8.
88. Булгаков М. Двадцать лет спустя: [Обзор охот. лит.] // Охота и охот. хоз-во. -1996. -N12. -С. 39.
89. Аннотация на кн. "Болотно-луговая охота со спаниелем" // Охот. просторы 1996. -кн. 4 (96). -С. 241.
- То же // Охот. просторы. -1997. -кн. 1(п). -С. 245.
- То же // Охот. б-чка. Практ.прил. к альм. "Охот. просторы". -1997. -

N1(13). -С.126.

90. Н.Б.Патрикеев. Библиогр. указ. кн.-журн. публ. 1996 года. / Сост. Т.Пуртова. Ханты-Мансийская окр. б-ка. -Ханты-Мансийск, -1997. -7с.

91. Н.Б.Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публ. /Сост. Т.Пуртова. Ханты-Мансийская окр. б-ка. -Ханты-Мансийск. - 1997. -40 с.

92. Белобородов В. К. , Пуртова Т. В. Ученые и краеведы Югры. Биобиблиографический словарь. Тюмень: Софт Дизайн, 1997.

ПРИМЕЧАНИЕ

Другая жизнь, журн. (Тюмень)

Московская охотничья газета, илл.охотн.изд. (Москва)

Охота и охотничье хозяйство, журн. (Москва)

Охотник, журн. (Москва)

Охотничьи просторы, альм. (Москва)

Охотничья газета, охотн. изд. (Москва)

Сибирский тракт, журн. (Тюмень)

Стерх, журн. (Санкт-Петербург)

Эринтур, альм. (Ханты-Мансийск)

Югра, журн. (Ханты-Мансийск – Сургут)

Ямальский меридиан, журн. (Салехард).

Сост. Т.В. Пуртова; Ханты-Мансийская окружная библиотека.

ЕДИНЕНИЕ С ПРИРОДОЙ. ПОСЛЕСЛОВИЕ.

В последние годы на прилавках российских книжных магазинов появилось много красочно оформленных книг о природе. К сожалению, в основном они переводные и, рассказывая нам о животном и растительном мире, авторы акцентируют внимание на экзотике зарубежных стран. Не спорю, в просветительском и биологическом плане – доле полезное. Но рассказами об удивительном мире слонов и обезьян, крокодилов и львов любовь к природе, родному краю, а значит и к Родине – не привьешь.

Мало, ох, как мало издается у нас книг о родной природе, радости от общения с ней и изучения ее! Еще меньше книг об охоте и охотниках, Я имею ввиду не те многочисленные справочники-близнецы по практической охоте, которые встречаются сейчас все чаще и чаще в книжном мире. Редко издаются книги о самой охоте – переживаниях, связанных с ней, наблюдениях охотников-натуралистов, поэзии закатов и рассветов на охотничьих зорях. Ведь охота – это радость единения с природой. Вспоминаются не так давно ушедшие от нас классики охотничьей литературы: Н.П. Смирнов и А.А. Ливеровский, А.В. Перегудов и Д.П. Зуев, В.Е. Герман и О.В. Волков, отец и сын С.А. и Я.С. Русановы.

Но не оскудела российская земля на русское слово и россиян, умеющих писать об охоте. Тут и там, хотя чаще всего в периодических изданиях, вспыхивают новые имена певцов русской охоты: здесь и опытные корифеи охотничьего пера – Ю. Каммерер, В. Чернышов, Р. Дормидонтов, Д. Житенев, О. Малов, молодые и перспективные И. Алехин, И. Поляков, А. Стефанович, В. Федоров, М. Фокин; неординарные, со своим особым необычным охотничьим слогом А. Бикмуллин, Ю. Алешко-Ожевский, В. Жибаровский, А. Можаров. Большинство из них обратило на себя внимание по публикациям в журнале “Природа и охота”, “Российской охотничьей газете” и другой охотничьей периодике. Некоторые из них в дальнейшем несомненно войдут в ряды продолжателей славных традиций русской охотничьей литературы. А так уж повелось, что писателю делают имя и хранят память о нем прежде всего его книги. Однако немногим талантливым охотничьим литераторам удастся издать свои собственные книги.

Но вернемся к началу нашего разговора об охотничьей литературе. Мы упоминали о классиках, мастерах охотничьего языка, воспевающих не только саму охоту, но и переживания, связанные с ней, возведенные в квадрат любовью к родной природе. Книга такого классика перед вами, уважаемый читатель. Академик Новомир Борисович Патрикеев – известный западно-сибирский охотничий писатель, натуралист, краевед-исследователь и публицист. В его “послужном списке” – около 200 книжно-журнальных и 1000 газетных публикаций о природе, охоте и родном крае. Есть у автора и две чисто охотничьи книги – “Планета любви”: Из записок охотника Обского Севера /М., 1995/ и “Болотно-луговая охота со спаниелем”: Из записок охотника Обь-Иртышья /Ханты-Мансийск, 1996/. Новомир Патрикеев — мастер охотничьих мемуаров и очерков. Когда начинаешь читать его книги – оторваться невозможно. Говорю об этом, прежде всего как охотник – ведь именно то, о чем пишет автор, так близко и знакомо охотничьему сердцу.

“30 лет со спаниелем” – новая охотничья книга Н.Б. Патрикеева. Отрывки из нее публиковались в охотничьих журналах и альманахах, И вот, наконец, она вышла отдельным изданием. Книга, как и предыдущие произведения автора, в основном построена на охотничьей автобиографии писателя. В хронологическом порядке автор повествует нам о своем охотничьем пути: от первого выхода еще мальчиком на охоту и первого удачного выстрела по сидячему кулику-турухтану до классической болотно-луговой охоты с собакой по благородным долгоносикам и таежных охот на глухарей.

Сначала он охотился с лайками и мотисами, а основными объектами охоты были утки и куропатки. Но вот в начале 60-х годов в Салехарде появились первые русские спаниели. Н.Б. Патрикеев стал одним из первых заводчиков тогда еще новой породы охотничьих собак. Волею случая о 1964 году после отъезда из Салехарда известного российского охотоведа Г.Е. Рахманина (помните его прекрасную книгу “Охота на пернатую дичь”?) автору досталась от него молодая черная спаниелька Джойка. Отохотившись с ней 10 сезонов, Новомир Борисович уже более не мог изменить породе и в течение более чем 30 лет держит только спаниелей.

Мне, охотнику с 25-летним стажем, также постоянно державшему спаниелей, очень понятна приверженность писателя к этой породе. По моему мнению, и сам внешний добродушный облик этих длинноушек, и сама охота с ними, настолько покоряют, что в дальнейшем перейти на другую породу уже не удастся.

После 30 лет охоты со спаниелем впору написать и книгу с практическими советами охотникам-спаниелистам. Однако автор пошел по другому пути. Поэт в душе, страстный охотник, очарованный природой, наблюдательный натуралист, неутомимый борец за сохранение природы, Новомир Патрикеев просто не мог ограничиться методическим пособием для охотников. Вместо этого он создал книгу – увлекательную, интересную, захватывающую, но вместе с тем и богатую практическими советами.

В каждой ее строчке сквозит собственное восприятие природы и охоты, любовь к родному краю и чистому небу, зеркальной глади озер и охотничьим зорям. Это-то и подкупает читателя. И хотя многие страницы книги буквально “пропахли порохом ружейного дыма” (что с восторгом воспринимают охотники), чувствуется, что за каждым выстрелом, за каждой добытой птицей, будь-то верткий бекас или таежный патриарх-глухарь, стоит философское осмысление взаимоотношений Природы и Человека.

Н.Б. Патрикееву удалось показать даже неохотникам, что охота не должна восприниматься читателем как простая добыча птиц, а тем более убийство братьев наших меньших. Как это ни парадоксально выглядит, охота – это проявление единения с природой, забота о ее сохранении. Охота – это не только выслеживание дичи и выстрел, непреодолимая страсть, зов предков и романтика скитаний. Это и поэзия закатов-рассветов, интерес натуралиста к гармонии всего живого на Земле, постижение собственного единства с Великой Природой. Прочитайте заключительную главу книги “Высший смысл” – и вам станет все ясно.

Как член историко-литературного клуба правильной охоты “Крекет” не могу не обратить внимания на пропаганду автором правильных, разумных способов охоты, а также охотничьей этики. “Научиться благородному поведению на охоте должен всякий, кто берет в руки и

ружье”, – пишет Н.Б. Патрикеев и эта мысль красной нитью пронизывает все страницы книги. Как биолог, хочу отметить высокую степень биологической грамотности автора – в описаниях птиц, животного и растительного мира он полностью избежал ошибок.

Хочется поблагодарить Н.Б. Патрикеева за новый хороший подарок охотникам и всем любителям природы, а читателям позавидовать – Вы прочли прекрасную книгу.

**Сергей Фокин,
кандидат биологических наук,
член редакционного совета
“Российской охотничьей газеты”,
член историко-литературного Юнеско-Клуба
правильной охоты “Кречет”.**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ОБ АВТОРЕ</i>	3
<i>I. ОТ ЛАЙКИ ДО СПАНИЕЛЯ</i>	7
<i>II. ЗА УТКАМИ В ОБЬ-ИРТЫШЬЕ</i>	
1. ДЖОЙ – МОЯ РАДОСТЬ	23
2. ДЖЕК-II – УТИНЫЙ АС.....	41
<i>III. ПО БОЛОТНО-ЛУГОВОЙ ДИЧИ</i>	
1. ЛЕДА – ДУПЕЛИСТКА И БЕКАСИСТКА	49
2. РАДА – ИЩЕЙКА И ВОДОЛАЗ.....	89
<i>IV. ЛЕСНАЯ ОХОТА</i>	
1. ГЛУХАРИНЫЕ РАССВЕТЫ.....	127
2. ОСЕНЬ В ТАЙГЕ	137
3. ВЕСНА. ТЯГА ВАЛЬДШНЕПА	143
<i>ПТИЧЬИ ГОНЧИЕ</i>	
(историко-кинологический обзор)	153
<i>ВЫСШИЙ СМЫСЛ</i>	162
<i>БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н.Б. ПАТРИКЕЕВА</i>	172
С. Фокин	
<i>ЕДИНЕНИЕ С ПРИРОДОЙ. ПОСЛЕСЛОВИЕ</i>	178

Новомир Борисович Патрикеев
30 ЛЕТ СО СПАНИЕЛЕМ

Оформление художника В. Романова
Фото В. Копнова

Оператор набора	Н. Белёва
Компьютерная верстка	А. Дмитриев
Технический редактор	С. Лескин
Ответственный за выпуск	А. Мишунин

Подготовка издания, набор, верстка —
Издательство «Вектор Бук»

625002, г. Тюмень, ул. Пристанская, За
тел./факс: (3452) 25-03-70

ЛР № 071015 от 28.12.93.

Подписано в печать 29.12.97. Формат 60x90/16.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5.
Усл. кр.-отт. 35,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 457.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

